HISTORIA MAGNA

НАТАЛИЯ БАСОВСКАЯ

Волшебная Италия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга известного медиевиста Наталии Басовской позволит читателю прикоснуться к истории одной из самых древних культурных колыбелей мира — Италии. Знаменитые живописцы, бесстрашные мореплаватели и путешественники, римские папы и предприимчивые правители, а также самые захватывающие и значительные события прошлого на фоне итальянского колорита предстанут на этих страницах. Вы узнаете, как слепой выходец из аристократической семьи Энрико Дандоло получил титул главы Венецианской республики и повлиял на исход Четвертого крестового похода; кто позволил Никколо Макиавелли написать свой самый неоднозначный труд «Государь»; почему сын сапожника Томмазо Кампанелла был признан «величайшим сыном Италии» наравне с ученым Галилео Галилеем. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Наталия Басовская
  -
  - Роберт Гвискар. Жизнь — это война
  - Энрико Дандоло. Самый знаменитый дож Венеции
  - Танкред Сицилийский. Цель жизни — власть
  - Иннокентий III. Между Богом и государями
  - Франциск Ассизский. Проповедник добра и мира
  - Иоанн XXII. Римский папа вне Рима
  - Римский папа Юлий II. Таинственный меценат
  - Савонарола. В тисках Средневековья
  - Пико делла Мирандола. Мыслитель эпохи Возрождения
  - Никколо Макиавелли. Горе уму
  - Цезарь Борджиа. Трагедия баловня судьбы
  - Томмазо Кампанелла. Гражданин «Города Солнца»

Наталия Басовская
Волшебная Италия

© Басовская Н. И., текст, 2021
© Издательство АСТ, 2021

* * *

Роберт Гвискар. Жизнь — это война

Роберт Гвискар (стоит) и его брат Рожер Сицилийский. Литография. Начало XIX в.

Роберт Гвискар (или Робе́р Гюискар, что точнее, потому что он родом из Нормандии, а это Северная Франция) сыграл в европейской жизни, в системе международных отношений огромную роль. Жил он в XI веке — с 1016 по 1085 год, умер за

год до Первого крестового похода. Он внес решающий вклад в судьбу Южной Италии, Сицилии, папства и Германии, и отчасти Византии.

Кто он такой? Выходец из мелкого рыцарства, он всю жизнь оставался разбойником, викингом. Кстати, происхождения слова «викинг» никто точно не знает, в отличие от происхождения слова «норманны» («нордманы») — «северные люди». На Руси викингов называли варягами.

Будучи всю жизнь викингом-варягом, Гвискар успел побывать и графом, и герцогом, помышлял и об императорской короне.

Родился он в Нормандии в 1016 году в семье мелкого дворянина с красивым именем — Танкред Отвиль. Отец заметной фигурой не был, а в истории прославился благодаря своим сыновьям, одним из которых был Роберт Гвискар. Мать звали Фрессенда; мы мало что о ней знаем. Детей в семье было много — только сыновей в семье было 12, и несколько дочерей. Роберт был шестым сыном своего отца и первым его сыном от второго брака, то есть не имел никаких шансов получить какое-нибудь наследство. В лучшем случае — меч (и еще, может быть, коня, но не точно). Таким образом, он нищ, он никто. Но у него есть колоссальное наследство — это гены его предков — норманнов.

Нормандия сегодня — это северные французские департаменты: Манш, Кальвадос и другие, развитая индустриальная и вместе с тем романтическая область Франции. В XI веке это было место расселения северной группы германцев. В основном сюда пришли даны — те, кто жил на Ютландском полуострове, в будущей Дании.

В начале своей истории они существовали в очень скудных краях. Для обработки годилось не более трех процентов земли. Поэтому основное занятие данов — скотоводство. По весне ослабевшую от голода скотину выносили из стойла на руках: животные не могли даже стоять на ногах.

Ярчайшим признаком того, как тяжко жили норманны, является то, что у них было узаконено детоубийство. Отец отбирал ребенка, которого он оставит в живых, а того, кого он не мог прокормить (особенно если ребенок слабенький), уносил в лес. Отсюда берут начало многие европейские сказки. Но этот сюжет — не такая уж сказка.

В голодные сезоны от стариков тоже надо было избавляться. Лучший способ был такой: старики бросались в бой, для них безнадежный, чтобы там быть убитыми на первых шагах, умереть красиво, уйти к богам древних германцев, как положено воинам.

Эта страшная жизнь, тяжелая и напряженная, толкала людей на разбой. Им надо было искать какой-то выход, и этим выходом

было движение на Европейский континент. В 911 году во французском местечке Сент-Клер-сюр-Энт был заключен договор между норманнским герцогом Роллоном и французским королем Франции Карлом Простоватым. Само прозвище монарха говорит о том, насколько далека была тогдашняя Франция от того мощного государства, которым ей предстояло стать. Карл Простоватый принадлежал к угасавшей династии Каролингов — потомков Карла Великого. Реальной власти французский король не имел, поэтому уступил территорию норманнскому вождю Ролллону при условии, что тот будет ее оборонять и не пустит сюда следующих завоевателей. Так родилась Нормандия. Норманны были пластичным этносом, быстро ассимилировались, сохраняя при этом свои обычаи и предания. Довольно скоро они стали северными французами.

Норманны получили прекрасную землю, которой не было в Ютландии. Насколько был счастлив их вождь, когда стало понятно, что можно больше не кочевать, говорит сага. После условного «подписания» договора (письменности у германцев не было — наверное, Роллон поставил крестик или отпечаток пальца) он от восторга бросил в небо какой-то предмет. Это мог быть щит или, что вероятнее, шлем. И шлем этот на землю так и не упал. С нашей сегодняшней точки зрения, он стал спутником планеты.

В XI столетии Нормандия — богатеющий регион, потому что его географическое положение и природные условия очень благоприятны. Именно там и появляется на свет Роберт Отвиль (прозвище Гвискар он получит позже).

О его детстве мы ничего не знаем, но понятно, каким оно могло быть. Не последнее место в воспитании мальчиков занимали военные тренировки. В юности Роберт участвует в бесконечных местных усобицах, ибо Нормандия того времени — это множество мелких феодалов, среди которых начинают появляться более крупные. Герцоги постепенно забирают власть в свои руки, и уже к концу XI века многие из них станут богатыми людьми. А пока они дерутся за территории, даже за скромные участки земли.

Роберт хотел большего. Он знал, что его сводные братья отправились искать счастья в далекую Южную Италию. Там они быстро выдвинулись, стали князьями, герцогами, графами, но он по неизвестной причине присоединился к ним довольно поздно — в 30 лет. Вероятно, у него просто не было средств, чтобы добраться до Италии.

В 1046 году, в 30-летнем возрасте, Роберт Отвиль прибыл с отрядом в Италию и пришел к своему старшему брату Дрого

Апулийскому (Апулия — это юго-восточная часть Италии), у которого были уже и слава, и деньги, и попросил помочь ему устроиться в жизни… Но не получил ничего. Ему было предложено стать рядовым наемником. Когда он возмутился, его на время посадили в колодец — чтобы остыл. Но рядовым он не пошел: выразил возмущение и удалился.

Один из хронистов пишет о том, какое впечатление Роберт произвел, когда пришел к Дрого: «Он признался в своей бедности, и то, что говорили его губы, подтверждала его наружность, ибо он был чрезвычайно худ». То есть это была сцена разговора разбогатевшего и прославившегося сводного брата с нищим, голодным, которому нечем платить своим разбойникам. Но нищий и голодный проявил характер, в рядовые не пошел, а отправился искать покровительства в других местах. Он стал простым наемником, то есть простым разбойником. Ему удалось найти покровителя в Капуе (это южная Италия, в далекой древности место восстания Спартака).

Сегодняшняя Европа кажется мирной, спокойной, сытой, даже немножко консервативной, но в Средние века она бурлила. Везде было неспокойно, а на юге особенно. У южной Италии тяжелая историческая судьба: там шла постоянная борьба. В эпоху Великого переселения народов, в IV–VII веках, туда пришли германские племена лангобардов. Они создали свое королевство — такое же варварское, как королевство франков на территории будущей Франции, королевство вестготов в будущей Испании и так далее. Но положение Южной Италии и острова Сицилия, сильно выдвинутого в Средиземное море, делало их лакомыми кусками и для других завоевателей.

И они очень быстро обнаружились. Восточная Римская империя стала претендовать на эти земли и закрепилась в южной части Апеннинского полуострова, а Сицилию захватили арабы. На территории, которая находилась под лангобардским влиянием, начались те же процессы, что и у франков и у англосаксов в Британии. Все это со временем привело к феодализму, к появлению сеньоров, баронов, крепостных крестьян. Когда в Южную Италию прибыли нормандские разбойники, там царил хаос, а значит, был шанс получить кусок земли.

Покровителем Роберта в Капуе стал один из лангобардских правителей Пандульф IV. Но через два года, в 1050-м, он умер. Роберт снова пошел на поклон к Дрого и на сей раз договорился с ним: брат поручил ему командовать гарнизоном отвоеванной у византийцев крепости Скрибла в Калабрии. Это была первая ступенька, хорошая стартовая позиция для сильного и честолюбивого человека.

В эти же годы Роберт женился на Альбераде, родственнице влиятельного апулийского барона, Жерара из Буональберго. Такой брак вполне годился для реализации его карьерных планов. Жена родила ему двоих детей, один из которых — Боэмунд, тот, что станет князем Антиохийским и прославится в Первом крестовом походе.

Когда Дрого скончался, его сменил другой сводный брат Роберта — Хэмфри. Он почувствовал опасность со стороны боевого коменданта крепости, который к тому же укрепил свою позицию с помощью выгодного брака. Хэмфри намеревался сделать так, чтобы Роберт оставался в Калабрии и никуда оттуда не выезжал.

Но судьба распорядилась иначе. Хэмфри заболел и понял, что умирает. Он призвал к себе Роберта и попросил его заботиться о своих сыновьях. Конечно, брат пообещал исполнить его волю. Кстати, именно тогда он получил прозвище Гвискар, означающее «хитрый, лукавый».

Мерри-Жозеф Блондель. Боэмунд I. 1843 г.

Как только Хэмфри скончался, Гвискар сделал все возможное, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на графское место. Он сумел расположить к себе верхушку общества — и в 1057 году был избран графом Апулии в обход племянников. Правда, он с ними не расправился и вообще особой жестокостью не отличался. Впрочем, это лишь по средневековым меркам. Известно, например, что иногда он любил выбивать зубы пленникам.

Итак, вчерашний никто, нищий рыцарь, стал графом Апулии, правителем богатой и стратегически хорошо расположенной области.

Примечательно, что Данте упоминает Роберта Гвискара и помещает его в своей «Божественной комедии» в рай. Как это возможно? Надо помнить, что он был не убийцей, а завоевателем. То, что жизнь — это война, он впитал с молоком матери. С точки зрения Данте, Роберт Гвискар был правителем ничуть не худшим, чем владевшие соседними территориями арабы, к тому же придерживался христианской веры. К этому времени уже совершилось разделение церкви на католическую и православную. Гвискар был сторонником западной церкви.

В его бурной жизни был момент, когда он сблизился с папами римскими, хотя бывал с ними и во вражде. Заступаясь за папу Григория VII, он в горячке сжег вечный город Рим. Но Данте ему это простил. Поэт возвысил Роберта за то, что тот был за папу, за западный обряд, за католичество. Данте только в теократической идее своего времени видел надежду на объединение Италии.

Едва став графом Апулии, Роберт захотел большего. Он был из тех, кто не останавливается на достигнутом. И исторический контекст, в котором он находился, предоставлял ему такие возможности. Гвискар наметил захватить очень важный центр — Салерно. Это город в Южной Италии, в области Кампанья, плодородной, с трудолюбивым населением.

Наметив себе Салерно, Роберт поменял жену. Он объявил, что его брак с Альберадой недействителен: оказалось, что они близкие родственники. В средневековой Европе это был традиционный повод для того, чтобы аннулировать брак. На сей раз Роберт женился на женщине по имени Сишельгаита, сестре правителя Салерно, князя Гизульфа II. Так был династически проложен путь в желаемую область.

Дочь византийского императора Анна Комнина пишет о второй супруге Гвискара (называя ее Гаита): «В полном военном облачении эта женщина имела устрашающий вид». Современники сравнивали ее со скандинавской воительницей валькирией. Эта воинственная женщина останется с Робертом до конца жизни, у них будет восемь детей.

Роберт постоянно оправдывал прозвище Гвискар — Хитрец. Его хитрости были простодушными, но не невинными. Например, ему приглянулся монастырь в Южной Италии, стоявший на неприступной скале. Штурмовать его было невозможно. Гвискар придумал хитрый план. В монастырь явилась траурная процессия. Печальные норманны принесли гроб и попросили отслужить заупокойную службу по погибшему другу. Монахи начали службу.

И тогда «мертвец» выскочил из гроба, где было полно мечей… Воспользовавшись этим оружием, норманны захватили монастырь. Тем монахам, которым удалось уцелеть, Роберт Гвискар разрешил оставаться в своих кельях. Это в очередной раз говорит о том, что он не был абсолютным злодеем.

Добившись успеха, он всегда хотел большего. В мыслях у него была Сицилия, но там обосновались арабы. Для завоевания острова Роберт придумал ход дипломатический и идеологический. В тот период в папстве царил раскол. Гвискар вступил в контакт с удивительным человеком, кардиналом Гильдебрандом, будущим папой Григорием VII, который от имени тогдашнего папы Николая II привлек его к борьбе против антипапы Бенедикта X. Когда норманны стали союзниками папы Николая II, тот признал Роберта Гвискара герцогом Апулии, Калабрии и Сицилии, которую только еще предстояло завоевать.

Папа объявил Гвискара законным правителем, хотя не имел для этого никаких полномочий. Юридическим основанием для такого решения послужил Константинов дар — фальшивый документ о том, что император Константин якобы предоставил всю Италию в распоряжение римского епископа. В XV веке гуманист Лоренцо Валла разоблачит обман. Но Роберту Гвискару выгодно было верить в папские полномочия.

Получив от папы поручение обратить арабов в истинную веру, он 10 лет, с 1061 по 1071-й, вместе с братом Рожером воевал на Сицилии и наконец захватил остров. Завоевание Сицилии имело большое стратегическое значение для мореплавания.

Лоренцо Валла. Гравюра. 1405–1457 гг.

Но Роберту и этого оказалось мало. К этому времени византийцы были почти вытеснены из Южной Италии. Их последний оплот, город Бари, Гвискар осаждал три года и наконец вступил в Бари 16 апреля 1071 года. В возрасте 60 лет он окончательно закрепил за собой Салерно.

Да, Гвискар был уже немолод, но продолжал строить амбициозные планы. В соответствии с логикой удачливого завоевателя он стремился не осваивать то, что получил, а двигаться вперед и добиваться большего. Он, который 30 лет назад был никем, теперь задумал идти войной на Византию. Когда-то его далекие предки германцы добили находившуюся в кризисе Западную Римскую империю и расселились на ее территории. Нечто подобное затеял и он. Тем более что в Византии был внутренний кризис, часто менялась императорская власть.

Свою дочь Елену Гвискар отправил с целью замужества в Византию — безусловно, чтобы закрепить свои позиции. В этот момент там состоялся переворот, был свергнут император Михаил VII, Елена оказалась заложницей, а ее спасение стало прекрасным поводом для военного похода.

Роберту Гвискару грезилась императорская корона. Он даже пригрел у себя самозванца, который объявил, что он спасшийся император Михаил. Правда, получилось неловко: настоящий

Михаил действительно был жив и постригся в монахи. Что касается дочери, то посол сообщил Гвискару, что с ней все в порядке и она выходит замуж за Константина Дуку, сына свергнутого императора. Но Роберт уже решил, что пойдет ее спасать. Надо сказать, что в это время у него расстроились отношения с папой Григорием VII, поэтому он не мог двинуться в Византию под предлогом укрепления западной ветви церкви.

Папа два раза отлучал Роберта Гвискара от церкви. За что? За излишнюю жадность и разбой: герцог стал захватывать земли на территории Италии, которые принадлежали папству. Григорий VII Неистовый отлучал от церкви многих. В 1077 году, например, германского императора Генриха IV, которому пришлось торжественно покаяться. А вот Гвискар кланяться не поехал. Он вообще не обратил на отлучение особого внимания.

Он был поглощен идеей войны с Византией. В 1081 году он был уже в ее владениях на Балканском полуострове. Сначала захватил остров Корфу — это была прекрасная военная база. Потом осадил порт Диррахий на территории нынешней Албании. Много месяцев длилась тяжелая осада. 18 октября 1081 года произошла знаменитая битва при Диррахии. Туда прибыл сам византийский император Алексей I Комнин и лично участвовал в бою. Сражались на поле боя и сам Роберт Гвискар, и его жена.

На стороне византийцев воевали англосаксы, выходцы из Британии. Битва была отчаянная. Норманны дрогнули и побежали. Анна Комнина пишет: «Тут Гаита, жена Роберта, которая скакала бок о бок с ним и была второй Палладой, если не Афиной, увидела, что их воины бегут. Она в ярости обратилась к ним, призывая их громовым голосом на своем языке в словах, достойных Гомера: "Далеко ли вы бежите? Остановитесь и успокойтесь, как пристало мужам!"»

Увидев, что воины продолжают отступать, она схватила длинное копье и, пустив лошадь в галоп, помчалась за беглецами, после чего те опомнились и вернулись на поле битвы. Представим себе: многодетная мать, в шлеме, из-под которого выбиваются белокурые волосы, с длинным копьем, вернула побежавших воинов. Битва при Диррахии была выиграна. Алексей Комнин ранен, вынужден отступить и отбыть обратно в Византию.

Казалось, после такой победы Роберт немедленно раздавит Византию окончательно… Но он получил известие о страшных мятежах, поднятых против него в Италии, и о том, что армия германского императора идет на Рим, а папа взывает о помощи. Тот самый папа, отлучивший его дважды. Но они уже помирились, и Григорий VII умолял спасти его.

Папа Григорий VII. Миниатюра. XIV в.

Роберт дал клятву не мыться и не бриться до возвращения на Балканы. Через два года он ворвался в Рим. Папа уже сидел в заточении, и Роберт выпустил его на свободу. Германский император отступил. Боя за Рим не было.

Однако норманны стали так беспощадно грабить город, что восстало местное население. Гвискар чуть не попал в плен. Ему удалось вырваться, а его воины-разбойники после трех дней разграбления подожгли Вечный Город.

Удивительно, как многие события «редактируются» в памяти потомков. Вроде бы Гвискар должен был остаться в истории как страшный злодей. Но ему многое прощается. В западной историографии на первый план выдвигаются его борьба против Восточной Римской империи и изгнание арабов с Сицилии.

Еще один важный фактор: в Первом крестовом походе прославился непризнанный сын Роберта Гвискара от первого брака, Боэмунд Тарентский. Этот человек был и отважен, и умен — и направил свою воинскую активность на благое дело, как считали современники. Позже он станет князем Антиохии, которую отвоюет у турок-сельджуков. В сознании многих фигуры Роберта Гвискара и его сына соединились.

Есть легенда о смерти Роберта. В свои 69 лет, водворив на место римского папу, подавив протесты в Италии, он снова отплыл в Грецию, в поход против Византии. На островах его войско настигла некая эпидемия. Может быть, это была чума. В

период раннего Средневековья именно с греческих островов чума приходила в Западную Европу. Главными разносчиками болезни считались крысы, а место их обитания — корабли. Сильный флот, который Гвискар создал еще в начале своих завоеваний, используя норманнский и южно-итальянский опыт, поразила эпидемия, и предводитель, который, в сущности, был близок к тому, чтобы угрожать византийскому императорскому трону, скончался в 1085 году. Он только 10 лет не дожил до Первого крестового похода, до новой страницы европейской истории.

Когда тело Роберта, который завещал похоронить себя в Италии, везли на корабле, начался шторм и гроб выпал за борт. Сохранить тело было невозможно. Поэтому захоронили в конце концов забальзамированные останки. Смерть и фатум часто указывают великим завоевателям: не заносись, человек!

Энрико Дандоло. Самый знаменитый дож Венеции

Гюстав Доре. Энрико Дандоло благословляет рыцарей. Около 1883 г.

Энрико Дандоло — уникальная историческая фигура. У его уникальности несколько граней. Взять хотя бы то, что он в 95-летнем возрасте (и будучи слепым) участвовал в штурме Константинополя. Уже этого одного достаточно, но есть и другие

факты. Например, Дандоло был уникально алчен, но богатств хотел не лично для себя, а для Венеции.

Венеция на рубеже XII–XIII веков была относительно самостоятельной: если и входила в состав каких-то государственных образований, то довольно условно. Дольше всего она пробудет под австрийским владычеством — в начале Нового времени, — а потом станет частью итальянского государства.

У Венеции интересная история рождения и формирования. Это город-государство на островах, город-коммуна. И сейчас Венеция расположена на 118 островах — ближайший к материку соединен с ним двумя мостами: железнодорожным и автомобильным. Улицы Венеции — 150 больших и малых каналов. В городе около 400 мостов.

Венеция выстояла в VI и VII веках, когда завершалось Великое переселение народов. Она была осколком Римской империи, но, когда все начало разваливаться, не стала провинцией. Туда, на острова, бежали люди из Западной Римской империи. Там спасались от дикарей — германцев, гуннов и прочих. Главным островом был Риальто, на котором беглецы и скрывались. И вот что очень важно: среди беженцев были люди разных римских сословий, ведь жить хотелось всем. Они самоорганизовывались, создавали поселения, общины, где соединялись разные люди: и знатные, и простые. У представителей знати был опыт римской политической жизни. Таким образом, идеи совещательных органов, выборности должностей постепенно возобладали в будущей Венецианской республике: дожа (главу республики) избирал небольшой совет.

Укрытые морем, венецианцы не были покорены ни гуннами, ни остготами, ни лангобардами. Некоторое время Венеция находилась под патронатом Восточной Римской империи — Византии. Поскольку византийские императоры стремились подчинить себе город, Венеция постоянно балансировала на грани войны и мира.

К концу XII столетия Венеция и Константинополь стали серьезными соперниками. Они мешали друг другу. Константинополь — золотой мост между Европой и Азией, но и Венеция превратилась в очень важный пункт торговли между Востоком и Западом. Венецианцы создали сильный флот, стали торговать на морях. А торговать в то время значило грабить, топить корабли конкурентов.

Энрико Дандоло предстояло сыграть важную роль в том, чтобы Венеция победила в своей вечной борьбе с Византией. Это произошло во время Четвертого крестового похода 1202–1204

годов.

Венецианский дож Энрико происходил из семьи Дандоло — одного из 12 древнейших патрицианских родов Венеции. Патриции в средневековых городах-коммунах — это не то же, что патриции в Риме, не аристократия. Это торгово-купеческая верхушка, богатейшие и потому уважаемые люди.

По версии энциклопедии Брокгауза и Эфрона, первый венецианский дож в X веке был из рода Дандоло. А всего из этого рода вышли четыре дожа. Еще один знаменитый — помимо Энрико — Андреа Дандоло, правивший во второй половине XIV века.

Герб Андреа Дандоло. Иллюстрация. XVII в.

Отец Энрико — Витале Дандоло — был советником 38-го дожа Витале Микьеля II. Кроме того, у Энрико был очень известный дядя — полный тезка, тоже Энрико Дандоло, патриарх Градо в Далмации, защитник идей Григория VII о том, что папа римский превыше всего на свете, прямой наместник Бога на земле, а все светские государи целуют ему ноги (со временем это переросло в целование туфли).

До 60-летнего возраста Энрико Дандоло в политических делах не существует. В политике только его родственники. Он же был купцом, торговавшим и разбогатевшим на торговле с Востоком, и адмиралом венецианского флота.

Венеция была в то время небольшой олигархической

республикой (хотя сами венецианцы называли свое государство коммуной). На море она соперничала с Генуей, Пизой, а главное — с Османской империей. В годы своей купеческой и военно-морской деятельности Энрико приобрел определенный дипломатический опыт, заговорил на нескольких языках. Для эпохи, когда не существовало статуса переводчика, это было особенно важно. Мир Восточной Римской империи был пестрым этнически и лингвистически.

Созрев для дипломатической деятельности, 63-летний Энрико Дандоло в 1171 году отправился послом в Константинополь и пробыл там два года, ведя тяжелые переговоры о судьбе нескольких тысяч венецианцев, оказавшихся в византийской тюрьме.

Как это произошло? В Константинополе был венецианский квартал. Остальные горожане были недовольны жадностью торговцев, державших высокие цены. Окружающим не нравилось, что венецианцы одеты не так, как местные, едят другую пищу, ведут себя заносчиво. К тому же они не православные, а официальной религией в Византии было православие. Недовольство богатством и обособленностью соседей вызвало бунт. Несколько тысяч венецианцев оказались в тюрьме. Те, кто их туда посадил, явно рассчитывали на выкуп.

В Византии в это время наблюдался упадок императорской власти. Правившая более 100 лет династия Комнинов имела несомненный авторитет. Но в 1185 году утвердилась новая династия — Ангелов, — пришедшая к власти путем узурпации. Это типичная ситуация для Византии, в истории которой немало императоров было передушено, перерезано, ослеплено…

При ничтожных новых правителях усилилось давление со стороны турок-сельджуков, шедших из Малой Азии. А на севере Балканского полуострова утвердились норманны, которым с юга Италии уже хотелось идти дальше. Огромная и пестрая Византийская империя, владевшая землями на Балканском полуострове, в Малой Азии, на Ближнем Востоке, делалась все менее прочной. Определенную роль в ее ослаблении сыграло и то, что традиционное византийское войско — только наемное. В стране не складывалась нация — не было и национальной армии.

В этой сложной обстановке Энрико Дандоло был направлен для переговоров о судьбе нескольких тысяч заключенных. Продолжались эти переговоры два года. Некие позитивные результаты были, и деятельность Энрико получила одобрение: в 1183 году он был вновь командирован в Константинополь с целью довести дело до конца — восстановить в городе венецианский квартал.

Энрико Дандоло стал венецианским дожем через 9 лет, в 1192 году. Есть, правда, одна загадочная деталь. Известно, что он был к тому времени не только немолод, но и слеп. Возможно, его ослепили византийцы в одной из его дипломатических миссий. В Византии такая кара чаще всего применялась в отношении императоров. Считалось, что высшая власть может принадлежать только безупречному, полностью здоровому человеку. Тот, кто ослеплен, не может претендовать на престол. Трудно сказать, зачем ослеплять посла. Но если это все-таки произошло, данное событие в некоторой степени объясняет особую ретивость Энрико Дандоло в Четвертом крестовом походе в отношении взятия Константинополя. Не было ли в этом оттенка личной мести? Подобные мотивы были важны в жизни многих исторических персонажей.

С чем могло быть связано предполагаемое ослепление? Пока Дандоло вел переговоры, Венеция собиралась напасть на Константинополь. Но хитрый византийский император заключил союз с Пизой и с Генуей, и венецианский флот был потоплен. Это и стало толчком для прямой конфронтации. При этом надо помнить, что в средневековье послы не имели особого дипломатического статуса, не были защищены никакими особыми грамотами. Наоборот, за дурную весть послов часто казнили.

Уцелев в этих драматических обстоятельствах, Энрико в возрасте 84 лет был избран дожем. Он первым из венецианских дожей принес присягу — традиция остается навсегда. Присяга дожа определяет его полномочия. Он на Евангелии клянется блюсти законы, поступать честно; выслушав стороны и судей, выносить приговор по совести; не принимать ценных подарков; следить за исполнением решений советов; не состоять в личной переписке с папой римским или иными правителями. Появление такого документа означает, что Венеция все более оформляется как самостоятельное государство.

В 1192 году Энрико Дандоло, слепой, преклонных лет, вступил в самую активную фазу своей деятельности. В воздухе носилась идея очередного крестового похода. Ее выдвинул наиболее харизматичный из римских пап — Иннокентий III. Он занял папский престол в 1198 году, в возрасте 37 лет, и стал самым молодым римским папой. Ему предстояло прожить долгую жизнь, прославиться — в кавычках, конечно, — насаждением инквизиции, борьбой с ересью на юге Альбигойской области во Франции.

Замысел Четвертого крестового похода окрылил Европу. Важно было решить, кто его возглавит. После долгих совещаний в

1200 году был избран предводитель — граф Тибо III Шампанский. Теперь требовался флот, чтобы перевезти крестоносцев в Святую землю. Начались переговоры с Венецией, а именно с Энрико Дандоло.

Дож затребовал за перевозку огромную сумму. Венецианцы полагали, что крестоносцев будет не менее 30–35 тысяч человек — западноевропейские феодалы со своими отрядами. И Дандоло затребовал 85 тысяч марок серебра. По подсчетам специалистов, это примерно 20 тонн драгоценного металла! Причем в требованиях своих венецианский дож стоял насмерть. Крестоносцы решили, что соберут необходимую сумму: отрядов будет много, предводители богатые. И вдруг в возрасте 22 лет умер Тибо Шампанский.

Это уже второй такой случай. В 1197 году намечался предыдущий предводитель — император Генрих VI, сын Фридриха I Барбароссы. В Германии он собрал сторонников похода в Святую землю, получилось большое войско. И тоже неожиданно умер в 32 года.

После смерти Тибо Шампанского поползли слухи. Люди стали говорить: «Что-то не так, дурные приметы, Бог против». Задумались, не висит ли над походом проклятие.

Император Генрих VI. Манесский кодекс. 1300 г.

В этот момент нашелся замечательный человек, который повел себя энергично и уверенно, — маршал Шампани Жоффруа де Виллардуэн. После Четвертого крестового похода он напишет (вернее, наверное, надиктует на французском языке) книгу «Завоевание Константинополя» — и станет одним из основоположников французской национальной литературы.

Жоффруа де Виллардуэн предложил новую кандидатуру — маркиза Бонифация Монферратского. Тот подошел по всем показателям: он был братом прославленного Конрада Монферратского — крестоносца, убитого ассасинами в Святой земле в борьбе с Саладином. Его имя могло служить знаменем отмщения. Кроме того, Бонифаций был известен как прекрасный

воин и был склонен к смелым (если не сказать авантюрным) предприятиям.

Крестоносцы избрали предводителя, несколько успокоились и в августе 1202 года собрались в Венеции. Их оказалось от 12 до 20 тысяч человек вместо запланированных 35 тысяч. Но Дандоло оставался непреклонен и требовал всю сумму. Аванс был уже внесен. К тому же существовало такое понятие — «рыцарское слово». Не надо было подписывать никаких документов. Если договорились — надо платить. Источники цитируют слова 93-летнего Энрико Дандоло: «Вы не можете выполнить условия договора? Мы в таком случае умываем руки — кораблей не будет». Это был не дряхлый слепец, а уверенный, жесткий проводник политики Венеции.

Поскольку 20 тысяч крестоносцев не могли собрать достаточного количества денег, Дандоло предложил способ решения проблемы — поход на христианский город Задар на Адриатике (в нынешней Хорватии). У Венеции были торговые противоречия с этим городом-коммуной.

Трудно сказать, как крестоносцы сговорились со своей христианской совестью, но ведь они были в безвыходном положении! Уже во время осады Задара многие из крупных феодалов колебались и предлагали не захватывать город, а заключить с ним соглашение. Но тогда снова выступил Энрико Дандоло, провозгласивший: «Никаких договоренностей! Штурм!» Город был захвачен и разграблен. Ситуация неловкая, но крестоносцы постарались забыть о ней. У них была благородная цель — освободить Святую землю.

Пока же они остались зимовать в Задаре. В начале 1203 года туда прибыли послы византийского царевича Алексея, который сообщил, что его отца, императора Исаака Ангела, свергли, и попросил вернуть его на престол. Поскольку Исаак был ослеплен, занимать престол он отныне мог лишь при соправителе, которым и должен был стать Алексей.

Цесаревич немало посулил крестоносцам: во-первых, огромную сумму — 200 тысяч марок серебром (60 тонн); во-вторых, 10 тысяч войска в помощь в Святой земле. И самое главное: вернуть Византию в лоно католической церкви, под власть римского папы. Алексей не имел для этого никаких оснований (все равно что обещать полет на Луну), но был готов на все.

Крестоносцы получили не только деньги, но и новое идейное знамя — возвращение Византии к истинной вере. Эффект был огромный. В июле 1203 года они осадили Константинополь с моря и суши. И старик Дандоло вместе с ними.

Была разбита знаменитая железная цепь, которая преграждала кораблям вход в бухту Золотой Рог. Ведь чем сильны венецианцы? Они отличные моряки, строители кораблей и мастера работы по всевозможным металлам. Оружие они умеют изготавливать сами, и очень совершенное. Их предки, расселившиеся на болотах, прошли в борьбе за жизнь школу и мастерства, и воровства, и торговли. Поднявшись на новый уровень развития (вот у них дож уже приносит присягу, у них есть советы, суды), они нуждаются в расширении своей территории, обогащении. После Четвертого крестового похода некоторое время — до конца XV века — будет существовать морская Венецианская империя с весьма обширными владениями.

Итак, 17 июля 1203 года венецианцы атакуют Константинополь с моря, и 95-летний Энрико Дандоло стоит на носу галеры в полном боевом облачении, со штандартом Святого Марка в руке. Он приказал высадить себя на сушу — слепой старик. Высадили, и, вероятно, это содействовало тому, что греки отступили. Крестоносцы вошли в Константинополь (хотя окончательно занять город им удалось лишь в 1204 году).

Ночью узурпатор Алексей III бежал из города, прихватив, как пишет автор замечательной книги о крестовых походах А. А. Доманин, несколько сотен килограммов золота и драгоценностей. И это была еще не вся казна. Ведь Константинополь начала XIII столетия — один из богатейших городов мира.

В этой ситуации произошло временное примирение крестоносцев с верхушкой Константинополя. Из тюрьмы был возвращен на престол ослепленный Исаак Ангел. По требованию Дандоло он подтвердил все обещания, в том числе договоренность о деньгах, — правда, сквозь зубы, скрепя сердце: он понимал, что не может их выполнить. Его сын, Алексей IV, был коронован соправителем. Несчастные соправители просили хоть сколько-нибудь уменьшить сумму долга, но дож оставался непреклонен: «Или уплачивайте всё, или война! Если не соберете деньги, я возьму их сам».

Тонкий момент: теперь Дандоло угрожал законному правителю, которого возвратили из узилища на престол, фактически подстрекал к захвату Константинополя. Как не вспомнить историю с предполагаемым ослеплением Энрико: кто знает, не полыхало ли его сердце помимо интересов Венеции, которые всегда были для него очень важны, идеей личного мщения?

Почти год крестоносцы провели под стенами Константинополя. Они стояли лагерем, причем рядовые

участники похода то и дело интересовались: а не пора ли в Святую землю? И выражали недовольство: все-таки они шли не сюда. Но Дандоло оставался непреклонен: «Пока византийцы не заплатят всю сумму, не будет вам никаких кораблей». А без кораблей добраться до Святой земли было невозможно. Все знали, что сухопутный маршрут совершенно гибельный. Поэтому продолжалось что-то вроде позиционной борьбы между паломниками-крестоносцами и правителями Константинополя. Договориться ни о чем не удавалось.

13 апреля 1204 года уставшие ждать крестоносцы захватили город. Решение о штурме, по-видимому, приняла группа предводителей: Дандоло, Бодуэн Фландрский, который станет королем Латинской империи, и Бонифаций Монферратский. Скорее всего, их подтолкнуло к этому штурму нарастающее недовольство рядовых крестоносцев. В самом Константинополе ситуация тоже очень нестабильная. Неизвестно, кто может завтра выразить свое недовольство, потому что для того, чтобы собрать эти безумные деньги, надо объявлять новые, непосильные для народа поборы. Правители боятся населения Константинополя, боятся, что их свергнут, — и не зря: Ангелы действительно будут свергнуты во время этих событий. А в конце концов будет покончено и с Византией.

В Константинополе было велико и недовольство служителей церкви. Православные монахи говорили: «Правители Ангелы обещали подчинить нас Римской церкви. Это невозможно! Истинно верующие православные никогда не подчинятся». Возник бурлящий котел страстей. Монахи и простой люд Константинополя были готовы сопротивляться крестоносцам; византийские наемники все еще были довольно сильны. Но и крестоносцы под западными стенами устали и рвались штурмовать город.

Штурм произошел. Разграбление, по сообщениям очевидцев, было чудовищным: и насилие, и грабеж. Было украдено и погублено очень много сокровищ, в том числе и предметов культа. Пропало несколько замечательных православных икон, которые считались бесконечно ценными, священными, целительными, — как это часто бывает в церкви.

Потом случится второе падение Константинополя, в 1454 году, и опять будут гибнуть святыни. Как все произведения духовной культуры, они гибнут во время таких событий в первую очередь. Находятся мародеры, которым, в общем-то, нетрудно с Богом договориться…

Во время этого грабежа 1204 года были вывезены (конечно под руководством Энрико Дандоло), четыре замечательные

бронзовые статуи античной работы. Они и по сей день стоят на фронтоне базилики Сан-Марко в Венеции, будучи в числе важнейших символов города.

После Четвертого крестового похода венецианский дож получил следующий официальный титул: владыка четверти и полчетверти Византийской империи. На латыни это звучит так: Dominus quartae partis et dimidiae totius imperii Romaniae.

Но сначала предводители похода собрались на совещание о том, кому достанется власть. Они решили объявить Византию, империю ромеев и греков, несуществующей и провозгласить Латинскую империю. Жизнь этого образования продлится до 1261 года. Это такой проходной политический символ, уродец на европейской карте.

Прозвучало предложение избрать императором новоявленной Латинской империи 96-летнего венецианского дожа Энрико Дандоло. Обсуждалась еще одна кандидатура — графа Фландрского Бодуэна IX. Кажется, дож не настаивал. Ему важнее было получить земли для своей республики.

Что же досталось Венеции? Часть Константинополя, несколько портов на Мраморном море, остров Эвбея у греческих берегов, важнейший для торговли, острова Крит и Корфу. Венеция стала средиземноморской империей.

Дандоло остался в Константинополе. Он успел принять участие в отстаивании новых территорий. От того, что крестоносцы объявили Латинскую империю, реальной империи не возникло: это были отдельные земли, которые еще долго делили и оспаривали. Это был очень большой котел торгово-экономических и политических интересов и распрей. Их отразил Четвертый крестовый поход, в котором крестоносцы плыли-плыли якобы в Святую землю, но не добрались до нее, остановились на христианских землях, захватили Задар и Константинополь. Они делили между собой европейские территории.

В 1205 году Энрико Дандоло в возрасте 97 лет принял участие в неудачном походе против болгар, недовольных расширением Латинской империи, и во время этого похода умер. Похоронен он был в почетнейшем месте — храме Святой Софии, который в середине XV века будет превращен в мечеть. Однако место захоронения уцелело, нет сведений о том, что могила была потревожена. Удивительная жизнь, удивительная фигура, и множество граней у этой уникальности.

Танкред Сицилийский. Цель жизни — власть

Дженнаро Малдарелли. Великодушный Танкред освобождает императрицу Констанцию. Фрагмент росписи потолка в Королевском дворце в Неаполе. 1840 г.

Этот исторический персонаж у нас почти неизвестен. Он был сицилийским королем всего четыре года, причем последним — больше королей, самостоятельных правителей, на Сицилии не было. И с его именем связана одна из альтернатив западноевропейской истории.

В XII веке на Сицилии уже существовало некое государство (оно включало в себя и часть южной Италии), которое имело свое лицо, причем очень интересное. Назовем только одну особенность: там была немыслимая для Средневековья этническая толерантность. На острове укрепились выходцы из Северной Франции, куда их предки пришли когда-то с севера Европы, — потомки викингов, нормандцы. Заняв эту территорию после череды других завоевателей, что они там оставили? Чиновники — арабы, воюют нормандцы, а финансами ведают греки-византийцы.

Жизнь Танкреда была подчинена идее стать властителем

Сицилии. На пути к этому существовало множество препятствий. Танкред был в центре политической жизни конца XII века. Достаточно сказать, что за четыре года у власти он успел сильно поссориться, а потом помириться с самим Ричардом Львиное Сердце. Танкред — потенциальный участник Третьего крестового похода, он хитрил и лавировал между Ричардом Львиное Сердце и Филиппом II Августом. В итоге Танкред достиг своей цели и, вероятно, буквально перед смертью понял, какую ошибку совершил. А вот историческая альтернатива чрезвычайно интересная.

Сицилийское государственное образование было альтернативой в европейской истории, причем альтернативой с очень древними корнями. Дж. Норвич, автор книги «Нормандцы в Сицилии», которая вышла на русском языке в 2005 году, пишет: «Остров Сицилия — самый большой в Средиземном море. На протяжении веков он постоянно оказывался и самым несчастным». Те, кто сегодня отправляется отдыхать на сицилийские курорты, не задумываются о драматической судьбе этого острова, о его важной роли в средневековой европейской истории.

Дж. Норвич так характеризует Сицилию: «Перевалочный пункт по пути из Европы в Африку. Ворота между Востоком и Западом, между латинским и греческим миром. Одновременно крепость, наблюдательный пункт и расчетная палата». Вот почему у острова была сложная роль в системе политических отношений. «Он был лакомым куском для всех великих держав, которые в разные времена стремились к господству в Центральном Средиземноморье».

Сицилия принадлежала всем по очереди и, по сути, не принадлежала никому. Вспомним Пунические войны, одни из самых знаменитых в древней истории. Центральная точка самой острой Пунической войны — конечно, борьба Рима и Карфагена, а Карфаген — государство в Северной Африке. То есть это была борьба Европы и тогдашней Африки, Востока в лице Африки, за Сицилию. И какие битвы, и как это все было отчаянно…

Перечислим тех, кто завоевывал Сицилию. Сначала Рим и Карфаген, потом вандалы, вестготы (начало средневековой истории), Византия, арабы в IX веке, норманны в XI веке. На смену им пришла французская анжуйская династия (XIII век), Арагон (XIV век). В Новое время: Савойское герцогство, Австрия в XVIII веке, Бурбоны, которые правили Сицилией из Неаполя и называли эту территорию Королевством обеих Сицилий…

И только в 1861 году с помощью Джузеппе Гарибальди остров вошел в объединенное Итальянское королевство. Сегодня это

один из департаментов Италии, но его самобытность сохраняется, она ощущается даже в том, что литературы об истории Сицилии так мало. Когда-то взлетевшее на вершины славы, а затем топтаное-перетоптанное полчищами завоевателей государство — действительно по-своему несчастный уголок Европы. Но зато те, кто видит сицилийские красоты сегодня, приходят в изумление от немыслимого сочетания в архитектуре мотивов арабских, византийских и романских. Все это сплетено в неповторимой красоте кафедрального собора в Палермо. Но в этой красоте — это отмечают все — есть какой-то трагизм.

Судьба Танкреда — последняя точка на трагическом пути Сицилии: взлет, после которого самостоятельного королевства больше нет. А ведь оно было и называлось Regno (на сицилийский лад — Regnu) di Sicilia. Казалось, вот сила, которая наравне с Францией и Англией пугает Византию, воюет в Африке (кое-что было завоевано на территории нынешнего Туниса), — но не получилось. И субъект этого «не получилось» — как раз Танкред, король Сицилии.

Танкред — имя нормандское, очень популярное в Северной Франции у потомков викингов. Танкред происходил из рода Отвилей, к которому принадлежал и Роберт Гвискар — величайший авантюрист, приступивший к завоеванию Италии в начале XI века, а в середине того же столетия осуществивший завоевание Сицилии. Но он королем не был.

Когда викинги оседали на завоеванной территории, они оказывались очень пластичным этносом. В 911 году первый герцог Нормандии Роллон заключил договор с Карлом Простоватым — слабым еще правителем будущей Франции. Согласно этому договору, нормандцы не должны были пропускать других завоевателей на юг, к Парижу. Закрепившись на новых территориях, викинги очень быстро меняют свой язык, вырабатывают новое наречие. Они не истребляют местное население, а используют его. И так было всюду, куда они пришли, например на северо-востоке Англии. В 1066 году нормандцы успешно завоевали Англию — это была удачная авантюра герцога Вильгельма I.

Завоевание Англии окрылило норманнов. Походы на юг Италии и на Сицилию — это продолжение их активности, как сказал бы Л. Н. Гумилев, момент их пассионарности, еще не угасшей.

Южная Италия находилась под властью слабеющей Византии, в которой культурный расцвет сочетался с политическим и военным кризисом. Не имея своей армии, византийцы всегда опирались на наемников. Было ясно: часть владений у них можно

отнять — и отняли. А на Сицилии были арабы, чьи главные завоевания покатились дальше, намного дальше. Пиренейский полуостров стал для них мощной базой, а у здешних арабов не было надежной защиты за спиной. Их тоже можно было завоевать. И Гвискар завоевал. Его высшее достижение — титул герцога Апулии (это юг Италии) и Сицилии. Герцог, но не король.

Отец Танкреда — тоже герцог, Рожер Апулийский с юга Италии, сын и предполагаемый наследник короля Сицилии Рожера II, правившего с 1130 года. Деда благословил на престол папа римский (номинально Сицилия находилась в вассальной зависимости от папства).

Источники дают противоречивые данные о дате рождения Танкреда: то ли 1135 год, то ли 1145-й. Десять лет — существенная разница! А умер точно в 1194 году, ушел вместе со смертью Сицилийского королевства.

Рожер Апулийский не успел стать королем (он умер раньше своего отца), но успел произвести на свет мальчика — Танкреда. Не от жены, а от другой знатной и прекрасной дамы. Она была дочерью графа Ашара ди Лечче, звали ее Эмма. А жена у отца была совсем другая, Изабелла, дочь графа Тибо II Шампанского. Это влиятельное графство на севере Франции. То есть это был династический брак, и супруги, видимо, не сильно любили друг друга.

Здесь на помощь истории приходит миф. Народная фантазия сочиняет романтическую историю о том, что у отца Танкреда и Эммы был страстный роман, но дед, Рожер II, пресек эти отношения, отправил сына и его возлюбленную в ссылку (там Рожер Апулийский умер от тоски), а их ребенка заточил в темницу. Источники опровергают эту версию, все хронисты говорят: Танкред не сидел в темнице, он был наместником отца на континенте, в Италии.

Рожер Апулийский признал своего сына-бастарда, что было обычным делом. Отцу достаточно было прилюдно поднять младенца над головой — и тот становился законным сыном. Таковы были романтические рыцарские традиции эпохи. По материнской же линии Танкред получил титул графа Лечче. Тем не менее всю жизнь он демонстрировал сознание бастарда, который должен добиться как можно большего. В XVI столетии Шекспир удивительно ярко отразит в своих трагедиях эту особую психологию, исключительную целеустремленность незаконнорожденного.

Шансов на сицилийский престол у Танкреда не было никаких. Он рос при дворе, где его никто не угнетал, хотя он воспитывался под строгим приглядом. Когда в 1154 году дед

скончался, к власти пришел дядя Танкреда Вильгельм I. И хотя он имел прозвище Злой, по отношению к племяннику злым не был. Он дал ему полную свободу.

Вильгельм получил прозвище Злой после подавления восстания. В начале правления против него восстали бароны, всегда чем-нибудь недовольные, надеющиеся что-нибудь урвать. Они не желали признавать его человеком выше себя только потому, что его поддержал папа римский.

Танкред тоже принял участие в мятежах против нового правителя, вместо того чтобы быть благодарным за доброе отношение. Это будет не раз повторяться в его биографии. В 1155 году король заключил его вместе с другими зачинщиками в темницу. Танкреду тогда, по-видимому, было 20 лет. Скорее всего, он все же родился в 1135 году, ведь принять участие в баронских заговорах ребенок вряд ли мог.

Тюрьма, в которой содержался Танкред, была прямо при королевском дворце в Палермо. Мечтая оттуда вырваться, он вместе с другими заговорщиками придумал нечто фантастическое: бежать не так, как делали другие заключенные (например, им могли снаружи перекинуть лестницу или какие-то веревки), а устроить прорыв изнутри. Были подкуплены тюремщики, которые принесли оружие, открыли замки — и вот вспыхнул бунт в королевской тюрьме, находящейся внутри дворца. Из подземелья вырвались люди, которым было нечего терять. Это, конечно, очень страшно для владельцев дворца. В Англии такое было бы равносильно захвату Тауэра.

Сначала был достигнут полный успех: бунтовщики захватили Вильгельма и его семью, объявили, что их идея — низложить короля. Но между ними сейчас же разгорелся спор о том, кого возвести на трон. И, конечно, Танкред был первым претендентом. Но вдруг Церковь, которая на Сицилии всегда играла и играет очень важную роль, призвала жителей Палермо прийти на помощь королю. Нестандартная ситуация! Те бросились во дворец, спасли королевское семейство — и мятежники дружно пали на колени и стали просить пощады. Среди прочих стоял на коленях и Танкред ди Лечче.

«Злой» Вильгельм I еще раз проявил милосердие. Он простил Танкреда и еще одного бастарда из рода Отвилей, Симона Тарентского. Король предложил заговорщикам полную амнистию при условии, что они отбудут на континент. Так нет же! Едва встав с колен, они бежали. Отправились на юг Сицилии, где захватили хорошо укрепленный город Бутера.

Вильгельм собрал значительные силы. Важно помнить, что в этой истории погиб его девятилетний сын, которого заговорщики

хотели короновать. Танкреда такой вариант устраивал: при маленьком мальчике в роли правителя все было бы намного проще. Но ребенок погиб — либо от шальной стрелы, либо, как пишут некоторые хронисты, был убит отцом. Это вполне возможно. Борьба за власть делает людей жестокими. К тому же в Средние века отношение к человеческой жизни было иным, чем сегодня.

Итак, Вильгельм I ринулся на Бутеру и в приступе гнева разрушил город. Лидеры-бастарды — Танкред и его родственник Симон Тарентский — опять упали на колени, моля о прощении. Часть заговорщиков и один из их лидеров, Боннеллюс, были искалечены и заключены в тюрьму. В том, что им нанесли увечья, чувствуется византийское влияние, где врагов традиционно ослепляли и ломали им конечности. Но лидеры бунта вновь уцелели! Видимо, сыграло свою роль клановое сознание викингов.

На этот раз изгнание было неизбежно. Танкред отправился на континент, но не в Южную Италию, которая находилась под властью того же сицилийского короля, а в Византию, в Грецию. Связь Сицилии с этой страной существовала с древности. Римский оратор Цицерон говорил, что Сиракузы — самый прекрасный, самый просвещенный город его эпохи.

Танкред провел в Византии пять лет, с 1161 по 1165-й, до смерти Вильгельма I. В этот период правил император Мануил I Комнин. Вообще, время династии Комнинов для Византии — одно из лучших. Переживали расцвет культура и политика. Танкред обучился византийской дипломатии, что сказалось потом, когда ему пришлось лавировать между лидерами Третьего крестового похода. Современники восхищались тем, как он ловко он себя вел.

Кроме того, Танкред в дальнейшем демонстрировал поразительные познания в алгебре, астрономии, музыке. Конечно, что-то он мог получить и в детстве — Сицилия не была темным уголком, учителя могли найтись и там. Но в Византии была благодатная почва для продолжения образования. А Танкред, как многие бастарды, был разносторонне талантлив.

В 1166 году стало известно, что Вильгельм I скончался (умер он в 1165-м, но известие пришло к Танкреду позже). Престол занял его 13-летний сын, Вильгельм II Добрый. В Средние века прозвище Добрый означает не личное благодушие, а скорее одобрение этой фигуры народом. «Добрый» значит «хороший». Но в отношении Танкреда Вильгельм II действительно оказался добрым (впрочем, как и его отец, прозванный Злым). Юный Вильгельм назначил Танкреда командующим флотом. Это было

очень умно. Требовалось направить энергию этого знатного бастарда в нужное русло.

Такое государство, как Королевство Сицилия, находящееся на самом крупном в Средиземноморье острове, береговая линия которого составляет около тысячи километров (она изрезана во многих местах), располагает благоприятными условиями для мореходства. С глубокой древности на Сицилии жили мореходы, талантливые, смелые, умелые: они умели строить корабли и воевать на море. Политический успех в тот период во многом зависел от того, кому будет служить сицилийский флот.

Командующий флотом — очень важная позиция. Когда его возглавил Танкред, Сицилия вела войну с Византией. У этого государства совершенно особенная судьба. Собранная из кусков европейских и азиатских, лоскутная по самому своему происхождению, бывшая Восточная Римская империя, она вечно защищала какую-нибудь очередную территорию (а то и несколько) от посягательств соседей, не имея при этом регулярной армии, пользуясь исключительно наемниками. Многим казалось, и не зря, что у Византии легко что-нибудь отнять. Отнимали, возвращали… И она прожила в этом состоянии почти 800 лет.

Во главе флота Танкред успешно провел две кампании: в 1174 году и в 1189-м. Первая — это война с Саладином.

Египетский правитель и военачальник Саладин начал объединять мусульманские державы против Иерусалима. Король иерусалимский Амари I обратился к христианским королям с просьбой о помощи. И только один король в Европе, Вильгельм II Сицилийский, откликнулся и послал на помощь Амари флот — 200 кораблей.

Через 15 лет, в 1187 году, Саладин захватит Иерусалим. А в 1189-м начнется Третий крестовый поход — спустя почти столетие после Первого.

Гюстав Доре. Победоносный Саладин. Гравюра. XIX в.

Пока же огромный сицилийский флот подошел к Александрии, высадился десант, которым командовал Танкред ди Лечче. Против него выдвинулись войска Саладина — его первого прославленного противника. Танкред, понимая, что ничего не может сделать против этой армии, отдал приказ, который был очень плохо воспринят рыцарями: «Все на корабли — отплываем. Спасаем флот». И только 300 воинов не согласились эвакуироваться, попали в окружение и оказались в плену у Саладина. Танкред не выиграл битву, не помог Иерусалиму, но спас флот. И его за это воспевали на Сицилии.

Вообще-то, по неписаным законам средневековья, рыцарь отступать не может. Ему позволено только умереть. Мысль об отступлении неприемлема. Как правило, этот принцип соблюдался. Танкред же вышел за рамки рыцарской идеологии. Он понял, что отплыть на корабле — это не то же, что дать шпоры коню и бежать. Сохранить флот — деяние очень важное и трудное. В российской истории, например, были трагические ситуации, когда командование, не в силах сохранить флот, само его уничтожало. И лишь немногие — в их числе адмирал Ф. Ф. Ушаков — умели флот отвести, найти для него выгодную позицию. Такое ценилось во все века.

Но в целом война против Саладина была безуспешной. Сухопутное войско действовало неудачно. Танкреду не удалось вернуться триумфатором. Все хронисты отмечают, что никто не винил его в неудачах армии. Однако того триумфа, на который рассчитывал, он все-таки не получил.

В 1176 году Танкред повоевал и на суше — против германского императора Фридриха I Барбароссы. Все германские императоры той эпохи находились в состоянии отчаянной вражды с папством, и папы, когда требовалось, призывали сражаться свою вассальную вотчину — Сицилию.

Проявив себя прекрасным воином, Танкред все еще не занял заметного положения в политике. Это было мучительным испытанием для его честолюбия.

Сицилийское королевство в эти годы процветало. Дед Танкреда Рожер II заложил основы эффективного управления. Чиновничьи должности он позволил занять арабам, которые славились административными талантами. Были созданы и записаны законы, и они соблюдались; работали суды. Появилась концепция двух мечей: бог вручил один меч — Церкви, другой — светской власти, то есть норманнам, потомкам великих завоевателей.

Флот Рожера воевал в Африке, его даже называли после захвата области Махдии (в современном Тунисе) Королем Африканским, и ему это нравилось. Это не был официальный титул, но звучало красиво (как «английская королева Виктория — императрица Индии»). Еще Рожер II отвоевал остров Корфу у Византии, опустошил Коринф, Фивы. Сицилия была очень заметной политической единицей.

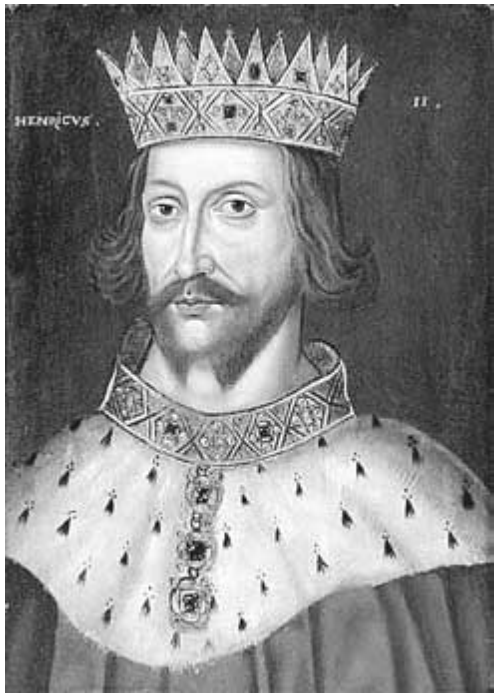
Конечно, Танкреду хотелось стать преемником Вильгельма II. Но ничто этого не предвещало, наоборот, произошло событие, которое должно было нанести сокрушительный удар по честолюбивым планам графа ди Лечче.

Вильгельм II был женат на сестре английского короля

Ричарда Львиное Сердце, дочери знаменитого Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской, по имени Иоанна.

Но у них не было детей, а у Вильгельма — братьев, приходилось думать, кому оставить корону. И вот за три года до смерти, в 1186 году, Вильгельм собрал своих вассалов и заставил их принести страшную клятву. Надо сказать, средневековые правители неутомимо требовали этих клятв, зная, что они практически никогда не выполняются. Но Вильгельму хотелось верить, и он потребовал присягнуть его родственнице, родной тетке, сестре его отца, самой младшей (она родилась уже после смерти Вильгельма I Злого). Ее звали Констанция. Вильгельм потребовал принести ей присягу как наследнице престола, который приходилось передавать по женской линии. В Европе всегда были с этим проблемы, но у норманнов меньше, чем у других.

Фредерик Сэндис. Королева Элеонора. 1858 г.



Неизвестный художник. Король Генрих II. 1620 г.

Надо сказать, что в Сицилийском королевстве женщины играли более заметную роль, чем где-либо — это особенность кланового строя. Женщина у викингов — и это саги очень хорошо отражают — не отвергаема так, как это было, допустим, во Франции. Во Франции царил культ Прекрасной Дамы — теоретический, культурно-эстетический, — но в политику женщин не пускали. А Вильгельм приказал рыцарям присягнуть Констанции. Ее сразу же выдали замуж. Этот брак, который казался ему очень важным и удачным, стал трагедией для Сицилии и в конце концов ее погубил. Констанция была выдана замуж за Генриха VI, короля Германии, затем императора Священной Римской империи германской нации, сына Фридриха I Барбароссы.

Звучит прекрасно. Барбаросса — мифологизированная фигура, считается, что он победитель — хотя на самом деле он побеждал далеко не всегда. Германия — северный сосед Италии, как будто нависающий над ней. Казалось, что если заключить с ней союз, то это будет защита для маленького Сицилийского королевства от более грозных соперников — Франции и Англии. Будущее покажет, что защиты Сицилия не получила. Но брак был заключен, а Танкред вроде бы потерял последний шанс стать королем.

Вассалы Вильгельма поклялись Констанции в верности, но,

как только в 1189 году Вильгельм II скончался, начались смуты. Танкред и его родственник из рода Отвилей — Рожер ди Андрия — вступили в схватку за власть. Столкновения происходили прямо на улицах Палермо. На Констанцию внимания не обращали — и зря: за ней была тень германских императоров.

Римский папа Климент III, поколебавшись, признал законным правителем Танкреда. Логика была простая: это внук основателя государства, Рожера II. 18 января 1190 года Танкред был коронован в Кафедральном соборе Палермо. Казалось бы, вот оно, счастье, вот та цель, которой он посвятил всю свою предыдущую жизнь! Он, бастард, энергичный, образованный человек, стал королем. Если он родился в 1135 году, то ему уже 55 лет — он зрелый муж. Теперь можно было успокоиться, отдохнуть. Он ведь не подозревал, что жить ему осталось всего четыре года, и жить очень напряженно.

Как только Танкреда короновали, произошли одновременно два печальных события. Во-первых, с севера надвигались германские войска Генриха VI Гогенштауфена. Он был коронован вместе со своей супругой Констанцией, наследницей сицилийского престола, и имел, соответственно, все права. Во-вторых, на Сицилии впервые в истории острова произошло восстание мусульман. До этого они мирно уживались с прочим населением Сицилии. Основатели нормандского королевства не только с мечом в руке были хороши, они действовали разумно. Мусульман не уничтожали — напротив, им доверяли чиновничьи должности. Они вели, например, налоговые дела. Денежные же в основном были поручены чиновничеству из еврейской среды: эти люди хорошо считали деньги. А нормандцы воевали. Все это вполне логично, и обстановка была достаточно спокойная.

Но во время смут, как известно, разрушается многое из того, что разрушать не планировалось. Бунтари не планировали специально изменения статуса мусульман и евреев. Но в момент восстания, когда важно добиться власти, а на пути к ней оказывается чиновник-иноверец, рождается вечный страшный тезис: «Бей чужих!». А значит — «Бей чиновников-мусульман!», «Бей евреев-финансистов!».

В ответ на погромы вспыхнуло восстание сицилийцев-мусульман. Дело их было безнадежно, потому что они не имели самостоятельной военной силы. Их предки пришли на Сицилию очень давно, в IX веке, и постепенно заселили ее. Позже произошел распад их единой государственности, на острове образовался мелкий эмират, который был с легкостью покорен следующими завоевателями — норманнами — в XI веке. Арабы растеряли военный опыт, поэтому их бунт был легко подавлен.

Германские же войска представляли для его государства серьезную угрозу. Он бросился в Южную Италию и с трудом отбил их наступление. Тогда же был пойман и казнен сбежавший после коронации Танкреда его главный соперник Рожер ди Андрия. Если раньше Танкред выступал в роли борца за собственные права, пусть несколько смутные, то теперь он превратился в гонителя и душителя.

Но впереди было еще одно важное для его биографии событие — Третий крестовый поход. В 1187 году, за два года до смерти, Вильгельм II объявил, что пойдет войной на Саладина, завоевавшего Иерусалимское королевство — творение первых крестовых походов. В поход на Саладина собирались только что пришедший к власти в Англии великий крестоносец Ричард Львиное Сердце и мудрейший, хитроумнейший французский король Филипп II. Вильгельм II предложил им двигаться через Сицилию. Это был очень удобный путь, позволявший перезимовать по дороге. К тому же Вильгельм обещал усилить крестоносный флот за счет сицилийских кораблей.

Что на самом деле имел в виду сицилийский король? Прежде всего — защиту от германского императора. Если на Сицилии зимуют вместе со своим войском два великих европейских правителя — Ричард Львиное Сердце и Филипп Французский, — кто же посмеет напасть?

Предложение было принято. Ричард I Львиное Сердце и Филипп II Август приплыли на Сицилию — но уже после смерти Вильгельма II. Принял их Танкред, находившийся в очень трудных обстоятельствах. Он только что подавил мусульманский бунт, только что отбил германские войска, и он еще больше, чем его предшественник, был заинтересован в дружбе с крестоносцами. Если Вильгельм Добрый на самом деле предполагал принять участие в крестовом походе, то Танкред — нет, это можно утверждать с уверенностью. Не та у него была ситуация, чтобы покинуть Сицилию, даже ради Гроба Господня. Как только отлучишься, трона больше не увидишь. Но принять таких замечательных гостей перед подвигом духовным он рад.

Однако это оказался очень опасный визит. Было еще одно обстоятельство: дело в том, что женой покойного Вильгельма II была родная сестра Ричарда Львиное Сердце Иоанна. Когда Танкред прорвался к престолу на смену Вильгельму, он по законам того времени должен был выплатить ей так называемую вдовью долю — существенные деньги, часть ее былого приданого. Танкреду очень не хотелось платить, к тому же он потратил немалые суммы на военные кампании.

Беспомощная вдова оставалась на Сицилии. Она не была в

заточении, но играла что-то вроде роли заложницы. И вот к острову причалил ее великий брат Ричард Львиное Сердце — апогей рыцарственности, символ рыцарского века, человек отчаянный и бесстрашный. По его представлениям, обижать Даму недопустимо. Не вступая в переговоры, он силой освободил сестру и на корабле перевез в Южную Италию, в Калабрию, где был английский гарнизон. После чего он вернулся и уничтожил порт Мессина. Только после этого Ричард отправился к Танкреду для переговоров.

Сицилийский король выехал навстречу. 11 ноября 1190 года был подписан договор. Танкред выплатил Ричарду вдовью долю Иоанны и еще некую сумму, которую мы сегодня назвали бы возмещением морального ущерба, причиненного бедной вдове. Правда, когда Ричард заговорил о кораблях, обещанных Вильгельмом II, переговоры пошли труднее. Танкред боялся за свой престол и не решался отдавать корабли.

В ходе переговоров Танкред проявил дипломатическую ловкость, которая раньше не была ему свойственна. Дело в том, что между крестоносными королями — Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Французским — были весьма сложные отношения.

Ричард принадлежал к династии Плантагенетов, был одним из сыновей английского короля Генриха II и знаменитой Алиеноры Аквитанской. Плантагенеты были выходцами из Франции и, правя в Англии, сохраняли крупные французские владения. Целью жизни французского короля Филиппа Августа стало эти владения отобрать. При Ричарде это так и не получится, хотя он будет очень стараться, но он все-таки получит их при преемнике Ричарда, его младшем брате Иоанне Безземельном.

Соперничество Ричарда и Филиппа было очевидно, но у французской короны пока недоставало мощи для прямой конфронтации. Благодаря огромным владениям на континенте англичане были значительно богаче и сильнее. Когда Ричард поддался крестоносному порыву, Филипп, конечно лицемеря, притворяясь — а это было его позицией на протяжении всей жизни, заявил, что тоже идет в крестовый поход и они с английским королем чуть ли не побратимы. До этого Филипп объявлял себя поклонником отца Ричарда, Генриха Плантагенета, ненавидя его: ведь тот женился на Алиеноре Аквитанской, разведенной жене отца Филиппа.

Итак, в 1190 году, почти через 100 лет после Первого, начался Третий крестовый поход. Его называют иногда «Поход трех императоров», поскольку его возглавили Ричард Львиное Сердце, Филипп II Французский и Фридрих I Барбаросса —

лидеры Западной Европы.

Танкред показал Ричарду письма от Филиппа II Французского, который официально занимал позицию примирителя и убеждал конфликтующие стороны решить проблему вдовьей доли мирным путем. На самом же деле он в какой-то момент письменно предложил Танкреду помощь против своего «побратима» Ричарда. Наверное, Ричард и сам догадывался, что французский король ведет двойную игру. Поэтому он никак не отреагировал на известие. Оба короля параллельными путями отправились на восток, и там, под стенами Акры, Филипп предал Ричарда, а тот, пробираясь домой, попал в плен.

Но пока он только двинулся в направлении Святой земли, захватив с собой овдовевшую сестру Иоанну. Когда флот приближался к берегам Кипра, началась буря. Корабль, на котором плыли Иоанна и невеста Ричарда Беренгария Наваррская, был захвачен наместником византийского императора. Узнав, что женщины оказались заложницами, Ричард за несколько часов покорил Кипр.

После этого произошла ссора с Филиппом, потому что тот напомнил «побратиму» о договоре — все завоеванные земли делить пополам. Ричард же полагал, что это касалось лишь земель, отнятых у мусульман. Кипр же был владением Византии. Понимая, как трудно управлять Кипром из Лондона, Ричард поступил по-рыцарски (и в очередной раз обидел Филиппа II): он подарил остров иерусалимскому королю, изгнанному Саладином и оставшемуся без королевства.

Недружные крестоносцы наконец покинули Сицилию, но покоя это Танкреду не принесло. Сохранялась угроза германского нашествия. Сицилийское королевство оставалось сильной политической и экономической единицей. Ничто не предвещало его скорого краха. Здесь была относительно высока централизация власти (в отличие, например, от Франции, где Филипп II в начале своего правления имел совсем мало, а многие графы, маркизы, герцоги были богаче короля).

Танкред, заняв сицилийский престол, получил в свои руки мощные рычаги управления. Продолжали действовать законы, которые были составлены в 1140 году, при предшественниках Танкреда, — сборник «Арианские ассизы». В них отразился важный принцип: Сицилия — вассал римского папы. Папа опирается на опытное, умелое норманнское войско. И поскольку бог вручил людям два меча: духовный — папе, светский — королю, в светских делах король претендует на некоторую независимость. Это, правда, не очень хорошо получается, но

стремление к этому есть.

У короля Сицилии обширные личные владения. Все налоги с домена идут королю, деньги у него есть. В руках короля высшая судебная власть, чеканка монет. Кроме того, у него все-таки побывали такие почетные гости. Все, кажется, неплохо, можно будет выстоять.

Но происходит страшное. Генрих VI из династии Гогенштауфенов (одна из самых воинственных династий в западноевропейской истории), который стал королем германским, а затем и императором Священной Римской империи германской нации, настроен на покорение Сицилии. У него серьезное войско, он ведет себя угрожающе и договаривается с римским папой. Дело в том, что папы римские иногда менялись довольно часто (папами становились люди только очень преклонных лет). Климент III, который признал Танкреда законным правителем Сицилии, ушел на тот свет в то единственное место, куда уходят римские папы. Его сменил преемник — Целестин III. Он счел невозможным сопротивляться германскому давлению с севера и признал законным правителем Сицилии не Танкреда, а Генриха VI. Это произошло в условиях плотного окружения Папской области германским войском.

Папа Целестин III 15 апреля 1191 года короновал в Риме Генриха VI и Констанцию, наследницу сицилийского престола. Получилось, что у государства два короля: Танкред на Сицилии, а Генрих VI в Риме — и тоже с сицилийской короной на голове.

Алексис-Франсуа Арто де Монтор. Целестин III. 1842 г.

Сицилия — самый большой остров в Средиземном море, но по сравнению с территориями крупных западноевропейских держав он не так велик — и не так силен. И на нем два короля! Разве к этому стремился Танкред? Ему уже за 56. Он явно впадает в панику и решает сейчас же, немедленно короновать своего сына и наследника Рожера, юношу вполне подходящего возраста.

Но случилось невозможное. С точки зрения средневекового человека, это было проклятие. Сразу же после коронации в 1193 году молодой и здоровый Рожер слег с какой-то безнадежной непонятной болезнью — и через два месяца умер. В папском окружении говорили, что Бог покарал Танкреда за узурпацию власти. А может быть, проклят род Отвилей… Тема проклятия рода вообще была популярна в Средние века. Считалось, что Господь наказывает не самого грешника, а его детей и внуков. Не совсем понимаю, как это сочеталось с верой в Христа всеблагого и всепрощающего. А поддерживать инквизицию и пытки — разве это по-христиански? Вероятно, жестокосердие, которое проявляла католическая церковь в Западной Европе в Средние века, связано с борьбой за абсолютную власть над людьми, в том числе — над королями.

Смерть сына и мысль о проклятии убили Танкреда. Он тоже слег и через несколько месяцев умер в 1194 году. Подробности неизвестны. Сегодня мы сказали бы: стресс. Ведь произошло крушение его жизни, всего, чему он служил, чему отдавал свои незаурядные способности и в науках, и в управлении, и в дипломатии, и в военном деле. Он отдал все ради того, что в итоге потерял. Пришлось ли ему перед смертью подумать об истинных ценностях человеческого бытия? Может быть. А может быть, нет.

После смерти Танкреда его вдова, Сибилла Ачерра, из знатных сицилийских дам, сразу объявила себя регентшей при малолетнем сыне: ее наследник, Вильгельм III, должен был стать королем… Но все бесполезно: осенью 1194 года Генрих VI вторгся с войском на территорию Сицилийского королевства и 25 декабря был коронован в Палермо. Сибиллу с дочерьми отправили в плен в Германию, и дальнейшая судьба их неизвестна. Предполагаемый будущий король, малолетний сын Танкреда, тоже сгинул в истории без следа. Возможно, он был убит прямо на Сицилии.

А Танкреду, перед смертью испытавшему ужас проклятия, нет покоя и после смерти (как многим-многим, посвятившим жизнь битве за власть). Его останки по приказу Гогенштауфенов,

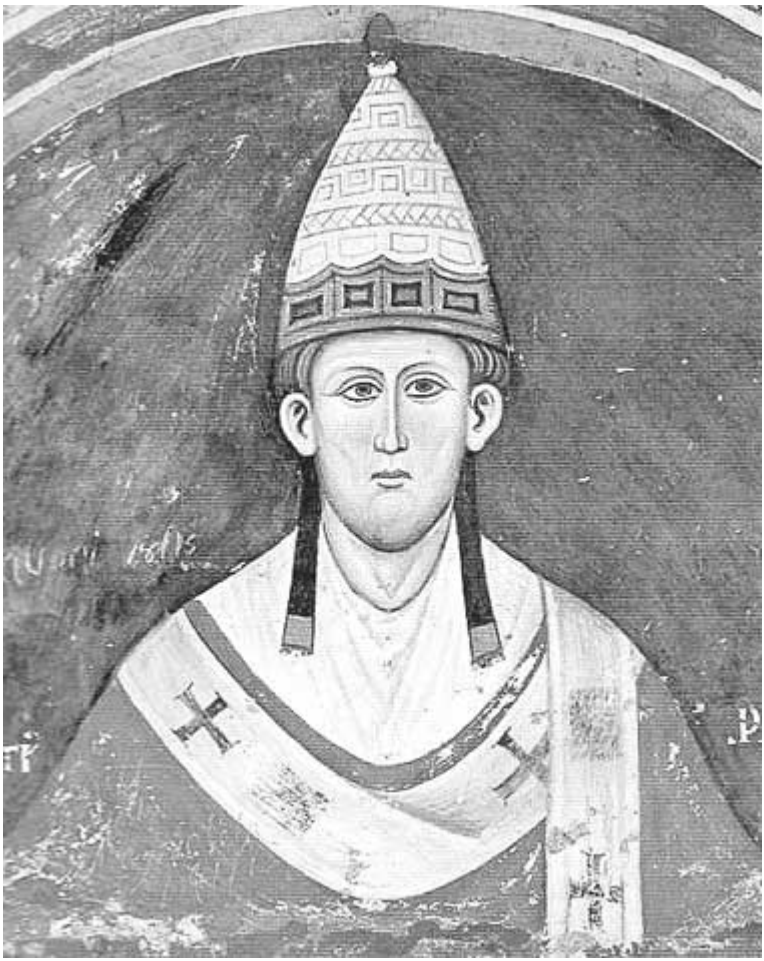
которые стали правителями Сицилии, были выброшены из могилы и исчезли.

Власть Гогенштауфенов (или Штауфенов, как их стали называть) не принесла счастья Сицилийскому королевству. Новым правителям казалось, что теперь им будет легко покорить северную Италию — ведь через брак Генриха VI с Констанцией им уже достались Сицилия и кусочек южной материковой Италии.

Сын Генриха VI Фридрих II посвятит этому жизнь. Он 30 лет будет бороться за то, чтобы политически соединить Северную Италию с южной частью страны и Сицилией. Несколько раз он будет отлучен папой от престола. Одаренный и образованный человек, Фридрих знал несколько языков, писал стихи, но отдал все силы идее покорить Северную Италию. Он страстно желал, чтобы Священная Римская империя германской нации стала реальностью.

Ничего не получится. Власть Штауфенов закончится в XIII веке. В 1268 году они будут выброшены из Южной Италии и с Сицилии Анжуйской династией французского дома. Анжуйцы же будут вытеснены оттуда Арагонским домом, а он — Австрийским. Так будет продолжаться до 1861 года, когда во времена Гарибальди и с его участием южная Италия и Сицилия наконец войдут в состав Итальянской республики как ее органическая часть.

Иннокентий III. Между Богом и государями



Неизвестный художник. Папа Иннокентий III. Фреска в монастыре Сакро Спеко. 1219 г.

Между Богом и государями — именно так ощущал себя этот, наверное, самый знаменитый римский папа. Большинство авторов, которые о нем писали (а их много), так и оговариваются: наверное, он самый знаменитый, самый значительный, хотя у него много конкурентов — и Григорий I Великий, и Юлий II. Однако Иннокентия все как-то выделяют, потому что этот человек, живший в XIII веке, более других преуспел на своей должности, после него так далеко никто не продвигался.

Преуспел он в утверждении идеи папской теократии. Смысл

этой идеи в том, что римский папа — непосредственный наместник Бога на земле, только через него осуществляется Божья воля.

Иннокентий III был невероятно гибок. Он то ссорился с государями, то мирился, умел их стравить, управлял всеми, его вассалами были виднейшие короли. Самое мрачное его деяние — Крестовый поход детей. Папа и здесь проявил гибкость. Он вроде бы сначала и не возражал против того, чтобы дети отправились на погибель. Некоторые исследователи говорят, что этот поход стал результатом перенаселения и голода. Дети погибали, их отправляли в рабство… И только в последний момент Иннокентий начал некоторых возвращать.

Вот таким он был — разным. Кто-то его даже идеализировал, как, например, Л. Ранке, классик немецкой историографии. В советских книгах по истории папства Иннокентий III порой просто чудовище. Но даже здесь он предстает ярким и по-своему замечательным. Он действительно оставил в истории потрясающий след.

Иннокентий III прожил 55 лет, а папой стал в 37. Как на папском престоле оказался столь молодой человек?

Начнем с происхождения. Родился будущий папа в 1161 году, умер в 1216-м. Появился на свет под именем Лотарио Конти. По рождению он был просто знатный человек, граф Сеньи — это древний, известный в Италии род из города Ананьи в области Лацио, в самом сердце страны. Родиться недалеко от Рима — в этом будто есть некий перст судьбы.

Отец — граф Сеньи Тразимондо Конти, мать — Клариче Скотти. Но особенно важен дядя. Вообще надо сказать, в Средневековье родственные связи были более значительными, чем в Новое и Новейшее время. Это наследие древней родовой системы, римской, позже германской общины. И очень заметно в биографиях крупных политических деятелей, что дяди и тети (но особенно дяди, как правило, братья отца) играют в их жизни важную роль.

Дядя Лотарио Конти — римский папа Климент III, в миру Паоло Сколари. Именно он начал предпринимать шаги с целью укрепления авторитета папства. И при этом не забывал своего племянника. В 1189 году он возвел двадцатидевятилетнего родственника в сан кардинала. Это поразило современников. Конечно, будут времена в эпоху Возрождения, когда римские папы станут вытворять и не такое. У них будут даже незаконные дети, и это при обете безбрачия… Но это позже. А в XII столетии было еще странно видеть кардиналом совсем молодого человека; ведь кардиналы — это те, кто избирает римских пап.

Через два года, в 1191-м, Климент III умер. На смену ему пришел 85-летний кардинал Джачинто Бобоне Орсини. Вообще, пап часто старались избрать именно такого возраста, чтобы быть уверенными, что это ненадолго, ибо с папской должности, как считалось, уход возможен только в мир иной. Но папа Целестин III из рода Орсини недоброжелателей разочаровал: он продержался целых семь лет и скончался в 92 — к тому моменту это был самый престарелый из римских пап.

Важно, что род Орсини был враждебен роду Конти. Поэтому Целестин III первым делом удалил от папского престола молодого кардинала Лотарио. И, казалось бы, никакая карьера этому человеку отныне не светила, во всяком случае такая блистательная, которая потом у него сложилась.

Лотарио Конти отправился в Ананьи и в родных местах занялся литературным творчеством. Он был образован, для XII века даже даже очень неплохо. Начальное образование он получил в Риме, философско-теологическое — в Париже, юридическое — в Болонье. Болонья того времени была центром юридической мысли.

Самый знаменитый трактат Лотарио Конти назывался «О ничтожности человеческой судьбы». Потом его собственная судьба опровергнет эти рассуждения о ничтожности, но приближающаяся смерть вернет к этой мысли.

В изгнании Лотарио Конти много размышлял о том, что папство занимает исключительное положение на земле. В этой концепции у него были предшественники. Папские притязания начались в Западной Европе очень рано, в VIII веке, когда появился образ так называемого Константинова дара: император Константин будто бы подарил папам власть над всей Западной Римской империей. Лоренцо Валла, итальянский гуманист, доказал, что это фальшивка. Но притязания возникли. И Иннокентию III предстояло попытаться воплотить их в жизнь.

В IX веке появилась еще одна фальшивка — ее называют в историографии Лжеисидоровы декреталии. Это сборник церковных документов, в основном подложных. И даже автор известен — Исидор Меркатор. В них содержалась мысль о непогрешимости папы — она высказывалась еще при Карле Великом Львом III. Мысль о том, что верховная власть папы в Церкви должна быть независима от светской: он не только Церковью ведает и душами человеческими, но и никак не зависит от земных государей. Иннокентий продвинет эту идею дальше. Подложный характер Лжеисидоровых декреталий был доказан лишь в XVII веке, а до этого были поводом для серьезных размышлений.

Был у Иннокентия и духовный предшественник — Григорий VII, бывший монах Гильдебрандт. Он составил документ, утверждающий абсолютный характер папской власти. Там 27 пунктов. Отметим некоторые. «Папа вправе низлагать императоров»; «Все князья должны целовать ногу только у папы». Потом это стали переводить как «целовать башмак», но формулировка «целовать ногу» особенно впечатляет. «Никто не имеет права судить папу»; «Римская Церковь была основана самим Господом»; «Один Папа может носить императорские регалии» — и так далее.

Иннокентий III будет развивать — и в теории, и на практике — именно эти мысли. И для него, пожалуй, чрезвычайно важен 27-й пункт: «Папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех». То есть он не только независим от светских правителей, он может их расставлять, как фигуры на шахматной доске.

В таких размышлениях Лотарио Конти провел семь лет, оставаясь кардиналом. Казалось, и дальнейшая его жизнь будет посвящена раздумьям и литературному труду. Но однажды все изменилось. Каким образом? Молва говорит: перед смертью 92-летний Целестин III рекомендовал кардиналам избрать Лотарио Конти папой. Странно и то, что он сделал такой выбор, и то, что кардиналы последовали совету старца и единогласно избрали папой молодого человека. Это была сенсация.

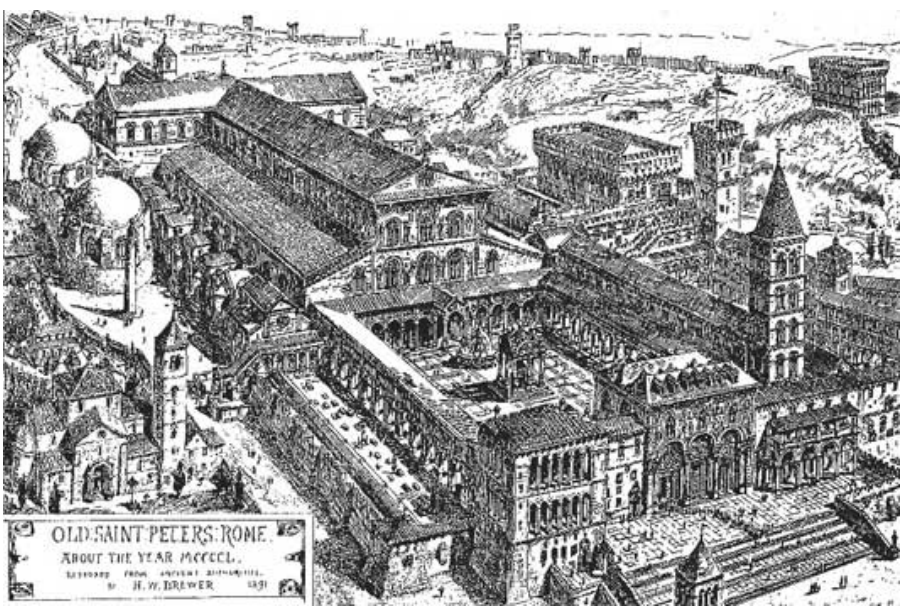
Обычно конклав (процедура избрания римского папы кардиналами) занимал очень много времени. Шли бесконечные споры, плелись интриги, не удавалось добиться большинства. Но ситуация стала иной.

Политическая практика к XIII веку выдвинула на повестку дня вопрос: кто могущественнее — папы или короли? Дело в том, что XIII век — это зенит средневековой цивилизации Западной Европы. И именно в этой высшей точке достигает высот то, что мы скучно называем «процесс централизации государства»: собирание земель, сосредоточение светской власти, — и притязания пап на то, что они выше всех, становятся этому помехой. Папство ощущало опасность со стороны крепнущей светской власти. Уже было знаменитое столкновение Григория XII и Генриха IV, германского императора, дошедшее до Каноссы, до взаимной ненависти. И чем закончилась эта длительная борьба за приоритет светской или церковной власти? Странным компромиссным Вормсским конкордатом 1122 года. Фактически ничем. Вопрос не был решен. Папы не сдавались и, вероятно, чувствовали, что в борьбе за власть надо переходить в наступление.

Целестин III, старый, но мудрый (а это бывает), осознал эту проблему и некоторыми своими действиями предвосхитил то, что потом стал делать Иннокентий III, — и угадал в нем преемника. Наверное, Целестин понял, что нужен человек, чей возраст позволит успеть предпринять необходимые шаги.

Само возведение в папский сан Иннокентия III изумительно представлено у замечательного русского медиевиста В. И. Герье (это вторая половина XIX века). Он подробнейшим образом, работая с массой документов, описал эту процедуру.

Это произошло 8 января 1198 года. Сразу после избрания Иннокентий III простерся ниц перед алтарем. Затем он поднялся, кардиналы лобызали его ногу и уста. Собралась толпа, которой были брошены традиционные три пригоршни денег со словами: «Золото и серебро я не ценю. Что имею, то отдаю вам». Как лицемерно это звучало из уст римских пап, которые скопили немыслимые сокровища и продолжили собирать их!



Гравюра XIX века, изображающая вид Базилики Святого Петра в 1450 году

В феврале того же года, примерно через месяц после избрания, состоялась пышная церемония, как говорится, на весь Рим и на всю Европу, в древней базилике святого Петра. Это еще, конечно, не собор, построенный Микеланджело и Браманте, а древняя традиционная базилика святого Петра, ступени которой еще в IX веке целовал Карл Великий. При избрании Иннокентий III произносит слова о статусе папы. Он говорит в

третьем лице: «Он занимает середину между Богом и человеком. Он меньше Господа, но он выше человека». Это его мощная политическая программа. Затем — шествие процессии по всему городу. Папа восседает на ослепительно белом жеребце, покрытом красным чепраком, — художники эпохи Возрождения потом не раз попытаются передать эту красоту. Папа продолжает бросать деньги, раздает он их и позже, во время пиршества.

Те из светских государей, что прибыли на эту церемонию, держат стремя коня — как будто признают, что их место внизу. Толпы народа целый день, как пишет Герье, идут по развалинам языческого Рима, радуясь тому, что у них новый и (они будто предчувствуют это) очень значительный папа.

Выбирая преемника, Целестин III, видимо, принимал во внимание воззрения молодого, энергичного и образованного Лотарио Конти, писавшего: «Мы поставлены Господом над народами и царствами»; «Римская Церковь — мать и госпожа всех прочих церквей Вселенной», «Мы занимаем на земле место Христа, и его примеру мы обязаны и хотим установить мир на земле».

Эти убеждения объясняют безумную ненависть папы Иннокентия III к еретикам, альбигойцам. Конечно, все римские папы боролись с ересью — отступлением от ортодоксальной версии католического вероучения. Но у Иннокентия III эта ненависть носила горячечный характер. Одна из мыслей альбигойцев, очень радикальных еретиков, состояла в том, что на самом деле на Земле пока правит не Христос, а дьявол. Он сумел победить в борьбе с добром и пока действует именем Христа, а Церковь обманывает людей, утверждая иное. Это противоречило идеологии Иннокентия III, объявившего, что место Христа принадлежит только ему.

Новый папа удивительно сочетал в себе литературные способности (о них говорят его письма и трактаты) и умение быть прекрасным практиком. Он начал действовать внутри папского государства. Тогда оно было не таким крошечным, как сегодня, когда это, в сущности, один Ватиканский дворец и окружающие парки. Это было действительно государство в центре Италии. Границы его все время менялись.

Внутри папского государства Иннокентий III стал действовать буквально так же, как светские правители в пределах Франции, Англии, отчасти Германии: взялся централизовать власть, реформировать управление. Целестин уже пытался сделать это, но не успел, поскольку был стар. Иннокентий создал четкую бюрократическую систему, что позволило ему в дальнейшем вмешиваться в дела практически всех европейских государств.

Можно насчитать не менее 11 государей, которые признали себя его вассалами.

Бюрократия — мощный рычаг подавления, и новый папа это сразу оценил. Прежде всего он добился вассальной клятвы от префекта города Рима. Это был первый шаг, который сразу показал, как далеко он потом зайдет. Префект города Рима — это светский чиновник, что-то вроде мэра. Но он же и командующий, военный комендант. Он назначен императором — соперником папы. Для Иннокентия было очень важно, чтобы человек, находящийся на светской должности, не служитель Церкви, принес ему вассальную клятву в письменной форме.

Римская аристократия — носительница традиций, восходящих к Древнему Риму, ощущающая свой аристократизм как некий панцирь, защищающий ее от простых смертных. Она многократно конфликтовала с римскими папами задолго до Иннокентия III. Например, во времена Карла Великого: Лев III был просто незаконно низложен римской аристократией в результате заговора, заточен и, по слухам, ослеплен. Поскольку он потом чудесным образом прозрел, в ослеплении есть некоторые сомнения. Но само низложение было.

Иннокентий III добился принесения всеми аристократами персональных клятв преданности — это была эпоха, когда клятвам придавалось большое значение. Их могли и нарушать — и все-таки они были важны. Иннокентий опередил светских правителей своей эпохи, доведя строжайшую централизацию до логического завершения, когда вся элита обещает ему личную преданность.

Приведение в порядок бюрократического аппарата, подчинение префекта и римской аристократии заняло у Иннокентия шесть лет. Он не сразу ринулся управлять всей Европой, разумно рассудив, что сначала надо добиться реального управления Римом.

В основе всего лежала, конечно, идеология, но деятельность папы была абсолютно рациональной. Иннокентий счастливо сочетал в себе черты идеолога и бюрократа.

На втором этапе деятельности Иннокентий III занялся собиранием земель. В эту эпоху французский король бился за возвращение из-под английской власти Нормандии и французского юго-запада. Английские правители колонизировали Уэльс. На Пиренейском полуострове светские правители боролись с маврами (арабами), продвигаясь с севера шаг за шагом. В Германии шло подчинение строптивых князей власти императора. Аналогичные процессы протекали и в Центральной Европе.

И Иннокентий делал то же самое в пределах папского государства. Он стремился к расширению его территории. Ему удалось присоединить Романью с центром в Равенне, которая была последней столицей в финале истории Древнего Рима. Столица Древнего Рима не в Риме… Это было сделано в связи с соображениями безопасности: Равенна окружена болотами. Там укрылись последние правители Древнего Рима. И вот Иннокентий бьется за эту морально и территориально важную область, Равенну, за Ассизи, герцогство Сполето, Умбрию, за Сицилию, за Южную Италию. Он старается собрать побольше земли, а значит, богатства и людей.

Теоретически в те времена Папская область с 962 года находилась в составе Священной Римской империи, порожденной союзом папской и императорской власти. Оттон I был коронован императором Священной Римской империи. А это германские земли, часть пограничных французских земель, Центральная Европа, некоторые славянские земли. Пестрое политическое образование.

Иннокентию III положение Папской области как части империи не подходит. Стремясь подчинить себе как можно больше богатых земель, он, конечно, помышляет о том, чтобы из этого образования выйти. И потому, начав свое бесконечное вмешательство в дела западноевропейских правителей (а это составит основное содержание его жизни), он сначала займется Германией.

Напомним, что в средневековой Германии император избирался. Это было очень важно, потому что вмешаться в наследственную историю возможно только в случае развода или рождения бастардов. Если у монарха есть законные дети, вмешаться в престолонаследие нельзя. В Германии же действовала коллегия курфюрстов — коллектив из семи-девяти человек, представители высшей светской и духовной власти. Они избирали себе императора. Иннокентию III важнее всего было не подчиняться Германской империи.

В 1198 году, когда он пришел к власти, в Германии шла гражданская война. Это была отчаянная борьба верхов — между аристократическими семействами, группами, династиями. Избранный императором Филипп II Швабский сражается с представителем династии Гогенштауфенов. Уже сложились партии, гвельфы и гибеллины, сторонники папы и идеи о том, что высшую власть папы надо признавать, и сторонники идеи, что императорская власть выше папской.

Иннокентий лавирует между этими конкурентами, положив в основу политики торг за владения в Италии: тот, кто пообещает

больше и поддержит его в укреплении власти в Италии, тот и хорош. Он выпускает документ, согласно которому в случае, если часть курфюрстов оспаривает избрание императора, окончательное решение принадлежит папе, занимающему позицию Христа на земле.

Когда избрали Филиппа Швабского, часть курфюрстов стала оспаривать результат, и папа провозгласил себя арбитром. В 1208 году Филипп был убит и папа короновал Оттона IV Гогенштауфена. Позже Иннокентий III рассорится с Оттоном IV. Ведь что папа потребовал за поддержку? Признать его власть на итальянской территории. Оттон отказался — и был отлучен от церкви.

Поссорившись с Оттоном IV, папа коронует Фридриха II Штауфена, юного внука знаменитого Фридриха I Барбароссы. Это фигура ярчайшая. Иннокентий III был его опекуном с детства, по воле матери. Императрица Констанция попросила папу опекать мальчика, пока тот мал, защищать его. Это было оформлено юридически. И, как считают знатоки этой немецкой истории, на протяжении по крайней мере девяти лет Иннокентий III довольно добросовестно выполнял свои обязанности опекуна, поддерживал юношу. Ничто не предвещало дальнейших ужасных перипетий борьбы Фридриха II Штауфена с папством.

Иннокентий делает шаги в направлении, которое станет одним из главных, хотя не единственным в его уже разворачивающейся пастырской и политической деятельности. Он то отлучает, то прощает императора, он регулирует светскую власть в Германии.

Но Германией папа не ограничился. Во многих государствах Европы он начал регулировать дела в режиме ручного управления. Перечислим их: это Англия, Франция, Германия — они были первыми, далее — Леон, Португалия, Арагон, Норвегия, Венгрия, Болгария, Польша, Швеция.

Очень важно и то, что он проникает в Центральную Европу, например в Польшу. Там он боролся за моральную чистоту. Понятно, что это только лозунг. Правда, в личной жизни Иннокентий III не был таким вызывающим развратником, какими были и будут — особенно будут — многие римские папы. Идеализирующий его Л. Ранке пишет: «Он был безупречен в своей частной жизни». Насчет безупречности — это преувеличение, но дальше трогательное: «Он ничего не извлекал для себя из достояния Церкви, даже расходы на путешествия оплачивались его личными средствами». То есть он не отправлялся в командировки за счет папской казны. Этот папа был не стяжатель. Нельзя сказать, что он вел скромный образ жизни, он не жил в

келье, церемонии были пышными, — но это во имя дела.

Папская тиара, которую архидьякон возложил на голову Иннокентия во время церемонии, была простым головным убором, покрытым золотом. Когда-то скромный символический венец теперь был украшен драгоценными камнями, а в центре светился громадный рубин. Все это папа уже получил и не отвергал, но вот на личные нужды, на разврат он богатства не расходовал. Не было еще того явления, которое получит название непотизм, — раздачи должностей своим родственникам, продажности. По-своему Иннокентий III служит идее мрачной, грозящей европейской цивилизации, как всякий клерикализм. По сути Иннокентий учредил инквизицию, хотя юридически ее оформили уже его преемники. Он делал это искренне, считая ересь чумой души.

Иннокетний III заявлял: «Мы верим, что волею Божьей возведены из ничтожества на этот престол, с которого будем творить истинный суд и над князьями, и даже над теми, кто выше их». А кто в средневековой Западной Европе выше князей? Конечно, прежде всего короли. С королями Иннокентий III с самого начала нахождения на папском престоле обращается как со своими подданными. Уже через год после начала своего понтификата, в 1199-м, Иннокентий начинает распоряжаться правителями Франции и Англии. Это были самые сильные в тот момент государства, и он стремился доказать, что он еще сильнее. У него не все получилось, но многое удалось.

Неизвестный художник. Агнесса Меранская. XIV в.

В 1199 году Иннокентий III налагает на Францию девятимесячный интердикт — запрет проводить все основные церковные праздники, торжества и даже совершать таинства: крестить, отпевать, венчать. Жизнь замирает. Почему он это

сделал? Ему не понравилось, как ведет себя французский король Филипп II — значительный правитель, получивший потом прозвание Август. Как сформулировал Иннокентий III, король не исполнял супружеский долг в отношении королевы Ингеборги Датской и позволил себе отправить ее вон, с глаз долой. По каким-то загадочным причинам он испытывал отвращение к супруге, которую когда-то так любил невестой. Скажем сразу, она провела 20 лет в заточении — и папе не удалось никак на это повлиять. А Филипп незаконно женился на Агнессе Меранской. Папа не дал ему необходимого в Средние века разрешения на развод. Иннокентий считал своим долгом и правом наводить порядок в семейном доме французского короля и ради этого травмировать всю Францию жестоким интердиктом. Позже он отменил его в результате сложных дипломатических переговоров.

Еще больше досталось английским правителям, особенно самому несчастному, наверное, из средневековых английских королей — Иоанну Безземельному, сыну Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской. Он их поздний ребенок — невезучий, незадачливый, неумный. С таким папой, как Иннокентий III, ему совладать было, прямо скажем, невозможно. Их конфликт произошел позже, в 1208 году. Иннокентий III и Иоанн Безземельный не сошлись в вопросе о кандидатуре архиепископа Кентерберийского — главы английской церкви. В Англии уже был печальный опыт, когда архиепископ Кентерберийский при отце Иоанна Безземельного, Генрихе II, Фома Бекет, в 1170 году не сошелся во взглядах на политику с королем и был убит прямо в алтаре. Генриху II пришлось каяться, совершать всяческие политические действия, чтобы избежать интердикта и отлучения от церкви.

Прошло 38 лет, и в 1208 году папа Иннокентий III приказал английскому королю назначить архиепископом Стивена Лэнгтона, своего однокашника, человека, разделявшего его взгляды, ректора Парижского университета. Иоанн Безземельный позволил себе ужасающую дерзость: приказал не впускать Лэнгтона в Англию. Сегодня мы сказали бы: не дал визу на въезд. Это громадный скандал. Иоанн назвал другую кандидатуру — Джон де Грей.

Иннокентий не может отступить. Он наложил на Англию тот же самый интердикт. Но Иоанн, в отличие от очень осторожного Филиппа II, который, зная, что народ будет недоволен, сразу начал всякие маневры по поводу интердикта, повел себя неумно. Разъяренный упорством папы, он захватил церковные земли и начал собирать доходы церкви в королевскую казну.

В конце 1209 года Иннокентий отлучил короля Англии

Иоанна Безземельного от церкви, а в 1212-м объявил низложенным от имени Бога. Ту политику, которую папа провозглашал теоретически, он теперь проводит практически в жизнь. Это создало для английского короля очень сложную ситуацию. А Иннокентий действовал в духе 12 пункта «Диктатуса Папы»: «Папа имеет право смещать светских государей».

Сразу оживились давнишние непримиримые политические и военные противники Англии — французы. Филипп II заявил, что готов помочь — высадиться в Англии и теоретически низложенного английского короля низложить реально. Возникла угроза французской интервенции. Папа был в этой ситуации дирижером европейского политического оркестра.

В конце концов Иоанн Безземельный перед лицом возможной французской интервенции вынужден был капитулировать. Он раскаялся, и в 1213 году с него было снято отлучение. Но этого папе показалось мало — через несколько месяцев, в октябре 1213-го, Иоанн признал себя вассалом Иннокентия III, принес ему вассальную клятву, согласно которой Англия сделалась леном, то есть вассальным владением, а сеньором над английским королем стал Иннокентий III. Это, конечно, потрясло Англию. К тому же это стоило денег. Как всякий вассал, Иоанн должен был платить своему сюзерену. Была установлена сумма — 1000 марок в год, очень много для королевской казны. Это была полная капитуляция светского правителя перед папой.

Напомним еще раз, что вассалами Иннокентия III стали также король Арагона и король Португалии. Он вмешивался в борьбу за трон венгерских королей, в династические и политические проблемы в Северной Европе.

В те же годы Иннокентий встретился с великим мыслителем Франциском Ассизским. Одно из направлений деятельности папы — поддерживать все чистое, благородное, святое в католической церкви. В 1209 или 1210 году к Иннокентию явился подлинный святой — Франциск Ассизский, со своими двенадцатью учениками. Он обратился к папе с просьбой поддержать идею создания ордена, восстанавливающего истинное христианство, подлинную чистоту вероучения.

Иннокентий III встретил Франциска неласково. Всякий человек, пришедший с собственными идеями, вызывал у него тревогу. У него самого были ясные представления о том, как все должно быть устроено. И вдруг кто-то хочет создать орден духовной чистоты! Его поразило и то, как выглядел Франциск, принявший аскезу, отрешившийся от всего земного. Это был нестриженый, неопрятный человек. Иннокентий сказал: «Слушай, тебе лучше пойти управлять свиньями, судя по тому, как ты

выглядишь, и валяться среди свиней». Но он не понимал, что такое Франциск Ассизский, не понимал, что это подлинная святость. Тот пошел и вернулся через короткое время в еще более ужасном виде, сказав: «Ты повелел — я выполнил, я побыл среди свиней. А теперь и ты услышь мою просьбу». Вот оно, христианское смирение. Франциск ошеломил Иннокентия.

Папа был умен. Понимая, что об этом будут писать все современники, он сейчас же показал, что устыдился, сказал, что одобряет создание ордена, но, как настоящий политик, пока отложил утверждение устава. Иннокентий сознавал, что подобная чистота недостижима для реальной католической Церкви. И, как положено в бюрократической системе (а он был блестящим бюрократом), сказал: «Мы подумаем, отложим пока утверждение устава». Политик есть политик.

Теократические устремления Иннокентия, которые подготовили его предшественники и продолжат его преемники, привели к одному из самых знаменательных событий в западноевропейской истории — знаменитому Четвертому крестовому походу. Как Иннокентию с его позицией человека, который всех учит, точно знает, что правильно, куда следует идти и что делать, было не попытаться прославиться под знаменем Крестовых походов? Крестоносец — это звучало гордо!

Подготовку к Четвертому крестовому походу начали в 1199 году. Удивляюсь, что авторы, которые об этом пишут, мало обращают внимания на то, что это был год столетия падения Иерусалима в результате Первого крестового похода. Не отметить такое событие Иннокентий не мог. Иерусалим пал в 1099-м, 15 июля, в пятницу. Как считалось, в пятницу, в это же время, в 15 часов, совершилось распятие Иисуса Христа.

Иннокентий провозглашает очередной крестовый поход. Собираются крестоносные силы. Современники часто не понимают, что, в сущности, это движение уже обречено. Окончательный крах его произойдет именно во время Четвертого крестового похода.

Произошло нечто чудовищное. Знаменитый венецианский дож, правитель Венеции, лидер тогдашней торговли, финансовой деятельности, западноевропейского флота, Энрико Дандоло переориентировал крестоносцев. Они намеревались переправляться в Святые земли на венецианских кораблях, что им было обещано. Но Дандоло предложил плыть сначала в Константинополь. Константинополь был главным соперником Венеции в торговле. Но это христианский город! Иннокентий был, конечно, ошеломлен.

Большинство историков отмечают, что Иннокентий был

искренне предан своим идеям. Он был убежден, что под эгидой пап западноевропейские люди будут гораздо счастливее, чем теперь. Можно представить, что с ним случилось, когда выяснилось, что крестоносцы договорились с Дандоло сначала высадиться на берегах Босфора и нанести удар Восточной Церкви. Внешне Иннокентий сразу отрекся от этого безобразия, от этого позора. Он наложил интердикт на Энрико Дандоло. Венецианский дож презрел этот интердикт, совершенно не обеспокоился. А у крестоносцев, конечно, появились алчные мысли. Они двинулись сначала в Далмацию, разграбили подвластный Венгрии христианский город Задар, в 1202 году начали грабить Константинополь, а в 1204-м он был взят окончательно. Никогда уже после апреля 1204 года город не был прежним. На его развалинах возникла так называемая Латинская империя, которая существовала, постепенно угасая, до 1261 года. Константинополь больше не был блистательным соперником Западной церкви, цветущим городом, золотым мостом между Востоком и Западом, которым он был со времен императора Константина. Четвертый крестовый поход подорвал авторитет крестоносного движения. Христиане уничтожили христианский центр Восточной Церкви.

Было в жизни Иннокентия III и еще одно позорное деяние. В 1212 году произошло то, что называют Крестовым походом детей. Чистое безумие! На Восток отправились дети. Считалось, что перед чистыми душами рухнут все мусульманские препоны. В одной из хроник говорится: «В том же году неисчислимое множество паломников, бедных людей обоего пола и детей из Тевтонии и других стран, побуждаемых тремя отроками двенадцатилетнего возраста, приняли знак креста в области Кёльна и говорили, что им было видение…». Все участники похода погибли. Только в конце этого безумного предприятия Иннокентий успел подправить свою репутацию. Часть детей, которые умирали от голода и болезней, попадали в плен к пиратам и оказывались проданы в рабство, Иннокентий успел остановить и вернуть в Европу. Как гибчайший политик, он старался приостановить, сгладить все, что было опасно для его репутации.

Вокруг Крестовых походов XIII века идут споры. Иннокентий III не был их главным вдохновителем. Многие современные авторы — думаю, небезосновательно — говорят, что, в сущности, это было проявление неблагополучия, страшного голода в тогдашней Европе. Один из хронистов пишет: «Голод доходил до того в отдельных областях, что матери поедали своих детей». Перенаселенность — проблема, которая требовала

разрешения. И крестовые походы были ее следствием.

Еще одно его деяние, которое логично вытекает из всей жизни папы Иннокентия III, — организация в 1209–1229 годах крестовых походов против альбигойцев на юге Франции, в Лангедоке. Опять христиане против христиан… Последний оплот альбигойцев Монсегюр держался до 40-х годов XIII века, когда Иннокентия давно уже не было на свете.

Можно сказать, что французский Юг — особая страна, глубоко романизованная, более культурная с римского времени, чем Северная Франция. Еще римские авторы называли некоторые города Лангедока Афинами Галлии. Там было велико римское наследие. Сказывалось и арабское культурное влияние. Лангедок (центр — Тулуза, теперь это Тулузское графство) даже говорит на особом языке — ланг д'ок, а северный диалект во Франции называют ланг д'ойль. Это два языка, говорящие «ойль» и «ок», то есть использующие разные окончания. А когда есть отдельный язык, есть и особая культура. Ланг д'ок — это поэзия трубадуров, которые всегда не совсем в ладах с догматами Церкви. В этой культуре слишком много, как мы сегодня скажем, секса. Это любовь, и любовь отнюдь не всегда чисто духовная. А еще южная часть Франции — это разбогатевшие независимые города. Важно, что именно в Лангедоке было максимальное количество городов-коммун, которые в борьбе с королевской властью добились реального внутреннего самоуправления. Там были консулы (римское название), собрания, советы, ополчение. Они стали вести себя как государство в государстве, к тому же более богатое, чем северяне. И одной из форм противоречий Севера и Юга было расхождение на почве религиозной.

Южане возмущались недостаточно чистыми нравами северян и служителей ортодоксальной церкви. Например, есть поэма XIII века о разврате церковников (она написана на юге): «Все пропало и смешалось, когда наедут кардиналы, всегда алчные, ищущие добычи. Они приносят с собой симонию (торговлю должностями), показывая пример нечестивой жизни, как бы неразумные, без веры, без религии, они продают Бога и его Матерь». А в хронике конца XII века говорилось: «Монахи покидают свое прежнее платье и ходят по улицам одетыми по новой моде. Мясо они едят, когда хотят. Епископы же требуют от приходов большие взятки, а места продают тоже за взятки». Это то, что людей возмущает, задевает их сердце, душу, совесть в любые времена.

И вот в Лангедоке, вольнолюбивом, практически свободном, сосредоточилось недовольство снижением нравственного градуса и чистоты. Небольшой город Альби сделался центром

нонконформизма, как мы скажем сегодня. Название «альбигойцы» получили те, кто предлагал реформировать Церковь. Это предшественники Реформации, те, кто говорил, что надо вернуться к христианской чистоте. Потом альбигойцами стали называть и других еретиков.

Почему Иннокентий организует борьбу с ними, хотя они выступают за чистоту веры? Потому что у них все громче звучит такая мысль: Церковь учит нас, что наша земная жизнь есть воплощение Божьего промысла, — не может быть, всеблагой Бог не мог создать столь ужасный мир. Это козни Люцифера. Борьба светлого и темного начал продолжается, и Люцифер строит свои козни. Но это же страшно! Получается, церковь как бы не видит козней дьявола и обманывает людей. Вот почему Иннокентий не мог не принять участия в подготовке борьбы против альбигойцев.

Он объявил, что те, кто захочет идти воевать против гнезда ереси на юг Франции, — крестоносцы. А статус крестоносца — это защита твоего имущества, освобождение от налогов, это красиво, благородно. И северофранцузские рыцари стали с удовольствием готовиться к крестовому походу.

Конная печать Раймунда VI Тулузского. XIII в.

Прославился покровитель катаров, граф Тулузский Раймунд VI. Он попробовал покаяться и этим остановить движение крестоносцев — не получилось. Они двинулись на юг, самым страшным образом разграбили богатейшие южнофранцузские города. Начали с Безансона и потом сами сожалели, что сожгли его дотла. Они уничтожили собственную добычу! Поэтому при разграблении Каркассона они уже были

более аккуратны и договорились, что не будут полностью изничтожать город, если кто-то сдастся. Деяние духовное не было лишено материального начала. Иннокентий вдохновил этот поход, но не дожил до его завершения, до победы.

Вершиной его жизни был знаменитый Четвертый Латеранский собор, состоявшийся в 1215 году. 500 епископов, 800 аббатов, патриархи Иерусалимский и Константинопольский. Принято 70 канонов — постановлений о борьбе с еретиками. Это, в общем-то, парад мракобесия, который очень поддержал развитие в Западной Европе печально знаменитой инквизиции.

Кстати, именно Иннокентий III придумал гетто. Лично его заслуга состоит в том, что он предложил евреям, то есть сторонникам иной веры, иудеям, жить в специальных районах, отличаться от остальных.

Был ли он счастлив? Ведь он многого достиг, перед ним каялись короли, он вмешивался в их семейную жизнь, громил еретиков, вдохновил крестовый поход…

Однако его конец был ужасен. Он умер своей смертью в Перудже 16 июля 1216 года, в одной из деловых поездок. Проповедник Яков Витрийский описывает, что он увидел: «Я отправился в город Перуджу, в котором нашел папу Иннокентия мертвым, но еще не погребенным. Какие-то люди ночью растащили воровским образом драгоценные одеяния, в которых его надлежало похоронить. Тело же его, почти нагое и уже начинавшее испускать запах тления, они оставили лежать в церкви. Я все же вошел в храм и собственными глазами увидел, насколько коротка и тщетна обманчивая слава мира сего».

Не один Иннокентий III после смерти подвергся подобному надругательству. Это была тенденция. Может быть, простой грабеж. Но не исключено также, что так выражался протест, реализовалось стремление людей сказать тому, кто поднялся значительно выше их: ты вообразил себя правителем мира — и вот ты лежишь мертвый и нагой.

Франциск Ассизский. Проповедник добра и мира

Джотто. Франциск Ассизский отказывается от имущества. Фреска в церкви Сан-Франческо в Ассизи. 1295 г.

В светской литературе Франциска Ассизского сухо называют «итальянский религиозный деятель конца XII — начала XIII века, основатель Ордена францисканцев». В церковной традиции он — «носитель братского призыва ко всем людям доброй воли». А ведь проповедь добра и мира действительно близка людям всех эпох, всех рас и конфессий. Академик Д. С. Лихачев размышлял о типологическом соответствии Франциска Ассизского и русского

святого Сергия Радонежского (статью об этом можно найти в № 1 журнала «Наука и религия за 1992 год).

Вообще, Франциск Ассизский — самый популярный неправославный святой в восточной части христианской церкви. Его образ вдохновлял В. В. Вересаева, М. А. Волошина, А. А. Блока, Б. Л. Пастернака, В. И. Иванова. Религиозный философ П. А. Флоренский писал: «Образы Франциска Ассизского, Серафима Саровского или Амвросия Оптинского достаточно намекают, что такое человек высшего типа, что такое “Ангел во плоти”».

Франциску посвящена многочисленная научная литература. Очень интересна книга русского медиевиста В. И. Герье «Франциск. Апостол нищеты и любви» (она написана в 1908 году и неоднократно переиздавалась). Много работ посвятил Франциску, комментировал приписываемые ему труды и его жития историк В. Л. Задворный. Стоит обратить внимание и на сборник «Подвижники: Избранные жизнеописания и труды», изданный в Самаре в 1998 году, и на статью К. Г. Исупова «Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры» в журнале «Вопросы литературы» (№ 6 2006 года).

Историкам доступен богатейший материал. Есть биографический труд, приписываемый самому святому, — «Цветочки Франциска Ассизского». Да и жития Франциска начали писать еще при его жизни. Его личность была необыкновенной для эпохи Средневековья. Хотя он и стал основателем одного из духовно-рыцарских орденов, сам он никогда ни с кем не боролся (разве что с самим собой, считая себя великим грешником) и никакого насилия не признавал. Он просто жил и мыслил — но так, что много веков человечество не может этого забыть.

Годы жизни Франциска — 1181 (или 1182) — 1226. Зенит западноевропейского Средневековья. Уже складывались основы национальных государств во Франции и Англии. Времена Людовика VIII и Людовика IX Святого во Франции и Эдуарда I в Англии. Разгар крестовых походов и начало кризиса крестоносного движения.

В Италии в этот период единого государства еще не было. Там сложилась система разобщенных городов-государств, маленьких, но самостоятельных. Очень сильна была папская власть, причем не только на Апеннинском полуострове, но и за его пределами. Иннокентий III, с которым Франциск лично встречался, — это символ пика папской власти в Западной Европе.

В самом центре Апеннинского полуострова есть гористая область Умбрия. Она находится примерно на одинаковом,

большом для Италии, расстоянии от Флоренции и от Рима. Город Ассизи не самый крупный в Умбрии (меньше Перуджи), но заметный.

Умбрия. Гора Ветторе

Там в семье зажиточного купца, торговца сукном Пьетро Бернардоне родился сын Франциск. Отец происходил, видимо, из крестьян, был человеком грубоватым и жадным. Мать, Пика, происходила из французского Прованса, вроде бы из знатного рода.

Когда мальчик появился на свет, отец был в отъезде, на юге Франции, по торговым делам. Мать назвала младенца Иоанн, или Джованни на итальянский лад. Когда муж вернулся, он заявил, что имя ему не нравится. «Иоанн Креститель, — припомнил он, — это тот, который был одет в шкуру верблюда? Нет, я хочу, чтобы мой сын был элегантным французом». И дал ребенку имя Франциск, созвучное слову francese — «француз». То есть имя звучало в то же время и как прозвище.

Отец представлял себе сына энергичным и жизнерадостным — на французский лад. И сначала казалось, что мальчик растет именно таким. У Франциска рано обнаружились несомненные лидерские качества. Друзья, с которыми он проводил много времени, называли его Царь Пиров.

До 14 лет он прилежно учился в школе. Затем отец счел, что

образования ему достаточно. В Средние века 14-летний юноша считался взрослым. Рыцарь в этом возрасте уже воевал, а купец — торговал. Но Франциск избрал для себя не торговое, а как раз военное поприще. Может быть, на него повлияла героическая рыцарская поэзия, такая как, например, «Песнь о Роланде».

В 1197 году умер император Священной Римской империи Генрих VI из династии Штауфенов, сын Фридриха I Барбароссы. Как и его предшественники, он стремился подчинить себе итальянские земли. Но чем жестче была рука германского императора, тем отчаяннее боролись за независимость итальянские города.

Едва Генрих VI скончался, в Италии началась очередная смута. В Ассизи поднялось восстание против местного сеньора — герцога Сполетанского, который был вассалом германского императора. В ходе восстания позиции дворян и простолюдинов — ремесленников и купцов — разошлись. Дворяне Ассизи обратились к более крупной Перудже за помощью против собственного простого люда.

Между Ассизи и Перуджей началась война. Юный Франциск принял в ней участие. Войско Ассизи было разбито. Франциск оказался в плену. Он жил в Перудже с 1199-го по 1202-й годы.

Известен характерный эпизод. Возникло подозрение, что один из пленных — предатель, из-за которого был захвачен отступавший отряд. Никто не разговаривал с этим человеком, хотя не было никаких доказательств его вины. А Франциск за него заступился. Он всегда был на стороне обиженного.

В плену Франциск много общался с рыцарями. Наверное, они окончательно убедили его, что его призвание — война. Поэтому, вернувшись, он недолго пробыл дома. В это время некий рыцарь, известный в тех краях кондотьер — предводитель наемной дружины — граф Вальтер Бриенский, набирал отряд, чтобы отправиться воевать в Апулию. Франциск Бернардоне к нему присоединился. Но с половины пути возвратился домой и полностью изменил свою жизнь.

Трудно объяснить, что случилось с веселым, общительным, в целом благополучным юношей, увлеченным идеями рыцарства, что превратило его в страстно верующего подвижника. По легенде, ему приснился вещий сон. Сначала он увидел оружие и счел это знаком того, что правильно сделал, пойдя на войну. Но потом раздался голос, который сказал: «Ты неверно понял, это не то сражение! Есть другие, более высокие битвы». Так или иначе, произошло то, что на латыни принято называть illuminatio — озарение. В Средние века это было хотя и не массовым, но известным явлением.

Дома 20-летний Франциск пребывал в глубочайшей задумчивости. Товарищи спрашивали его, что случилось, подозревали, что он заболел (а он и правда после плена долго страдал сильным кашлем) или влюблен. На вопрос о том, не собирается ли он жениться, Франциск, улыбнувшись, радостно ответил: «Да, верно! Я задумал взять невесту более благородную, богатую и красивую, чем вы когда-либо видели». Сегодня мы знаем, что он имел в виду Нищету. Он решил отдаться ей, чтобы обогатить свой дух.

В Ассизи, в храме, посвященном Франциску, есть изумительная фреска Джотто, на которой изображен момент обручения с Бедностью. Молодую красивую женщину с исхудавшим измученным лицом, в разорванном платье, все отвергают: на нее лает собака, мальчишка замахнулся палкой, другие бросают камни — и только Франциск протягивает ей руку, а Христос благословляет их с небес.

В душе Франциска совершился переворот. Внешне его жизнь оставалась прежней. Отец давал ему поручения, связанные с торговлей, и он их выполнял. Но однажды, вернувшись из очередной поездки, он объявил, что отказывается от всего. И ушел из родительского дома. Отец понятия не имел, где поселился Франциск. Знала мать — и отправляла старого слугу отнести еду в пещеру, где ночевал ее сын. Юноша постепенно удалялся от обычной человеческой жизни.

Стефано ди Джованни Сассетта. Обучение Святого Франциска с Госпожой Бедностью. Икона. XV в.

Отец, не понимая, что происходит, пробовал устраивать скандалы, даже подал на сына в суд, потому что тот раздал деньги, вырученные от продажи ткани. Разбирательство происходило у ассизского епископа Гвидоне, который был на стороне Франциска и потом до конца жизни оставался ему опорой.

Выслушав обвинения, Франциск ответил, что прежде считал этого человека своим отцом. Но теперь понял, что это не так. «Отец наш, — сказал он, — на небесах». А Пьетро пусть возьмет не только деньги, которые так его беспокоят, пусть берет и одежду, которую он покупал, оплачивал, — вот она. С этими словами Франциск разделся и сложил одежду перед епископом. Гвидоне, растроганный, прикрыл его своим плащом.

Новая жизнь, которую выбрал Франциск, была полна трагизма. Он считал себя грешником и всю жизнь вымаливал у Бога прощение. Мучительно трудно было заставить себя просить подаяние. А он решил жить только милостыней и молитвой.

Франциск побывал в Риме, совершил паломничество к гробнице Святого Петра. И потом осуждал себя за действие, которое счел проявлением гордыни. Его рассердило, что у могилы Святого Петра мало подаяния, и он бросил горсть тех монет, что подали ему самому, в окошко под алтарем. Когда же осознал, что это грех, решил себя наказать. Выйдя из собора, он выбрал самого страшного, в лохмотьях, нищего и попросил поменяться с ним одеждой. Было невыносимо натягивать на себя грязное тряпье, но он, вчерашний «блестящий юноша», это сделал.

Шаг за шагом Франциск заставлял себя поступать так, чтобы приближаться к чистоте жизни духовной, возвышающейся над всем земным. Поскольку родной отец, встречая его на улицах Ассизи, начинал кричать и браниться, он избрал себе другого земного, названого отца — из числа нищих. Ведь глубоко верующему человеку нельзя жить без отцовского благословения.

Однажды, встретив прокаженного, Франциск сначала шатнулся от него — и опять сурово себя осудил, заставил себя поцеловать больного, прикоснуться к его руке. На окраине Ассизи был лепрозорий «Сан Сальваторе», и Франциск отныне постоянно приходил туда, чтобы перевязывать раны несчастных.

Надо сказать, что Церковь призывала верующих поддерживать прокаженных, оказывать им помощь и даже создала специальный Орден Святого Лазаря, но очень мало кто был способен откликнуться на призыв. Известны лишь отдельные подобные факты. Так, папа Григорий Великий написал историю монаха Мартирия, который встретился с прокаженным, не способным дальше идти, поднял его, донес до его убежища, после чего больной на его глазах принял образ Иисуса Христа, благословил праведника и снова вознесся на небо. Подобные эпизоды есть также в житиях святого Юлиана Милостивого, святого папы Льва IX и некоторых других. Из проповедей Франциск знал, что встречаются люди, способные подняться до такой духовной высоты. И стремился это сделать.

Одно из его важных деяний — он занялся, можно сказать, восстановлением архитектурных памятников. Увидев, в каком ужасном состоянии находится небольшая церковь Святого Дамиана в Ассизи, Франциск начал сам таскать камни, чтобы привести здание в порядок. Конечно, нашлись люди, которые к нему присоединились, и храм был спасен.

Следующей стала часовня Девы Марии Ангельской, которая

называется по-итальянски Порционкула — «маленькая порция, небольшой участок». Она сделалась главным местом его обитания. Точнее — возле нее он поставил свой шалаш. Со временем вся Италия знала, что именно там живет святой Франциск. Святым его стали называть при жизни.

Франциск был против мрачного отшельничества. Он считал, что необходимо идти к людям и рассказывать им об истинной вере и доброте. По его словам, жалость и сострадание надо нести с радостью и весельем. И разумеется, нельзя иметь никакой собственности. Он утверждал: «Если бы у нас была собственность, нам было бы нужно оружие для нашей защиты, ибо в ней источник раздоров и тяжб, и она обычно препятствует любви к Богу и к ближнему. Вот почему мы не желаем иметь собственность». Это убеждение принципиально отличало учение Франциска от идеологии официальной церкви и духовно-рыцарских орденов, возникших в результате крестовых походов.

К Франциску начали приходить люди, в том числе и состоятельные, жертвовавшие все свое имущество бедным. Вот как описывается отношение к нему в одном из житий, созданных при его жизни: «Прибегают мужчины, прибегают женщины, торопятся клирики, стремятся верующие с целью увидеть и услышать Божьего святого. И в самом деле, с тех пор как явился святой Франциск и заговорил, небо, казалось, изливало на землю новый свет».

Он был еще очень молодым человеком. Но вокруг него уже создалась община. В 1209 или 1210 году он вместе с 12 учениками отправился к римскому папе, чтобы просить его утвердить создание нового духовного ордена и его устав. Перед началом путешествия Франциск сказал: «Я не буду предводительствовать этой группой, давайте изберем, кто будет первым». Он понимал, что стать во главе 12 учеников — подражание Христу, а значит, гордыня. И главой отряда избрали некоего Бернарда.

Папа Иннокентий III — полная противоположность Франциску, человек, всегда хотевший власти, везде и над всеми. Именно при нем папу стали называть наместником Бога на земле (до этого он был апостолом Святого Петра, римским епископом). Опираясь на «Папский диктат» Григория VII, Иннокентий добивался такого могущества, при котором папы могут смещать государей. У него были в прямой вассальной зависимости короли Англии, Арагона, Португалии, Болгарии. Он содействовал тому, чтобы Четвертый крестовый поход в 1204 году изменил маршрут и крестоносцы направили удар против Константинополя, то есть против восточной христианской церкви. Это он, Иннокентий III,

положил начало инквизиции в Западной Европе, а в 1209 году стал инициатором крестового похода против альбигойцев — еретиков-сектантов на юге Франции.

И к этому могущественному человеку явился Франциск, никогда не имевший никакой власти и сурово осуждавший гордыню. Когда Иннокентий III увидел его, одетого в плащ, завязанный грубой веревкой, обросшего, грязного, он воскликнул: «Да тебе лучше к свиньям, отправляйся, ты им больше подойдешь. Валяйся среди них, будешь там как раз». Реакция Франциска оказалась поразительной. Он сказал: «Хорошо», — пошел и повалялся со свиньями. А вернувшись, обратился к папе: «Я исполнил твою волю, теперь услышь и ты, пожалуйста, мою мольбу». Как пишут церковные авторы, папа устыдился. И одобрил создание ордена францисканцев.

Наверное, он вспомнил, что не так давно, при его предшественнике, к папскому престолу так же припадали «лионские бедняки» во главе с Петром Вальдом и просили дать им разрешение проповедовать. Им резко отказали — и они превратились в жестоких противников Церкви. Теперь ересь на юге Франции истреблялась уже огнем и мечом. И хотя Франциск вряд ли мог превратиться в противника Церкви, папа предпочел не повторять прошлых ошибок. Проще разрешить, чем ожесточить — такова, вероятно, была его логика.

В тот период возникали различные духовные ордена. Например, орден доминиканцев был создан с целью защиты Церкви. Францисканцы же не допускали никакого насилия. Довольно скоро возник и женский орден францисканцев. Его организовала некая святая Клара, женщина из богатой среды, которая поверила Франциску и тоже отрешилась от земной жизни. По преданию, Франциск сам отрезал ей косу в алтаре. Члены женского ордена именовались кларисами. Они вели иной, более замкнутый образ жизни, чем мужчины-францисканцы, не выступали с проповедями. Но идеалы у них были те же: бедность, доброта, сочувствие к неимущим.

Община росла, но Франциск не был доволен жизнью. В возрасте около 40 лет его стало терзать стремление к личному духовному подвигу. Местом такого великого деяния должна была стать Святая Земля. Это было время совершенно безрезультатного Пятого крестового похода. Для Франциска был неприемлем меч крестоносцев. Перед битвой под Дамьетой он предупредил рыцарей: «Вы не победите». Его, конечно, никто не послушал. И сражение было проиграно.

Франциск надеялся словом обратить в истинную веру арабского султана аль-Малика аль-Камила Назира ад-Дина из

династии Айюбидов. В 1219 году он отправился в Египет и проник в лагерь султана, почему-то не тронутый стражей. Как ни странно, султан его принял и выслушал. Рассказы об этой встрече живо напоминают античные предания о разговоре лидийского царя Креза и греческого мудреца Солона. Франциск уговаривал султана принять христианство во имя мира. Предлагал даже: «Давай я взойду на костер, и, если я останусь жив, ты примешь истинную веру». Султан такой проверки не захотел, сменить веру отказался, но дал Франциску фирман — документ с собственноручной подписью для беспошлинного посещения христианских святынь. И Франциск, действительно, побывал в Иерусалиме, в храме Гроба Господня.

Согласно преданию, Франциск обещал султану, что перед смертью к тому придут два посланца. Считается, что султан ждал их и, когда он умирал, они действительно появились. И в миг последнего своего вздоха султан увидел истинного Бога. Это, конечно, легенда, но какая трогательная!

На обратном пути, уже в Италии, Франциск узнал, что в ордене царит беспорядок. Это неудивительно: организация надолго осталась без лидера. Тем более что Франциск поручил руководство двоим — брату Петру и брату Илье, и между ними начались расхождения. Не все члены ордена были согласны с полным отказом от собственности. Некоторые братья, например, хотели иметь не один кафтан — в соответствии с уставом — а хотя бы два.

Добравшись до Болоньи, Франциск узнал, что у местных францисканцев появился свой дом. Это глубоко его возмутило. Он забрался на крышу и стал сбрасывать черепицу, как бы собираясь снести этот дом своими слабыми руками. Власти остановили Франциска, потому что дом принадлежал городу.

В последние годы Франциск жил так, как считал правильным, делая все, чтобы Бог простил ему прошлые прегрешения. Известны многочисленные истории о его безграничной доброте. Как-то раз ему принесли раненого зайчика, попавшего в капкан. Франциск хлопотал над ним, приговаривая: «Что ж ты, мой бедненький, зачем же ты так неосторожно себя вел?» Рыбаки хотели подарить ему только что выловленную большую красивую рыбу — он сейчас же отправил ее обратно в водоем. После дождя он собирал выползших на дорогу червей и относил в траву, чтобы они не погибли.

А когда на окраине Ассизи поселился старый волк и очень пугал местных жителей, Франциск пошел с ним… поговорить. Объяснил, что не надо есть людей. «Но только ты мне обещай, — сказал святой волку, — и я с людьми договорюсь, они тебя будут

кормить». Он увидел, что у волка внимательный понимающий взгляд. Как трогательно пишут рассказчики, волк протянул ему лапу. После этого «лапопожатия» люди два года кормили волка, очень к нему привыкли, полюбили его и горевали, когда он умер от старости. Вполне закономерно, что в XX веке папа римский Иоанн Павел II объявил Франциска Ассизского покровителем экологии.

Перед смертью Франциск, которому было всего 45 или 46 лет, тяжело болел. И с ним случилось то чудо, о котором он мечтал: у него появились на теле стигматы — следы мук Христовых. Осознав это, он возрадовался и умер счастливым.

Иоанн XXII. Римский папа вне Рима

Анри Серрюр. Портрет Папы Иоанна XXII. Около XIX в.

Римских пап было много, но этот — уникален. Во-первых, он довольно долго, наверное дольше всех, был на папском престоле — целых 18 лет. Во-вторых, папой он стал в поздние годы и дожил до девяноста лет. В-третьих, избран он был самым оригинальным способом, какой только можно себе представить… но не будем опережать события.

Иоанн XXII — папа так называемого авиньонского периода, который длился 70 лет. Римские папы на протяжении этого времени пребывали не в Риме, что звучит парадоксально, а в южнофранцузском городе Авиньоне. Еще заметим, что Иоанн XXII фигурирует в художественной литературе высокого уровня: у Мориса Дрюона, Умберто Эко — они не обошли вниманием эту колоритную фигуру. В художественную литературу Иоанн XXII попадает уже зрелым человеком. Но как он начинал?

Он родился в 1244 году, хотя в этой дате есть сомнения. И все-таки, по всем подсчетам, получается скорее 1244 год, чем

1249-й. В 1316 году он стал папой в возрасте 72 лет, а скончался в 1334-м. Таким образом, его жизнь пришлась на рубеж XIII–XIV веков. XIII век — зенит Средневековья, XIV — начало осени. И события, связанные с жизнью Иоанна XXII, все это отражают.

Происхождение у него самое поразительное: он сын сапожника Арно Дюэза из Каора. Больше мы ничего не знаем о его семье. И вроде бы стоило бы удивиться: как же так — сын сапожника — и окажется на папском престоле? Путь начался с тяги к знаниям. Юноша отправился в доминиканский монастырь. Так делали многие отроки из бедных семей, потому что это был путь к образованию.

Доминиканцы, Псы Господни, ретивые охранители самой строгой католической ортодоксии, при этом бесплатно давали в своих монастырских школах очень хорошее образование. И много-много еретиков вышло из стен доминиканских школ, например Томмазо Кампанелла в XVI веке.

Сын сапожника мог пробиться наверх только через образование. После монастырской школы он изучал богословие и право, самые популярные тогда предметы для человека, который хочет чего-то достичь, в Монпелье и в Париже. Уже в XIII веке это были заметные центры просвещения в Западной Европе.

Со временем молодой человек попытался облагородить свое имя и стал писать его через апостроф — не Дюэз, а д'Юэз или даже д'Оз — оба варианта мы можем встретить в литературе. Преподавал богословие в Тулузе и Кагоре. Прошел типичный путь интеллигентного человека, вышедшего из низов. Как правило, эти люди бывают очень цепки, жадны до власти и денег, что со временем блестяще продемонстрирует и Иоанн XXII.

Но как же все-таки он попадает на папский престол? Дюэзу было около 50 лет — глубокая старость в эпоху средневековья, когда средний возраст зрелого западноевропейца — около 30 лет. А для него все только начиналось. Окрылитесь, люди среднего возраста!

Около 1300 года Дюэз был рекомендован правителем Неаполитанского королевства на юге Италии Карлом II на должность епископа Фрежюса. Надо сказать, что Неаполитанское королевство, как большинство государственных образований Италии того времени, было недавним и довольно зыбким. Оно создалось в конце XIII века, отделившись от королевства, объединявшего юг Италии и Сицилию. Неаполитанское королевство находилось под управлением Анжуйской династии — это побочная ветвь, родственная королевскому дому Франции, тогдашним Капетингам.

Дюэз был воспитателем и советником короля Роберта

Анжуйского. Но еще Карл II, первый его покровитель, сделал его своим канцлером. Это очень много. Сказались, конечно, энергия и образование этого выходца из низов. В 1310 году он был назначен епископом Авиньона — города на юге Франции, при слиянии реки Роны и канала Дюранс. Ближайший крупный центр — Марсель, к востоку, в сторону Италии. К северу — Лион, несколько дальше.

Авиньон — замечательное место. Там великолепный романский собор XII века — Нотр-Дам-де-Дом с папскими гробницами, там комплекс папского дворца, построенный в XIV веке, роскошные фрески. Да еще и великолепный климат. К тому же в Авиноне было спокойнее, чем в Риме. Земли эти принадлежали Анжуйскому дому; но со временем папы выкупили Авиньон у Франции.

Итак, Карл II назначил Дюэза своим канцлером, а затем епископом Авиньона. А в 1312 году папа Климент V сделал его кардиналом.

Климент V находился на престоле с 1305 по 1314 год и являлся прямым ставленником французского короля Филиппа IV Красивого. Это был человек яркий, красивый — в прямом смысле, физически (Средневековье любило красивых правителей), смелый, решительный. Он подготовил французский абсолютизм, решительно настаивая на том, что король подчиняется только Богу. Еще до Климента у Филиппа был соперник — папа Бонифаций VIII, который воспротивился идеям абсолютной власти короля. Он издал знаменитую буллу Unam Sanctam. «Во власти Церкви, — писал он, — есть два меча: духовный и материальный — и оба принадлежат Церкви». И далее: «Все люди должны подчиняться папе римскому, если они хотят достигнуть вечного спасения». Последние козыри пошли в ход.

Анри Серрюр. Папа Климент V. XIX в.

В общем-то, те события, о которых мы говорим, — это последний яростный бой за папскую теократию, за признание того, что, по крайней мере в Европе (а деятели католической церкви мечтали распространить этот принцип на весь мир) превыше всех власть папы. Когда-то папская тиара состояла из двух плоскостей, а к концу XIII века — уже из трех, означавших три континента, известных людям того времени: Азию, Европу и Африку. То есть папа — владыка мира, и тиара это символизирует. Остальные: императоры, короли, герцоги (это уже просто мелочь) — все они под папой. Бонифаций VIII на этой мысли настаивал категорически, работал на нее. В 1300 году он устроил событие, которое казалось всем торжеством папской теократии: объявил 1300-летний юбилей Рождества Христова. Уже тогда любили праздновать юбилеи, и продляли их, и повторяли. Очень мало нового под луной. Около двух миллионов паломников прибыли в Рим и яростно платили за отпущение грехов, раздавали пожертвования. Причем грехи стали отпускать даже будущие. В юбилейные дни ты можешь откупиться не только от того, что совершил, но и от того, что только планируешь сделать.

И вот на гребне такого восторга, такого успеха

Бонифаций VIII приготовился предать Филиппа IV анафеме — за его мысли о высоте королевской власти. Чтобы подготовить это мероприятие, он в 1303 году отправился в маленький город Ананьи. И тут Филипп его обогнал. Он направил к папе делегацию во главе со своим советником Ногаре, которая, как считается, планировала похитить понтифика из дворца, но это не получилось. И тогда королевские посланники как-то оскорбили папу. Некоторые серьезные специалисты по истории папства считают, что они просто избили престарелого человека. Бонифаций вернулся в Рим и вскоре умер от этого потрясения. Вот как написано в одной из монографий: «Не выдержав оскорблений, гордый старик вскоре скончался». Говорили также, что перед смертью он сошел с ума. Ярчайшим проявлением его безумия считалось то, что он скончался, не приняв причастия, как бы не осознавая, что умирает. Для папы уйти без причастия — что-то невероятное. По всей Европе было впечатление крушения папской теократии.

Филипп IV почувствовал себя хозяином положения. На папском престоле ненадолго оказался некий Бенедикт XI (1303–1304 годы). Филипп в это время, видимо, подбирал кандидатуру — и подобрал ее. Он остановился на архиепископе Бордоском по фамилии Каэтани, который принял имя Климента V.

В марте 1309 года он был избран папой, после чего сделал своей резиденцией Авиньон. Происходил Климент V из мелкого гасконского дворянства, что оскорбляло многих во Франции (гасконцев всегда считали ниже прочих). Ко всеобщему потрясению, нового папу избрали во Франции, в Лионе, и он отказался прибыть в Рим для интронизации — введения в статус. Климент V призвал кардиналов прибыть в Лион. Аргумент был такой: в Риме после смерти Бонифация царит анархия. И это действительно было так.

В 1312 году Дюэз стал кардиналом. Чем примечательны эти годы? Филипп IV, укрепив свою власть, затеял во Франции несколько страшных дел. В числе их был семилетний, полностью сфальсифицированный процесс над тамплиерами. Дюэз принимал в нем участие. Если бы он не проявил в этом деле лояльности, дальнейшая его судьба не сложилась бы столь блистательно.

Одновременно с процессом над тамплиерами Филипп захотел устроить суд над покойным Бонифацием VIII. В X веке, когда Римская курия была еще относительно слабой, состоялся другой знаменитый процесс: папа приказал выкопать своего покойного предшественника, посадить тело на скамью подсудимых, потом отсечь у трупа два пальца и сбросить его в Тибр. Но это было

много веков назад! Казалось, что такая дикость более невозможна.

Однако был затеян суд, покойный Бонифаций VIII обвинен в ереси, ибо умер без причастия, и в убийстве. Ходили слухи, что он приказал убить в тюрьме так называемого ангельского папу, своего предшественника Целестина V — отшельника Пьетро дель Мурроне, которого уговорили принять папскую тиару как святого человека. Очень быстро тот понял, что он не может быть папой, отказался от сана, бежал, спрятался в горах. Его подталкивал к этому Бонифаций, тогда бывший кардиналом Каэтани. Отшельник скрылся, а Бонифаций, став папой, тревожился, что он где-то живет, этот благороднейший, святой папа. Он приказал его найти, заточил в мрачную крепость, где тот и умер, проведя в заключении два-три года. Родились слухи, что умер не просто так — ему «помогли» умереть. И Филипп хотел посмертного процесса над Бонифацием VIII: мало ему оказалось той пощечины и страшной кончины папы, он намерен был еще и посмертно его осудить.

Неизвестный художник. Жак де Моле. XIX в.

И в этот момент будущий Иоанн XXII, а пока кардинал Жак Дюэз, продемонстрировал свою позицию. Пожалуй, с этого времени (1312–1313 годы) он зрелый человек, который возражает против намерения короля. Он как будто предчувствовал, что очень скоро, в 1314 году, умрут один за другим Филипп IV, папа Климент V, Ногаре — оскорбитель Бонифация VIII. Они были прокляты генералом ордена тамплиеров Жаком де Моле из пламени костра 18 марта 1314 года. Как угодно можно относиться к случившемуся, но как не понять романистов, писавших о магической силе этого проклятия? Рука сама тянется к перу…

Есть загадочная история о свече, упавшей на саркофаг Климента V, в результате чего он был кремирован, что для папы невозможно. А о короле Филиппе говорили, что он умер очень странно: упал на охоте с лошади. Якобы перед ним встал золотой олень — дух оскорбленного Бонифация VIII, лошадь испугалась, король упал и умер. В эти роковые времена будущий Иоанн XXII, возможно, подумал: «Правильно, что я не стал поддерживать этот процесс».

В 1314 году папский престол освободился. Кардинал Дюэз — это установлено — давно к нему стремился. Правда, ему было уже почти 70, но папы редко бывали молодыми. Он потратил очень много денег на то, чтобы расположить к себе участников будущего избрания. Заседали в Карпентре (это одна из папских резиденций, 22 километра к северу от Авиньона). Конклав составили 23 кардинала, из них 15 французов, 7 итальянцев и один испанец. Важнее всего было, кто станет папой — итальянец или француз. Кандидат должен был получить две трети голосов, но в этом составе согласие оказалось невозможно.

Так прошло два года без папы. На французском престоле был сын великого и грозного Железного короля Филиппа Людовик X Сварливый. Пока заседал конклав, он успел взойти на престол, поправить страной и умереть относительно молодым. А ведь Жак де Моле проклял не только Филиппа, но и его род до седьмого колена!

Людовика в 1316 году сменил брат, Филипп V, по прозванию Длинный. Будучи регентом, он заманил весь состав конклава в Лион под благовиднейшим предлогом — отметить торжественной заупокойной службой вторую годовщину смерти Людовика. Пока шла торжественная месса, по приказу короля вход в собор был замурован, оставлено только небольшое отверстие, через которое выпускали лиц, не имеющих отношения к конклаву. Филипп V почувствовал себя, видимо, истинным сыном своего отца и тоже поступил как Железный король. Он объявил, что, пока не будет решен вопрос о папе, никто из кардиналов из собора не выйдет.

И тогда Дюэз притворился умирающим. Он, видимо, поручил своему слуге рассказывать всем, — и слуга рассказывал, — что он тяжело болен, фактически не может принимать пищу. Долго ли протянет человек, который уже не в состоянии есть? Так прошло полтора месяца — кардиналы не сдавались, а о Дюэзе думали, что он на грани смерти.

На последнее заседание, ставшее решительным, умирающего принесли на носилках. Он едва подавал признаки жизни, прощался со всеми, — и кардиналы поддались. Идея была проста: сейчас мы его изберем, нас размуруют, мы разбежимся, скроемся,

там видно будет, а он тем временем умрет. Потом можно будет организовать выборы в другом месте, без прямого диктата французского короля.

Таким образом Дюэз был избран. В ту же минуту, как пишут очевидцы, он резво соскочил с носилок, подошел бодрым шагом к окошку и подал страже знак, что можно размуровывать, — выборы состоялись. Случай, конечно, беспрецедентно яркий. И это не легенда, хотя литераторы украшают ее деталями, на что имеют полное право, когда пишется художественное произведение. Но существо дела они передают совершенно правильно.

Чем же Иоанн XXII отметился на папском престоле? В общем-то, это высшая точка и одновременно финал, апогей папских притязаний на верховную власть над всем, полученную от Бога напрямую.

Ему был 71 год, когда его избрали, и он правил еще 18 лет, причем железной рукой. Более того, все эти годы он собирал деньги на крестовый поход. Окружающие посмеивались, пытаясь угадать, в каком возрасте Иоанн XXII в него отправится. Ни в какой поход папа не пошел, но денег собрал очень много! Надо сказать, это было одно из его самых любимых занятий.

Предшественники Иоанна XXII — Григорий VII (вторая половина XI века) и Иннокентий III (вторая половина XII — первая половина XIII вв.) — эпохальные фигуры, отстаивавшие папский абсолютизм. «Диктатус Папы» Григория VII — это документ, в котором говорится о высшей, непререкаемой власти папы. И Бонифаций формулировал ту же идею: римский папа превыше всего и стоит над всем. Иоанн XXII был последним, у кого это хоть в какой-то мере получалось, — на нем же в целом и закончилось.

Прежде всего он объявил себя бескомпромиссным врагом любых еретиков. В еретики у него попали так называемые спиритуалы (радикальное крыло францисканцев — ордена, созданного Франциском Ассизским), которые призывали к аскетизму, евангельской бедности, к нищенствующему образу жизни, отказу от богатства, в том числе от богатства Церкви. Иоанн XXII провозгласил, что это ересь. Он не был согласен с тем, что Христос и апостолы не обладали никакой собственностью. Собственно, позиция папы скорее может быть названа еретической.

Иоанн XXII боролся как с самими спиритуалами, так и с теми, кто их поддерживал. Самый знаменитый его противник — английский мыслитель Уильям Оккам. Папа коварно пригласил его к себе в Авиньон — якобы для объяснения своих взглядов. А

еретики часто бывали наивны! Оккам прибыл. И вместо дискуссии был заточен. Через несколько лет он чудом бежал и скрылся у политического соперника Иоанна XXII Людвига Баварского.

Борьба с ересью прославила римского папу далеко не с лучшей стороны. Отношение к нему в народе портилось, потому что простые люди поддерживали идею упразднения церковного богатства и не были готовы считать ее еретической.

Еще больше не нравилось людям второе направление активной папской деятельности. Создав мощную бюрократическую машину, он породил, в общем-то, государственный аппарат без государства. Папа создал канцелярию, тайный совет, консисторию. Каковы были его цели? Во-первых, влиять на европейских правителей, а во-вторых, собирать деньги. Он был буквально помешан на поборах. Сам он долго жил в бедности. Даже когда был канцлером при неаполитанском дворе (король отличался скупостью). Иоанн XXII хотел возместить себе годы нужды. Хотя, наверное, он догадывался, что на тот свет сокровища не возьмет… Но у него была семья, любимые племянники.

Доходы папы составляли около 250 тысяч гульденов в год — он стал богатейшим из князей Европы. После себя он оставил миллионы, которые просто поразили его преемников. Он собирал деньги за все и на все: например, ему надо было платить за вступление в должности; он брал еще аннаты — очень большие отчисления с того, кто первый год занимает должность. Папу, которого стали называть Авиньонец, повсюду проклинали, он жил в обстановке неприязни. Но когда человек впадает в циническое помешательство на власти и деньгах, ему, видимо, все равно.

Иоанн XXII прославился не только как мздоимец, но и как великий непотист. Непотизм — явление, порожденное управленческой практикой римских пап. Должности надо отдавать своим людям, поднимать свой род. И вот уже сын сестры — архиепископ в Авиньоне, племянники — канцлер и несколько кардиналов. Народ твердо верил, что среди этих «племянников» по крайней мере один является его незаконным сыном. Хотя особым развратом в личной жизни, как, скажем, Борджиа, Иоанн XXII не отличался. А традиция называть незаконных сыновей племянниками сохранится при папском дворе и в XV, и в XVI веках.

Иоанн XXII был фанатиком идеи, в том числе политической. Он объявил, что власть папы превыше всего и только он знает, как жил Христос, и стал выдвигать сомнительные религиозные концепции, вторгаться в тонкие богословские вопросы. Конечно,

он был убежден, что папа римский должен руководить земными правителями. Как и предшественники, он встретил серьезный отпор. Ему противостояли европейские монархии, вставшие на путь централизации, — французская и английская. Главными же его соперниками стали германские короли, которые уже с X века венчались еще и короной Священной Римской Империи. Иоанн XXII вмешивался в европейскую политику столь решительно, будто стремился доказать все то, что не успели доказать ни Бонифаций VIII, ни Иннокентий III, ни Григорий VII, перед которым в свое время каялся Фридрих Барбаросса.

Папа объявил незаконным избрание Людвига Баварского, за которого проголосовали пять курфюрстов. У того был соперник Фридрих Габсбург, которого поддержали только два курфюрста. Людвиг был коронован в Ахене — традиционном месте коронации, а Фридрих — только в Бонне. Не поддержав при этом и Фридриха, Иоанн XXII объявил, что в Германии просто нет императора. Поэтому он устанавливает покровительство над страной до наведения там порядка.

Избранные императоры не сдавались, особенно Людвиг Баварский, оказавшийся человеком сильным, склонным воевать и вступать в дебаты. Переписка Людвига Баварского и папы Иоанна XXII — один из удивительных исторических источников. Она сохранилась, по ней написаны исследования, диссертации. Ее можно сравнить с перепиской царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского. Но в конфликте Людвига Баварского и папы большее значение имели богословские вопросы. Оба претендовали на священную власть. Поэтому в письмах приводились аргументы, восходящие к основам христианства.

Людвиг собрал войско и пытался противостоять оппоненту своими методами — военными: он двинулся в Италию, чтобы там короноваться. Папа не сдавался. В 1324 году он отлучил Людвига Баварского от церкви. Надо сказать, Иоанн XXII легко шел на этот шаг (отлучение от церкви). Он даже взимал таким способом налоги. Это было его профессиональное оружие.

Отлученный от церкви, Людвиг продолжал бороться. В 1327 году Иоанн объявил его низложенным, но тот в 1328-м был коронован в Милане своими сторонниками — ярыми противниками Иоанна XXII — во главе с кардиналом Скьярра Колоннали. Сложилась немыслимая ситуация, которая может быть названа политической и догматически-богословской анархией.

Мастер Вирджил. Антипапа Николай V коронует Людовика IV Баварского. 1410 г.

После коронации Людвиг Баварский и кардинал Колоннали объявили Иоанна XXII еретиком, узурпатором и угнетателем Церкви — и сожгли его чучело. Интересно, что народу, не любившему жадного Авиньонца, это не понравилось. Люди уже готовы были заступиться за Иоанна XXII. Чтобы всех успокоить, было объявлено о выборах нового папы. Нашелся хороший кандидат, сторонник крайней бедности Пьетро Райнальдуччи, который стал антипапой, приняв имя Николая V.

Наступил период великого раскола в католической церкви. Борьба растянулась на 60 лет, в течение которых параллельно существовали папы и антипапы — по два, а однажды даже целых три!

Иоанн XXII собирал силы для дальнейшего противостояния, но Николай V выбил у него оружие из рук. В 1330 году он неожиданно покинул в Рим, бросился в Авиньоне к ногам Иоанна XXII и покаялся. Он мог рассчитывать, что его отпустят с миром. Но Иоанн хоть и сказал, что прощает его, из Авиньона не выпустил. Он был верен себе. Несчастный Николай V три года провел в авиньонском монастыре. Сообщалось, что это добровольная епитимья, но сомнения в ее добровольности были неизбежны. Хронисты писали, что папа «сохраняет Николая V как друга и охраняет как врага». Замечательно сформулировано! Всегда были остроумные люди.

Столько денег, столько побед — но авиньонского торжества не получалось. В борьбе с Людвигом Баварским Иоанн настоящей победы не одержал. Император пережил его на 20 лет. Да и после сожжения чучела Иоанн XXII не мог не испытывать тяжелых чувств.

Авиньонских пап было всего восемь. Этот период в истории папства завершился в 1377 году, когда Григорий XI вернул резиденцию в Рим. Но раскол монолита папской власти все равно уже произошел.

В 1414–1418 годах состоялся Констанцкий собор, тот самый, на котором приговорили к смерти Яна Гуса (его сожгли в 1415 году). Решением собора один папа, Иоанн XXIII, Бальтазар Косса, будет низложен и вычеркнут из анналов. Папа Григорий XII на этом же соборе будет вынужден отречься. Папа Бенедикт XIII отлучен. И в 1417 году избран папа Мартин V. Стремление к абсолютной папской теократии завершится полнейшим крахом в XV веке, но надлом ее происходит именно тогда, когда Иоанна XXII пытается встать над государем в Германии.

Папа преуспел в делах денежных, сделал своих преемников богатыми, но стал символом непотизма и корысти. Этим он навсегда опозорил папство, невольно готовя Реформацию.

Но надо сказать, что роль Иоанна XXII в истории еще и чисто формальная. Именно с момента его правления конклав не имеет права разъехаться, пока не изберет папу. Кстати, его преемника, Бенедикта XII, избрали всего за 19 дней.

Надо еще упомянуть, что современником Иоанна XXII был великий Данте Алигьери. Он мучился мыслью об объединении Италии и вроде бы даже готов был принять власть папы, но не такого, как Иоанн XXII. О нем поэт сказал: «Три зверя гнездятся в его сердце: разврат (он имел в виду моральный, а не повседневный), беспощадность и скупость». Так Данте навсегда заклеймил «банкирские наклонности» папы Иоанна XXII.

Римский папа Юлий II. Таинственный меценат

Рафаэль. Портрет Папы Юлия II. 1511 г.

Римский папа Юлий II — фигура противоречивая, однозначно его не оценишь. Он прославился не только тем, что нанял на работу сразу нескольких гениев и превратил Рим в выдающийся центр искусств. Удивительно и то, что он полководец. Причем он не раз выходил на поле сражения лично и отважно бился в первых рядах. Он искренне хотел освобождения Италии от завоевателей. И это приветствовали многие лучшие умы второй половины XV —

начала XVI века. Однако, выступая за независимость Италии, Юлий II считал, что она должна быть под властью римского папы.

Год его рождения точно неизвестен — 1441 или 1443, место же сомнений не вызывает: это местечко Альбисола в Лигурии — области на северо-западе Италии. Предки Юлия II были простыми рыбаками. От рождения он был наречен Джулиано. Отец — Рафаэлло Ровере. В Италии была широко известна аристократическая фамилия делла Ровере. Но Юлий происходил из другой, рыбацкой семьи.

Первым среди его родственников возвысился дядя, ставший в 1471 году римским папой Сикстом IV. Его именем названа, между прочим, великая Сикстинская капелла. Именно после его возвышения семейство делла Ровере признало лигурийских Ровере своими родственниками. До этого их просто не замечали.

Дядя, еще будучи кардиналом, начал шаг за шагом продвигать своего племянника Джулиано. Сначала он подтолкнул его к церковной карьере. Юноша получил духовное образование и вступил в орден францисканцев, служивший интересам папского престола.

Став папой Сикстом IV, дядя продолжал заботиться о своих племянниках, в том числе и о Джулиано. В те годы папы обычно окружали себя своими родственниками, а нередко — и незаконными детьми.

Выдвижение родственников на самые завидные посты получило название непотизм. При Сиксте IV непотизм расцвел невероятно. В частности, когда Джулиано было 30 лет, дядя сделал его архиепископом Авиньонским, затем — кардиналом, епископом Остии — области, находящейся совсем рядом с Римом. А в 1480–1484 годах Джулиано Ровере — папский легат (посол римского престола) во Франции. Со временем это оказалось очень важным: Франция стала главным врагом Юлия II, и врага этого он изучил изнутри.

В 1484 году Сикст IV скончался. Он провел на папском престоле 13 лет и заслужил чудовищную репутацию. Показательно, какая тогда возникла поговорка. Как известно, главную угрозу Европе представляла Турция. И современники говорили: «Настоящие турки сейчас — это папские племянники». Их у Сикста IV было около 20, и, по крайней мере, пятерых он приблизил к себе.

Сикст IV славился невероятной жадностью. В этом он был достойным соперником богатейшего флорентийского семейства Медичи. Именно Сикст IV организовал во Флоренции знаменитый заговор Пацци, во время которого должен был быть убит Лоренцо Великолепный, но погиб только его брат.

Папа Сикст IV также ввел инквизицию в Испании — позже она приобрела колоссальные масштабы и в Италии. В Испании по решению Сикста IV устраивались аутодафе — публичные сожжения еретиков. Во время первого аутодафе по булле Сикста IV сожгли одного еретика, потом двоих, потом 17, и скоро численность сжигаемых стала превосходить 200 человек.

В Севилье было построено специальное сооружение — кемадеро. Некий даритель Меса украсил это место сожжения еретиков статуями пророков, а вскоре самого дарителя обвинили в том, что он иудействующий, и тоже сожгли.

Когда Сикст IV умер, в Риме начался погром. На улицах вывешивали такой плакат: «Радуйся, Нерон, даже тебя в порочности превзошел Сикст». Сохранилась издевательская эпиграмма-эпитафия: «Наконец, Сикст, ты труп. Пусть все распутники и развратники, сводники, притоны и кабаки оденутся в траур». Вот такому дядюшке Юлий II был обязан началом своей карьеры.

В год смерти дяди Джулиано Ровере находился далеко, вернуться не успел и избран быть не мог. Да он и не был еще готов занять папский престол: он пока не окружил себя верными людьми. Ему предстояло пережить еще трех римских пап. Он мечтал о папской тиаре, но проявил завидное терпение.

После Сикста IV папой стал Иннокентий VIII, который издал буллу о ведьмах по жалобе Я. Шпренгера и Г. Институриса, знаменитых авторов «Молота ведьм». Они настаивали на усилении борьбы с «ведьмами» и еретиками. Иннокентий VIII поощрял преследование еретиков, инквизицию, при нем в Италии начались массовые процессы. В эти годы Джулиано Ровере был в сане кардинала при папском дворе.

Кристофано дель Альтиссимо. Портрет Папы Александра VI. 1490-е гг.

Следующим папой, с 1492 года, был Александр VI — Родриго Борджиа, чудовище разврата, как его называли. При нем все продавалось и все покупалось, особенно голоса кардиналов при избрании папы. Хотя глава Римской католической церкви должен быть образцом целомудрия для прочих верующих, Александр VI открыто признавал своих детей. Его дочь, знаменитая красавица Лукреция Борджиа, стала символом разврата, внешней красоты и внутреннего уродства. Возвышал Александр VI и своего сына Чезаре Борджиа — воплощение жестокости, коварства, мастера тайных убийств.

Будущий Юлий II на конклаве, который избрал Александра VI, был одним из кандидатов — его противников — и первое время оставался и при этом дворе. Но затем он понял, что иметь дело с Борджиа опасно, и бежал из Рима. Сначала недалеко — он осел в Остии, где имел приход, потом дальше — во Францию, где у него были связи. Побыв при французском дворе, Джулиано Ровере убедил короля Карла VIII пойти на Неаполь и сам участвовал в этом походе. Ровере пытался добиться созыва Собора для низложения папы Александра VI, но ничего не получилось.

Когда в 1503 году Александр VI скончался, Ровере опять

отсутствовал в Риме и оказался не готов бороться за папский престол. Поэтому он выдвинул кандидатуру кардинала Тодескини. Это был дряхлый, фактически умирающий старик. Его избрали под именем Пия III. Джулиано твердо решил его сменить. Новый папа ушел в мир иной очень скоро — всего через месяц. Но и за месяц будущий Юлий II сумел подготовить свое избрание. Считается установленным, что он купил голоса выборщиков из Франции и Испании. Выборщики получали денежные суммы и дворцы. В итоге Юлий II был избран за один день — голосами 37 кардиналов из 38.

Он стал 216-м римским папой (подсчеты эти не вполне точны, но таков его традиционный номер). Свою жизнь в большой истории Юлий II начал в возрасте около 60 лет — пенсионном, по сегодняшним представлениям.

Имя Юлий он принял не потому, что в миру звался Джулиано, а в честь великого полководца Гая Юлия Цезаря. Папа с самого начала стремился подчеркнуть свои высокие воинские качества. Для людей Возрождения Цезарь — прежде всего покоритель Галлии, завоеватель Египта, победитель Помпея. По преданию, Юлий II, когда стал римским папой, опоясал себя мечом и бросил в Тибр первосвященнические ключи от неба, сказав: «Пусть меч нас защитит, раз ключи святого Петра оказываются бессильными». И это не просто символический жест. Он, который прежде не водил войск в атаку, надел доспехи и возглавил армию, когда ему было уже за 60. Он желал стать воителем. И он им стал.

Но у папы Юлия II была и другая программа — восстановление могущества римского престола.

Папство — институт древний. Оно возникло в V веке на основе римского епископата. К началу эпохи Возрождения папа римский многие столетия считался официальным наместником Бога на земле. В VIII веке сложилось государство под названием Папская область. Франкский король Пипин Короткий подарил эти земли папе Стефану II.

Папский престол пережил множество трудностей. Он сталкивался с опасностью с севера, со стороны королевства лангобардов; позже боролся с могущественной Священной Римской империей германской нации, с Анжуйским домом — когда французская монархия закрепилась на юге Италии. К моменту восшествия на папский престол Юлия II папские владения были сильно урезаны. По разобщенной Италии прокатывались волны завоеваний. В XV веке преобладали завоеватели французские и немецкие — они отхватывали куски итальянской территории. Главной базой французского влияния

был Милан, и Франция не исключала возможности продвинуться с севера Италии на юг. Поэтому восстановление могущества римского престола в тот момент — девиз политически актуальный.

Юлий II не случайно получил прозвище Terrible — Грозный, Ужасный. Он был по-настоящему страшен для своих врагов. Если условно «пронумеровать» его противников, то первым, несомненно, окажется Чезаре Борджиа — сын покойного папы Александра VI. Отец подарил ему немыслимое количество городов и крепостей на северо-западе страны, в Романье. В момент избрания Юлию удалось привлечь Чезаре на свою сторону (приемы были все те же: деньги и драгоценные подарки). Но как только новый папа был избран, Чезаре стал его врагом. Открытого сражения между ними не было. Юлий захватил противника в плен и заставил подписать документ, согласно которому Чезаре возвращал все то, что ему подарил папа Александр VI. То, как Юлий справился с этой проблемой, повысило его авторитет. Что касается Чезаре Борджиа, то он погиб в огне одной из междоусобных войн.

Врагом номер два для Юлия II была Венеция. Венецианская республика в XVI веке с полным основанием могла называться великой средиземноморской державой. Город Венеция — это только сердце раскинувшейся на севере Италии и на островах большой торговой державы. У нее был один из лучших, а может быть, и лучший морской торговый флот, а также замечательный военный флот. И она также имела крупные владения в Романии. Поэтому для папы был так значим вопрос войны с Венецией за северо-запад Италии, исключительно важный регион для мировой торговли.

Пожалуй, единственный раз в борьбе с Венецией Юлий II прибег к чисто религиозному средству воздействия: в 1509 году он наложил на Венецианскую республику как врага папского престола интердикт. Это страшное церковное наказание использовалось лишь в крайних случаях. Оно означало ограничение в праве проведения основных обрядов, выполнения таинств — это почти отлучение от церкви, но не отдельного человека, а целого государства. Интердикт был отменен в 1510 году, поскольку католическая Венеция могла послужить оплотом в борьбе против турок.

Будучи политиком-воителем, Юлий II начал искать союзников в борьбе против Венецианской республики. И нашел — среди ее конкурентов. Таким союзником стала Франция. В 1509 году войско Венеции было разбито французами в битве при Аньяделло. Папа оказал Франции политическое и военное

содействие. После этого он получил прозвище Укротитель льва Святого Марка, так как лев — символ Венеции, а главный храм этого города — собор Святого Марка. Вновь нельзя не отметить, сколь искусно Юлий II выстраивал свою политическую и военную биографию.

Как только второй соперник был повержен, третьим по счету врагом папы стала недавняя союзница — Франция. Юлий провозгласил, что теперь займется изгнанием «варваров» — французов и немцев — из любимой Италии. Идея независимости Италии воодушевила многих современников — сторонников философии гуманизма. Вот почему они охотно шли к папе на службу.

Французский король Людовик XII и германский император Максимилиан I поняли, что Юлий II — враг, создающий против них коалицию. Они попытались его свергнуть, добившись созыва собора в Пизе. Это было не вполне законно: право созвать собор имеет только римский папа. К тому же выяснилось, что Юлий II при смерти. То есть для Франции и Германии все складывалось очень удачно.

Альбрехт Дюрер. Император Максимилиан I. 1519 г.

Но уже через несколько дней Грозный папа встал со смертного одра и сказал: «Рано вы меня хороните. Я выздоровел». А ведь он успел понаблюдать за тем, кто и как ведет себя в ожидании его кончины!

Выздоровев, Юлий II создал против Франции и ее опоры Милана лигу, в которую вошли Англия, Испания, Венеция. А потом он убедил перейти на сторону лиги и Священную Римскую империю. Летом 1512 года папская армия заняла Романью. И сам Юлий, почти семидесятилетний, выходил на поле брани. Французы были отброшены за Альпы. Папское государство достигло максимальных размеров. Юлий II планировал поход на юг. Поход не состоялся из-за его кончины. Победить природу он все-таки не сумел.

Но не только военные успехи обеспечили Юлию II место в мировой истории. Помимо военно-политической, была у него и вторая линия усиления римского престола. Усиления с помощью строительства, искусства, ценностей духовных. Искренне убежденный, что папство царит над всем, а в Риме находится наместник Бога на земле, папа стремился к тому, чтобы город поражал красотой и величием.

Юлий II призвал на службу гениального архитектора и скульптора Донато Браманте. Он строил великолепные галереи Апостольского дворца и стал автором первого проекта собора Святого Петра.

Несколько лет у Юлия II работал Микеланджело Буонарроти. Именно он выполнил роспись потолка и главной стены Сикстинской капеллы, создав колоссальный, ужасающий «Страшный суд».

Великий скульптор и художник очень противоречиво относился к своему великому работодателю. Микеланджело раздражали советы, которые папа не стеснялся давать. Говорят, когда Микеланджело расписывал потолок Сикстинской капеллы, то, увидев, что внизу бродит папа и пытается ему что-то указывать, он сбрасывал с лесов щепки, чтобы Юлий ушел. Микеланджело вообще был неоднозначной личностью, но папа иногда вел себя несправедливо по отношению к нему, как считается, из-за интриг Донато Браманте.

Едва надев папскую тиару, Юлий II стал строить свою усыпальницу — в этом он несколько похож на египетских царей. Он желал, чтобы там были фигуры, символизирующие все силы Земли и Неба. Но Браманте убедил Юлия, что основные ресурсы и лучший каррарский мрамор надо употребить не на это сооружение, а на перестройку собора Святого Петра, и разработал

проект.

Тем временем Микеланджело лично трудился в каменоломнях, добывая мрамор. Когда, измученный, он приехал в Рим, чтобы получить деньги, папа не только не заплатил, но и перестал его принимать. Пылкий Микеланджело ночью бежал в Болонью. Потом состоялась знаменитая встреча в Болонье, где папа сказал: «Я ради тебя сюда приехал! Ты должен вернуться!» Они кричали друг на друга, хотя Юлий был не только выше по положению, но и в два раза старше.

А после смерти папы Микеланджело все-таки решил закончить его усыпальницу, выполнив таким образом его завет. Считается, что в помещенном там скульптурном изображении Моисея — одном из величайших творений Микеланджело — есть что-то от самого Юлия II. Речь не о внешнем облике, а о мощи натуры.

Создал Микеланджело и статую Юлия II, которая стояла в Болонье, но не сохранилась. Папа был изображен сидящим перед входом в собор. В левой руке Юлий держал ключи — те самые, которые якобы выбросил в Тибр. А правая рука была воинственно вытянута вперед. По легенде, Юлий спросил: «Слушай, а что это я делаю правой рукой?» И Микеланджело ответил: «Конечно, благословляете паству». Но папа уточнил: «Или угрожаю болонезцам». А ведь те и правда были очень строптивы.

Третьим великим художником, приближенным к папе Юлию II, стал Рафаэль Санти. Он был очень молод, чуть старше 20 лет. Рафаэль расписывал станцы — комнаты Ватиканского дворца. Он же создал несколько портретов Юлия II. Если внимательно вглядеться в них, вряд ли можно почувствовать отвращение к изображенному на них человеку. Рафаэль блестяще передал значительность его личности и неистовость натуры.

Юлий II поощрял возрождение интереса к античному искусству. Его эпоха — это время ранних, варварских археологических раскопок. Итальянская земля сохранила величайшие сокровища античности, которые в то время просто вытаскивали из земли. Археологии как науки еще не существовало.

Да и относились к искусству древности без трепета: античность (за исключением позднего Рима) — языческая цивилизация. И вот из земли извлекают скульптурную группу «Лаокоон», созданную, видимо, в IV веке до нашей эры, в эпоху эллинизма. Легендарный языческий жрец Лаокоон пытался отговорить соотечественников вносить в город знаменитого Троянского коня. Посейдон, помогавший в Троянской войне ахейцам, наслал на него страшных змей. Древний художник

изобразил момент, когда змеи душат Лаокоона и его сыновей.

Скульптура была найдена без правой руки. Эту руку, поднятую высоко к небу, восстановили по распоряжению Юлия II. Теперь мы не представляем эту скульптуру другой. Папа приказал установить ее в Бельведерском дворце. Так с образа языческого жреца начались величайшие музеи Ватикана.

Изменился и образ Рима. Юлий II хотел, чтобы из грязного, плебейского города Рим превратился в роскошную резиденцию римских пап. Но произошло значительно большее: Рим стал центром культуры Возрождения. Юлий II и сам не понимал, что не просто укрепляет свою власть, но и способствует созданию вечных ценностей.

По его заданию Микеланджело придумал форму для нанятых на службу швейцарских гвардейцев (при Юлии их около 200). Трудно не обратить внимания: в их костюме нет ничего христианского. Это символ позднесредневекового, уходящего западноевропейского рыцарства в его наилучшем воплощении. Образ воинственный, не связанный с христианским всепрощением.

Что сказать о личной жизни Юлия II? В принципе, ее не должно было быть. Однако доподлинно известно, что у него было несколько детей. Всех их он обеспечил денежными средствами и очень хорошими должностями.

Великие современники относились к папе-воителю неоднозначно. Например, Мартин Лютер, посетивший Рим в годы его правления, отозвался о Юлии II с отвращением, назвал его «чудовищем». «Смертоносной язвой человечества» считал папу Ульрих фон Гуттен — немецкий рыцарь, проповедник гуманистических идей. Видимо, этот мыслитель и литератор плохо знал предшественников Юлия II, на чьем фоне тот выглядел весьма достойно. К тому же Ульрих фон Гуттен был родом из Германии, а Юлий II нанес германскому императору Максимилиану и авторитету Священной Римской империи очень большой урон. Да и вообще, гуманисты никогда не симпатизировали теократии.

Юлий II, начавший политическую карьеру в 60 лет, не собирался умирать. За год до смерти, когда ему было за 70, укрепив и украсив Рим, обеспечив всех детей, составив план похода на юг, он созвал в Латеране восемнадцатый по счету Вселенский собор. Именно на этом соборе он намеревался заняться реформой церкви. Суть реформы в точности неизвестна, но конечную цель представить нетрудно. Это усиление теократии, опирающейся на идею абсолютной папской непогрешимости.

Эрхард Шён. Ульрих фон Гуттен. Гравюра. 1522 г.

Мысль о папской непогрешимости бытовала уже во времена Карла Великого, на рубеже VIII–IX веков. Тогда свергнутого Льва III Карл восстановил на престоле именно на этом основании: папа непогрешим, если он утверждает, что не виноват, этого достаточно. С тех пор идея периодически возвращалась. Вероятно, на соборе Юлий II предполагал, рассуждая о реформе церкви, утвердить свою абсолютную власть, папский абсолютизм, и все-таки добиться, чтобы Италия превратилась в папское государство.

По счастью для Италии, этого не случилось. Да и не могло случиться. Юлию II не было дано знать, что эпоха Возрождения — это не только время возрождения интереса к античности, не просто новый взлет духовности. Это эпоха зарождения будущих западноевропейских наций, пробуждения национальных идей. Время, когда французы в ходе Столетней войны поняли, что они французы и этим отличаются от всех остальных. И англичане поняли, что они англичане. И разобщенная Германия, и

разобщенная Италия шли к тому, чтобы осознать себя нациями. А папская теократия — это вненациональная идея.

Папа Юлий II умер 21 февраля 1513 года, не успев начать реформы, которые были обречены на неудачу. Его тело забальзамировали. А в истории остались в первую очередь не его военно-политические достижения, а великолепные постройки, скульптуры и фрески Рима и Ватикана.

Савонарола. В тисках Средневековья

Ломтев Н. П. Проповедь Савонаролы во Флоренции. 1850-е гг.

Джироламо Мария Франческо Маттео Савонарола родился за 40 лет до открытия Америки — в 1452 году, еще в недрах позднего Средневековья, а мученическую смерть принял в 1498-м. Кто он такой? Религиозный и политический реформатор, который преобразовывал одно из итальянских государств, знаменитую Флоренцию, и оставил там страшный, но яркий след.

И по сей день его личность получает полярно противоположные оценки. Один из современных итальянских исследователей называет Савонаролу ученым, проповедником, человеком «величайшей доброты и святости». По мнению других,

он «фанатичный, экзальтированный монах, который хотел вернуть Флоренцию в мрачное Средневековье». Савонарола весь состоит из противоречий, и память о нем соткана из того же материала.

О жизни Савонаролы известно немало: сохранилось множество источников. Опубликованы (преимущественно на итальянском языке) многочисленные письма, вплоть до письма матушке, где он говорит о своей судьбе, о своих проблемах. Есть и записи его проповедей. Люди, потрясенные их содержанием, старались максимально точно записать то, что их так впечатляло. Изданы его труды — «Торжество креста», «Утешитель стези моей». Особенно важен «Трактат о государственном устройстве Флоренции», ибо этот человек, занятый, на первый взгляд, только божественным, попытался вмешаться в политическую жизнь. Это начало конца его судьбы. Опубликованы знаменитые «Молитвы из темницы». Он писал стихи, они тоже изданы.

Савонарола прожил меньше 50 лет, но успел пройти несколько очень разных этапов. До 16-летнего возраста большое влияние на мальчика оказывал дед — придворный врач и автор медицинских учебников Микеле Савонарола, который жил в городе-государстве Падуе. Вся Италия тогда была разбита на такие политические единицы. У деда было восемь детей, и когда он в 1440 году решил переехать в Феррару, то пятерых сыновей взял с собой, а дочерей оставил в Падуе. В Ферарре один из сыновей, Никколо, женился на некой Елене из знатной семьи. У них родилось семеро детей, в том числе наш герой.

Отец Савонаролы был менялой и купцом. В Италии XV века это занятия довольно почтенные, но все-таки он мечтал, чтобы его сын стал медиком, как дед. И отец с матерью (а Савонарола всю жизнь нежно любил мать) старались дать ему хорошее образование. Какое в это время в Италии могло быть достойное образование? Один вариант — гуманистическое. И юноша начал получать его. Он изучал свободное искусство и получил диплом магистра. Так что темным монахом его назвать никак нельзя.

Савонарола мог бы сделать светскую карьеру, например при дворе Борсо д'Эсте — правителя Феррары, небольшого, но заметного в то время города. Надо сказать, что это довольно мрачное место. Даже сегодня окрашенный в мрачно-красные тона замок герцогов Феррарских, построенный в эпоху Возрождения, вызывает ассоциации скорее со Средневековьем. Вполне закономерно, что именно в Ферраре установлен памятник Савонароле.

Сначала юноша формировался как человек эпохи Возрождения. Он играл на лютне, увлекался, хотя и недолго,

Петраркой и сам писал поэмы. Их названия говорят сами за себя: «Гибель мира», «Гибель церкви», позже — в конце 1470-х — «О нестроении церкви». Позже Савонарола вспоминал: «Я тоже познакомился с поэтическими школами. Бродил по неплодородным дебрям стихотворных размеров, но Божья благость раскрыла мне глаза. И я покинул эти дебри, чтобы насладиться более сладкими плодами в церковных садах».

Будучи пока типичным образованным молодым человеком Возрождения, Савонарола влюбился и просил руки своей соседки, незаконной дочери знатного человека Роберто Строцци, эмигрировавшего в Феррари из Флоренции. Получив отказ, Савонарола, с его исключительным честолюбием, очень тяжело его переживал и принял решение уйти в монастырь. Вот что он писал тогда: «Главная забота монаха — денно и нощно, безраздельно пребывать душой с Господом Богом, при помощи молитвы, созерцания и пламени неугасимой любви. Но этого не достичь без душевного спокойствия. Оно же несбыточно без полного отречения от любви к прочим тварям и к себе самому, вплоть до пренебрежения собственной жизнью». Будущее показало, что это были отнюдь не пустые слова.

В апреле 1476 года, во время шумного праздника святого Георгия, Савонарола тайно бежал из дома и попросил, чтобы его приняли в монастырь. Показательно, что 24-летний молодой человек избрал не один из богатых монастырей Флоренции, а известный своей строгостью монастырь Святого Доминика в Болонье. Конечно, Савонарола понимал, что своим решением огорчит семью, особенно мать, но не мог одолеть своего внутреннего пламенного порыва.

Монастырь Святого Доминика был значимым культурным центром. Там Савонарола продолжил занятия наукой. Он изучал труды Фомы Аквинского и отнесся к его идеям с одобрением. А вот естественные науки были Савонароле не по душе. Он высказывался против античных авторов, полагая, что теперь «самая последняя христианка умнее Платона». Савонарола был ярок даже в своих заблуждениях.

Постриженный в монахи в 1476 году, Савонарола уже в 1477-м стал дьяконом, а в 1478-м получил статус пресвитера. В 1479 году он получил диплом о высшем богословском образовании и был направлен в родную Феррару преподавать.

Карло Кривелли. Святой Фома Аквинский. 1476 г.

В 1482 году Савонарола командирован во Флоренцию как проповедник. Он выступал против самого Лоренцо Медичи — флорентийского политического главы и властителя дум. Чтобы возвысить против него свой голос, надо было быть незаурядным оратором. И именно это качество обнаружилось у Савонаролы. Выяснилось, что на публике, при большом скоплении народа, он разгорается, как мощное пламя. Друг Лоренцо Великолепного, присутствовавший на выступлении Савонаролы, писал в 1491 году: «Слушал его проповедь. У меня волосы встали дыбом». А юный Микеланджело, необычайно одаренный и эмоциональный человек, после речей Савонаролы ничего не стал говорить — просто сразу тихо покинул Флоренцию.

Несколькими годами раньше, во время поездки в один из тосканских городов, среди гор, на лоне прекрасной природы, 33-летнего Савонаролу начали посещать мистические видения. Он осознал себя избранником Божьим. Наверное, эта убежденность стала залогом его проповеднического успеха.

На что были направлены его проповеди? Этот человек не принял со всей страстностью своей натуры стиля итальянского Возрождения. Его расстраивало то, что Церковь отошла от строгости нравов, в ней зрели мысли о необходимости реформ. Савонарола же хотел, чтобы все осталось как в Средние века. Он бичевал пороки, считая себя борцом за чистоту нравов. Он требовал благопристойного поведения от жизнерадостных флорентийцев, у которых благодаря Лоренцо Медичи карнавалы и праздники стали неотъемлемой частью жизни.

Бронзино. Портрет Лоренцо де Медичи. XV в.

После смерти Лоренцо Великолепного в 1492 году его место занял сын, Пьеро Медичи. Он унаследовал должность «первого гражданина». Формально Флоренция оставалась республикой. Слабый, неумный, непопулярный Пьеро вел дела очень неудачно. И это в ситуации, когда разобщенная страна постоянно сталкивается с военной угрозой!

Школа Бронзино. Портрет Пьеро II де Медичи (Глупого). XV в.

По просьбе Пьеро «безумного монаха» отозвали в Болонью. Однако в 1494 году Савонарола вернулся во Флоренцию и начал предсказывать городу нашествие врагов и связанные с этим ужасы. Кстати, зная реальную политическую ситуацию, предсказать нашествие было несложно. Давно накопившееся в народе недовольство вылилось в восстание против Медичи. Под лозунгом восстановления республики восставшие изгнали Пьеро из города, к которому уже подступали враги — войско французского короля Карла VIII. У него были свои интересы, связанные с борьбой против Венеции и соперничеством с папством. Попутно он решил захватить богатую Флоренцию. И тогда народ попросил своего пламенного духовного отца быть, как мы сегодня скажем, переговорщиком, попробовать убедить Карла VIII не подвергать Флоренцию захвату, штурму и разграблению.

Это напоминает другой исторический эпизод, когда папа Лев выехал из Рима навстречу ордам Атиллы и уговорил их повернуть. Так и монах Савонарола на осле выехал навстречу французским войскам. В трусости его никак не обвинишь. Он веровал в свое предназначение, был убежден, что Бог действительно с ним говорил. И он отправился к Карлу VIII. Но самое поразительное — что ему удалось почти полностью выполнить свою миссию, несмотря на то что он не занимал в городе никакой должности, числился просто проповедником при монастыре Святого Марка. У Савонаролы была только власть авторитета. Его называли «наичестнейший советник».

Как он уговорил Карла VIII — непонятно. Ему нечего было обещать. Те, кто пишет о Савонароле, всегда что-нибудь достраивают, фантазируют, вспоминают его портреты, написанные замечательными мастерами Возрождения: это удивительное лицо с орлиным носом, сверкающие синие или

светло-голубые глаза… Он действовал на людей почти гипнотически. В том числе, наверное, и на французского короля.

Они договорились о компромиссе, согласно которому французы вошли в город, но полного разграбления не было (разорили только дворцы Медичи, этого нельзя было запретить).

Авторитет Савонаролы стал еще выше, чем прежде. К нему шли за советом: как теперь жить? Когда толпа изгоняет тирана, она сначала довольна и счастлива и совершенно не думает о том, как устроить жизнь по-новому.

Когда к нему обратились за советами, Савонарола стал их охотно давать. Он настаивал на исправлении нравов. Для этого он организовал отряды молодежи, собрав в них 1300 детей моложе 16 лет — четыре отряда, по числу кварталов во Флоренции. Им было дано право входить с инспекцией в любой дом. Проверялась собственность, состав домашних библиотек. Савонарола полагал, что это можно доверить самым юным, потому что у них пока чистые руки.

Начинание дало замечательный эффект. Молодежь прекратила бездельничать и пировать и стала следить за чистотой поведения старших. Постепенно юноши превратились в доносителей. Наряду с искоренением безнравственного поведения они стали бороться против произведений искусства. Нечто подобное произойдет в другую эпоху, в Китае XX столетия, где хунвейбины ополчатся против «буржуазной» культуры.

По предложению Савонаролы во Флоренции проводились акции под названием «Сожжение сует». Вместо былых карнавалов на улицах Флоренции устраивались религиозные процессии. Участники, в строгих одеяниях, с церковными песнопениями, собирались слушать пламенного проповедника, который произносил такие слова: «Подойди сюда, церковь преступная. Я не говорю о ком-либо в частности, не говорю только о священнослужителях, раньше ты хоть стыдилась своих грехов, а теперь даже этого нет. Раньше священники называли своих сыновей племянниками, у священника же не может быть сыновей, а тут у папы сын! Сына убили, папа скорбит на весь мир… Называли племянниками, а теперь они открыто называют их сыновьями. Ты устроила публичный дом, повсюду ты воздвигла дома непотребства».

У Савонаролы не было догматических расхождений с католической церковью. Поэтому его нельзя считать предшественником Реформации. Он хотел только очистить нравы, вернуть духовный авторитет церкви, который она имела в раннем Средневековье, когда собор был единственным центром притяжения — своего рода картинной галереей, консерваторией,

театром.

Как проходило «Сожжение сует»? Разводили громадный костер. Для этого заранее строили что-то вроде пирамиды, чтобы огонь поднимался высоко. Сжигали предметы, считавшиеся непристойными: богатые платья, расшитые жемчугом; парики и маски для карнавала; скульптуры, изображавшие обнаженную натуру. В огонь отправилось даже изображение Мадонны, которое Савонарола счел непристойным.

Под влияние магнетической личности Савонаролы попал даже Боттичелли — он сам добровольно бросал в костер какие-то свои творения. Наверное, он пожертвовал чем-то из ранних этюдов — величайшие шедевры, к счастью, не пострадали. Художник будто пытался откупиться от происходящего.

Летели в огонь книги, в том числе «Декамерон» Боккаччо и тексты Петрарки, которым Савонарола увлекался в юности. В то же время нельзя сказать, что он хотел уничтожить всю литературу. Напротив, известно, что он выкупил и сохранил для монастыря Святого Марка главный фонд библиотеки Медичи. Книги религиозного содержания имели для него высокую ценность.

Впрочем, дело не ограничилось сожжением светских книг и музыкальных инструментов и других «непристойных» предметов. Молодежные отряды без суда вырывали святотатцам языки. У азартных игроков отнимали имущество. Развратников, на которых указывал Савонарола, считавший, что разврат хуже ереси, сжигали живьем. Он свято верил в то, что он посланник Бога и имеет право решать, кому можно жить на этой земле, кому нет. Во Флоренции начался настоящий террор.

Римский папа Александр VI был в ярости от того, что творил Савонарола. Было понятно, что обезумевшего монаха необходимо унять. Савонароле было передано через посредника предложение принять кардинальскую шапку. То есть купить его пытались очень дорого. Но Савонарола отказался. Он пообещал посланцу папы дать ответ в завтрашней проповеди. А выступая на следующий день перед толпой, прокричал: «Я не желаю шапки! Ни большой, ни малой митры! Мне не нужно ее, кроме той, которую Ты дал своим святым — венца мученичества, красной шапки, шапки крови. Вот чего я хочу!». В итоге именно это он и получил.

Савонарола будто видел мир одним глазом и действовал одной рукой. В сложную эпоху Возрождения таким «цельнокроеным» людям было очень сложно существовать. Ближе всего Савонароле были идеи наивного коммунизма, свойственные раннему христианству. Например, он добился, чтобы для бедняков ввели беспроцентный кредит. Собирал деньги для

нуждающихся. Экономических проблем Флоренции это никак не решило. Под влиянием «божественной чистоты» угасли производство и торговля. Из богатой Флоренция сделалась бедной. В городе начинался голод.

К этому добавилось новое бедствие — чума. И тогда город, на какое-то время загипнотизированный великим проповедником, перестал внимать проповедям и превратился в его злобного врага. Фанатичные сторонники Савонаролы предложили Божий суд — испытание огнем. Толпа ожидала на центральной площади, но Савонарола не явился. Может быть, его покоробила идея языческого испытания, восходившего к германским традициям раннего Средневековья. Обвиненный в трусости, он был схвачен и заточен в башню Альбергетино, в страшную внутреннюю тюрьму, где в камере не оказалось даже кровати.

Но и здесь Савонарола продемонстрировал свои удивительные способности. Он обратил в свою веру тюремщика и через него передавал на волю свои труды. В заточении были написаны знаменитые «Молитвы».

Толпа, которая недавно поклонялась Савонароле, теперь отреклась от него. Его сорок дней пытали и в конце концов казнили. Он был сначала повешен, затем сожжен вместе с двумя своими сторонниками.

В конце XX века католическая церковь признала Савонаролу не еретиком, а мучеником за веру. Это не первый и не единственный случай, когда католическая церковь пытается исправить свои былые ошибки.

А имя *Савонарола* стало нарицательным. Мы употребляем это слово, имея в виду аскета, фанатика, мученика идеи. Некоторые авторы сравнивают Савонаролу с протопопом Аввакумом. Впрочем, за тем не числится подобных злодейств.

Думается, в истории Савонаролы самая мрачная фигура — это толпа. Те, кто безумно поклонялся ему, а через короткое время плевал в него и с удовольствием наблюдал его казнь.

Пико делла Мирандола. Мыслитель эпохи Возрождения

Кристофано дель Альтиссимо. Пико делла Мирандола. XV в.

История жизни Пико делла Мирандолы — это история жизни духа, интеллекта, развившегося в контексте удивительной эпохи.

Джованни Пико делла Мирандола родился в 1463 году, до открытия Колумбом Америки в 1492-м, где проходит условная граница Средневековья и раннего Нового времени. А умер великий итальянский мыслитель в 1494-м, в возрасте 31 года. Сегодня о нем, несмотря на столь короткую жизнь, пишут как о ярком представителе раннего гуманизма.

В качестве эпиграфа можно привести несколько строчек из его самого известного произведения — «Речи о достоинстве человека»: «Философия научила меня зависеть скорее от

собственного мнения, чем от чужих суждений, и всегда думать не о том, чтобы не услышать зла, а о том, чтобы не сказать или не сделать его самому».

Те, кого сегодня называют гуманистами эпохи Возрождения, стремились осмыслить бытие и указать себе самим и человечеству в целом путь к лучшей, более счастливой жизни. Длившееся до этого тысячу лет европейское Средневековье выработало очень строгие социальные каноны, сословные перегородки, правила поведения, утвердило авторитарную позицию католической церкви. И вдруг все пошатнулось, стало можно мыслить более свободно. Наступила эпоха великих интеллектуальных бурь. Люди духа острее других ощутили это дуновение из космоса. Они и мыслили космично. Именно к их числу принадлежал Пико делла Мирандола.

На русском языке о нем нет фундаментальных трудов. Но многое можно собрать по крохам в огромной литературе, посвященной европейскому Возрождению. Это работы Л. М. Брагиной (она перевела с итальянского «Речь о достоинстве человека»), Л. М. Баткина, Н. В. Ревякиной и многих других.

Джованни Пико делла Мирандола родился близ города Модена в северной части Италии. Его родные места расположены в некоем геометрическом центре Италии эпохи Возрождения. Приблизительно на одинаковом расстоянии от Модены находятся Милан, Флоренция, Болонья, Парма, Падуя, Венеция, Генуя, Равенна. Получается что-то вроде эпицентра гуманистической интеллектуальной вспышки.

Джованни происходил из графского рода синьоров Мирандолы и Конкордии. В Италии XV века герцоги и графы не были так многочисленны, как, например, во Франции.

Италия прожила Средневековье не как единое королевство, а как конгломерат городов-государств, республик, коммун и других мелких феодальных владений. Но она сохранилась как страна, в которой со временем сформировалась итальянская нация.

Итальянские аристократы владели землями, обладали большой властью, были относительно независимы и очень гордились своим положением. Одним из важных качеств итальянской аристократии было непременное тяготение к образованию.

Джованни, младший сын в семье, рано начал проявлять необыкновенные интеллектуальные способности. Позже, когда они стали очевидны, появился миф о том, что в момент его рождения мать будто бы видела знак особой судьбы — круглое пламя на стене, которое, однако, быстро погасло.

Второе имя Джованни — Пико — было образовано от имени

Пикуса, племянника византийского императора Константина, от которого этот род вел свое происхождение. Такие легенды были очень популярны и в древности (Гай Юлий Цезарь утверждал, что его род — от Венеры), и в Средневековье, и в начале Нового времени.

О десятилетнем Джованни современники уже писали как о заметном ораторе и поэте. В 14 лет он поступил в университет в Болонье — старейший в Европе, существующий с XI века, и один из самых известных. Там была знаменитая школа права. Эта сфера деятельности считалась перспективной. Но мальчика больше влекло к филологии. В интеллектуальной среде эпохи филология была важнейшей наукой и соперничала только с философией.

Эдм де Булонуа. Марсилио Фичино. Дата неизвестна

Шестнадцати лет от роду Пико впервые побывал во Флоренции — в городе, с которым в дальнейшем была навсегда связана его судьба. Во время первой короткой поездки он встретился с самим Марсилио Фичино — лидером флорентийских интеллектуалов, которые пользовались в это время покровительством дома Медичи. В момент, когда там появился Пико делла Мирандола, правителем Флоренции был знаменитый Лоренцо Великолепный — необыкновенный человек, финансист, который тратил деньги на культуру. Он привлек к себе в дом юного Микеланджело. А дед Лоренцо, Козимо Медичи, подарил Марсилио Фичино виллу Кареджи с условием, что тот будет только писать, писать — и ни на что не отвлекаться. Вилла превратилась в интеллектуальный центр. Надо сказать, что существование таких центров очень важно для развития общества. А там, где наука не ценится, культура в небрежении,

народ ожидают страшные несчастья.

На вилле Кареджи собирались поклонники великого античного философа Платона, жившего в V–IV веках до нашей эры. Они даже праздновали его день рождения, устраивая вечеринку в греческих традициях — симпосион. Это была своего рода реконструкция образа жизни самого Платона.

Марсилио Фичино хорошо запомнил момент появления Пико делла Мирандолы, потому что это произошло в важный момент: хозяин виллы только что закончил фундаментальный перевод главных трудов Платона на латинский язык. По словам Фичино, он работал над ним с детства, около 40 лет. И вот, завершив эту огромную работу, он сидел один в комнате, наполненный внутренним ликованием, и, по преданию, смотрел на бюст Платона. А перед бюстом была негасимая лампадка (вообще, это ересь — лампадка перед бюстом язычника).

В комнату вошел молодой человек, которого Фичино позже описал так: «Юноша с прекрасной осанкой, высокого роста, с нежным и мягким, со значительными чертами лицом, оживленным благородным румянцем, со светлым и милым ликом, серыми глазами и живым взглядом, с белыми ровными зубами, золотой волной волос. И притом одетый тщательно, не совсем обычно для нашего времени».

Сохранилось изображение Пико делла Мирандолы в этом возрасте — на фреске работы Козимо Росселли «Таинство причастия» в церкви Святого Амвросия во Флоренции. На фресках, которые создавались для соборов, главные действующие лица, конечно, евангельские — это Христос, Богоматерь, святые. Но вокруг них может быть публика, среди которой встречаются лица конкретных людей. На фреске Росселли стоят рядом Пико, Фичино и Анджело Полициано. Все три лица замечательны. Но у юного Пико оно буквально светится одухотворенностью.

Недолго задержавшись во Флоренции, Пико покинул ее на два года и поехал учиться дальше. С 1480 по 1482 год он побывал в разных университетах, обучался в Падуе, где была философская школа аверроизма. Это учение арабского философа, правоведа, врача ибн Рушда (Аверроэса), который жил в XII веке на Пиренейском полуострове. Его взгляды несовместимы ни со строгим христианством, ни с исламом. Ибн Рушда преследовали мусульманские религиозные власти. Пико — христианские.

Чтобы лучше понять Аверроэса, Пико изучил восточные языки: арабский, арамейский, халдейский. Вообще, он в юности уже мог читать тексты более чем на 20 языках. Его удивительные способности проявлялись буквально во всем. Например, он знал наизусть «Божественную комедию» Данте, причем мог

декламировать ее не только в обычном порядке, но и от последнего стиха до первого.

1484 год Пико делла Мирандола провел во Флоренции, постоянно бывая на вилле Кареджи. Он вписался в среду новой Платоновской академии, не затерялся среди гениев. Есть версия, что он изображен на одном из рисунков Леонардо да Винчи, которого тоже привлек его особый внутренний свет. К сожалению, этот портрет до нас не дошел.

Юному Пико доводилось делить трапезу с самим Микеланджело Буонарроти. Да и Сандро Боттичелли жил в том же городе, Никколо Макиавелли служил в местной Синьории.

В 1485 году 22-летний Пико, так и не нашедший формулы счастья, отправился в Париж. Там были свои интеллектуальные битвы: поздняя схоластика неохотно уступала место новой философии. Велись знаменитые споры между номиналистами и реалистами о том, что есть слова — только символы или воплощение сути вещей.

В эти годы Пико занялся каббалой — древнееврейским религиозно-мистическим учением. Все были удивлены тем, что его вдруг увлекла магия, которая никогда прежде не входила в круг его интересов. Он подготовил гигантский манифест — «900 тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения». Юноша был не только талантлив, но и безмерно трудолюбив.

Вернувшись в Италию, Пико предложил всем желающим философам выйти с ним в Риме на интеллектуальный поединок, обсудить «900 тезисов», в которых была сформулирована очень неожиданная для тогдашнего общества мысль: в каждой религии есть своя правда, в каждом взгляде на мир надо искать что-то полезное. Вместо того чтобы идти стенка на стенку, следует собрать всю совокупность знаний, накопленных людьми. Призыв Пико делла Мирандолы прозвучал во всех интеллектуальных центрах страны. Автор «Тезисов» брал на себя оплату дороги всех участников в оба конца.

Диспут должен был начаться с речи Пико. Она опубликована уже после его смерти под названием «Речь о достоинстве человека». Это манифест его уникального разума, призыв к человечеству. Все философские системы и религиозные учения имеют право на жизнь, если они заняты поисками истины. «Ведь как просто», — сказал бы Лев Николаевич Толстой.

Затея Пико дела Мирандолы обеспокоила папу римского Иннокентия VIII. Он высказал сомнение в том, что столь молодой философ может подавать подобные заявки. Затем назначил комиссию для проверки содержания тезисов на предмет ереси.

Расцвет инквизиции был еще впереди, но в Европе с XIII века активно действовала контрреформация. Подозрение в ереси звучало очень страшно.

В том же году комиссия объявила, что изучила все 900 тезисов и 13 из них сочла еретическими. Пико следовало, конечно, признать свои ошибки и сказать, что он обязательно исправит эти 13 тезисов. Но бесстрашный юный философ в следующем, 1487 году написал «Апологию» — текст в защиту своих тезисов. А это уже был вызов. В ответ папа объявил еретическими все 900 тезисов Пико делла Мирандолы.

Поняв, чем это может закончиться, Пико в 1488 году бежал во Францию. Там правил Карл VIII, сын Людовика XI, не отличавшийся гуманистическими наклонностями и озабоченный идеей что-нибудь отвоевать у Италии и навести там порядок. С разрешения короля Пико делла Мирандолу схватила французская инквизиция, которая была очень сильна.

Философа заточили в одну из башен Венсенского замка. Удивительное место! Когда-то невинный королевский охотничий домик, красивое здание неподалеку от Парижа. Оттуда Людовик Святой отправился в свой трагический крестовый поход в Тунис. Там умерли один за другим сыновья Филиппа IV Красивого, про́клятого из пламени костра тамплиером Жаком де Моле. Позже, в XIX столетии, во рву Венсенского замка по приказу Наполеона Бонапарта расстреляли герцога Энгиенского.

Пико делла Мирандола провел в заточении несколько месяцев. Только вмешательство Лоренцо Медичи заставило папу смягчиться и разрешить философу вернуться в Италию и тихо жить близ Флоренции. Зная натуру Медичи и повадки римского папства этого времени, можно предположить, что решение было принято не бесплатно.

В Италию Пико вернулся другим человеком. До ареста он был смелой и гордой личностью. В «Речи о достоинстве человека» он порой говорил от имени Творца: «Я помещаю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который предпочтешь. Ты, человек, можешь переродиться в низкое, неразумное существо, но можешь переродиться по велению своей души и в высшее, божественное». А от собственного имени Пико восклицал: «О, высшая щедрость Бога-отца! О, высшее восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!»

Ореол этой речи по-прежнему был вокруг 25-летнего Пико после возвращения. Но в его поведении стали замечать что-то

совершенно новое. Он отошел от философствования и эпикурейства юности и все больше увлекался каббалой и мистикой. Это привело его в моральную ловушку Джироламо Савонаролы.

Они встретились и подружились в 1486 году. В тот период Савонарола еще не имел большого успеха как проповедник. Но он уже умел очаровать, увлечь, стать лидером. Позже, после смерти Лоренцо Медичи, Савонарола подчинил себе всю Флоренцию, завел отряды молодежи, сражавшейся с роскошью. Под его влиянием женщины швыряли в огонь свои украшения. Есть версия, что испуганный престарелый Сандро Боттичелли добровольно сжег что-то из своих творений.

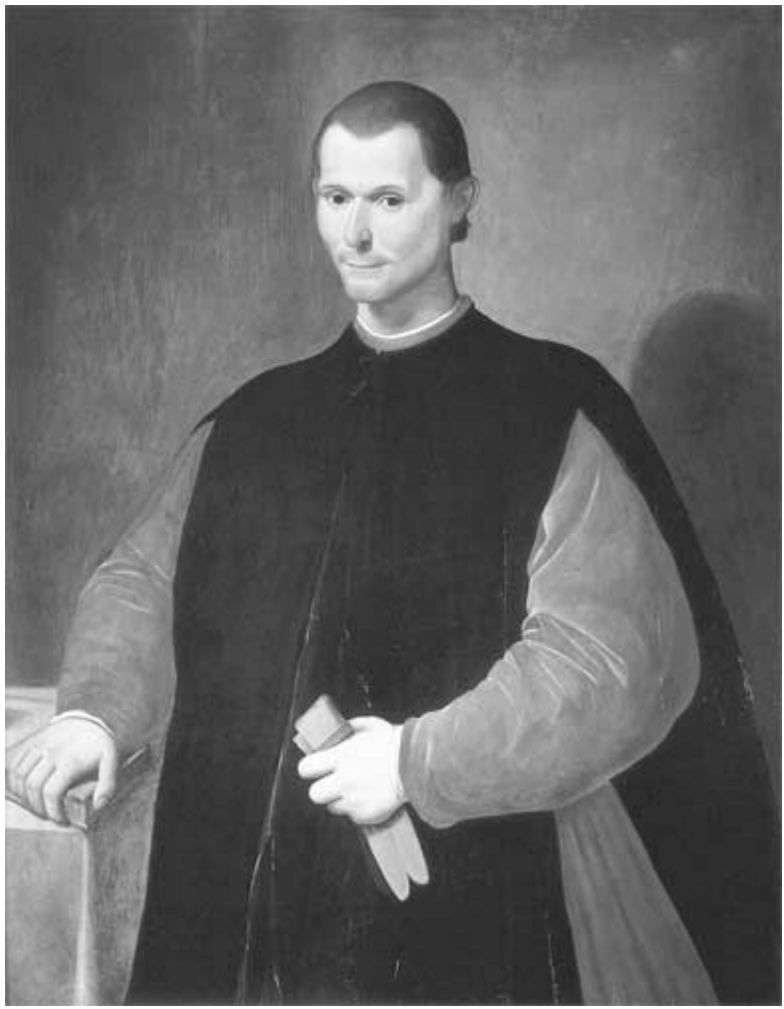
А ведь в 1490 году Лоренцо вызвал фанатика-проповедника в город именно по совету Пико. В последние годы жизни смирившийся философ тихо раздавал свое имущество. Например, дорогую посуду он дарил в качестве приданого деревенским девушкам.

Правда, не со всеми у Пико складывались столь благостные отношения. Так, он решительно выступил против астрологов, в чем, кстати, был поддержан Савонаролой. Влиятельная корпорация астрологов утверждала, что может через светила влиять на человеческую жизнь. А Пико говорил, что человек — хозяин своей судьбы.

Незадолго до смерти Пико делла Мирандола принял монашество, став членом доминиканского ордена. Умер он в 1494 году, внезапно, во время одного из мистических действий Савонаролы, в которые свято верил.

Но не надо забывать, что у необычно мыслившего философа было много врагов. В 2008 году была проведена эксгумация — и в останках Пико делла Мирандолы обнаружилось высокое содержание мышьяка. Это может свидетельствовать об отравлении. Савонарола же прожил еще два года и в 1496-м был повешен и затем сожжен. А рецепт лучшей, счастливой жизни найти так и не удалось.

Никколо Макиавелли. Горе уму



Санти ди Тито. Портрет Никколо Макиавелли. Вторая половина XVI в.

Имя этого человека стало нарицательным, что бывает не так часто. Сегодня существует понятие «макиавеллизм». Слово знакомо даже тем, кто плохо ориентируется в истории Италии. И очень часто люди ничего не знают о самом Макиавелли, но что-то слышали о его злодейской идее (ему приписывают формулировку «цель оправдывает средства»). Такое отношение глубоко несправедливо.

Никколо Макиавелли — один из титанов итальянского Возрождения. Иногда его называют первым политологом. На мой

взгляд, такое определение его несколько принижает. Политолог — нечто сиюминутное, а Макиавелли пытался мыслить категориями вечными. Он написал очень много. Перо у него было золотое, его труды бесконечно переиздаются. А о нем самом написаны тысячи томов — это не преувеличение.

Рубеж XV–XVI веков в Италии — это Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Лоренцо Великолепный, Савонарола и другие. Все на одном историческом «пятачке». Потрясающая эпоха! Но даже среди таких современников Макиавелли очень заметен.

Будущий мыслитель и политик родился во Флоренции в 1469 году. С его появлением на свет связана легенда. Говорят, что только два человека в истории — Сократ и Макиавелли — родились с широко открытыми глазами. Это якобы предвещает великую судьбу. Правда, семья и социальная обстановка не делали Никколо особых авансов. Отец, Бернардо ди Никколо Макиавелли, — адвокат, женатый на знатной вдове Бартоломмеа ди Стефано Нели. Корни рода уходили в XIII столетие, что высоко ценилось в Италии той эпохи. Но несмотря на древность рода, семья занималась делами вполне практическими, не гнушалась торговлей. Отец строго следил за поступлением доходов. В конце XV века было уже очевидно, что за счет одной знатности не проживешь.

В семье было четверо детей — сыновья Тото и Никколо, дочери Примавера и Джиневра. Имя Никколо переводится забавно — «вредный гвоздь». Надо сказать, что в характере его действительно было что-то от вредного гвоздя, и это портит его репутацию на протяжении столетий.

Никколо вырос в атмосфере гуманизма и книжности, с детства читал труды античных авторов, таких как Аристотель, Птолемей, Цицерон, Плиний. Биографы установили, что книги в основном брались из библиотек, частных или из монастырских: покупать было дорого.

Почему Макиавелли, несмотря на начитанность, не попал в кружки гуманистов, существовавшие в последние годы жизни Лоренцо Великолепного? Юноша не получил того образования, которое требовалось, чтобы его допустили к себе флорентийские интеллектуалы. В 1476 году, в возрасте семи лет, он был зачислен в школу, где обучался чтению латинских текстов. В 1477 году пошел в другую, городскую школу. Над входом в здание был установлен бюст Данте, что указывало на гуманистическое направление учебного заведения. Здесь тоже изучали латинских классиков, а также основы математики. С 1481 года Никколо учился в школе латинской стилистики. Но в университет он не

попал.

Важную роль в формировании мировоззрения Макиавелли сыграли тяжелые впечатления детства. В 1478 году, когда Никколо было девять лет, во Флоренции совершилась жестокая расправа над теми, кто пытался убить Лоренцо Великолепного. Глава города был ранен, а его брат был убит. Тех, кого подозревали в заговоре, хватали прямо на улицах, расправу творили без суда. Людей вешали в окнах, голыми или в сутанах, а потом трупы сбрасывали в прекрасную реку Арно. Никколо видел безумство толпы и тиранической власти. В зрелые годы, в двадцать девять лет, Макиавелли получил еще одно страшное впечатление: он присутствовал при казни Савонаролы в 1498 году.

Свое мироощущение Макиавелли характеризовал так: «Я родился бедным. И скорее мог познать жизнь, полную лишений, чем развлечений». Определенную роль в становлении личности сыграли и непривлекательная внешность, отсутствие обаяния, отличавшего его знаменитых современников. Известно, что за Рафаэлем просто шла толпа молодежи, чтобы полюбоваться его немыслимой красотой. Микеланджело никогда не был привлекательным внешне, но колоритен невероятно, на него смотрели как на чудо. А Макиавелли — худой желчный человек, с глазами, будто обращенными внутрь. Он был не лишен чувства юмора, но его замечания казались окружающим слишком едкими.

Чем он возмещал свои недостатки и лишения, связанные с бедностью? Процитируем его слова: «Немалое время и с великим усердием обдумывал я опыт современных событий, проверяя его с помощью постоянного чтения античных авторов». Чтение стало для Макиавелли важнейшей формой духовной жизни. Уже зрелым человеком он считал необходимым пред тем, как взять книгу, переодеться в нарядное платье. Он вступал с античными авторами в живой диалог.

В 1494 году произошло изгнание Медичи — совершилась смена эпох. Когда самой влиятельной личностью во Флоренции стал Савонарола, Макиавелли не мог приблизиться и к нему: слишком не любил церковников. Республика, требующая от граждан, чтобы они проводили все время в молитвах, Макиавелли не устраивала.

А вот через несколько дней после казни Савонаролы Никколо баллотировался в штат Синьории — это высший орган городского самоуправления Флоренции. Он был избран на довольно высокую должность — сначала секретаря второй канцелярии, а затем главы коллегии десяти, ведавшей обороной Флоренции. Выдвинуться ему помогло то, что он не был ни сторонником

Медичи, ни сторонником Савонаролы. Человек независимый, начитанный и умный.

Макиавелли с радостью взялся за государственную службу. Он написал тысячи приказов, распоряжений и других документов, совершил 13 дипломатических и военно-дипломатических поездок, выполнял сложнейшие поручения. Четыре раза он направлялся к французскому королю, который был тогда враждебен Италии в целом и Флоренции в частности. Макиавелли очень много трудился, причем с явным удовольствием. Среди причин такого энтузиазма, несомненно, была любовь к родной Флоренции. В раздробленной Италии местный патриотизм значил невероятно много.

Карьера Макиавелли складывалась прекрасно, личная жизнь тоже шла благополучно. В 33 года он женился, в семье родилось пять детей — четыре сына и дочь.

Пока у Макиавелли все было хорошо, он отличался веселостью, прекрасным юмором (друзья, получив его письмо, хохотали до упаду). Он любил красивую одежду и вообще радовался жизни. Правда, он не разбогател на государственной службе — это уже некая странность, признак «горя от ума».

Что подорвало карьеру Макиавелли и удивительным образом пробудило в нем великого писателя? События, которые произошли в Италии в самом начале XVI века. В 1502 году внутри Флоренции совершилась важная перемена. Традиционно в городе каждые два месяца избирали нового лидера. А на сей раз решили остановиться на одном пожизненном правителе. Им стал Пьеро Содерини, к которому Макиавелли был очень близок — на протяжении десяти лет оставался его правой рукой и главным советчиком.

Отсюда выросли идеи его будущей знаменитой книги «Государь», написанной в 1513 году. Макиавелли как мыслителя не устраивали ни двор французского короля, ни правление римского папы Юлия II. Размышляя над тем, что значит быть достойным властителем, Макиавелли пришел к одной из важнейших своих идей: главное, чтобы рядом с правителем были мудрые советчики и он к ним прислушивался.

Ридольфо Гирландайо. Пьеро Содерини. XVI в.

К этой мысли его подтолкнула встреча с правителем Романьи Чезаре Борджиа. Это представитель знаменитого рода Борджиа, в то время выдвинувшегося на политическом горизонте Италии. Макиавелли встретился с ним в 1502 году, в тот момент, когда над Флоренцией нависала страшная угроза со стороны Франции. Макиавелли пришел к выводу о том, что правление слабого Содерини опасно для Флоренции, и жизнь скоро это подтвердила.

Макиавелли полагал, что Флоренцию необходимо укреплять, ей требуется сильное войско. В 1505–1506 годах он инициировал создание ополчения — такое же, как на заре возникновения итальянских городов-государств. Через 15 лет, в 1519–1520 годах, Макиавелли написал замечательный трактат о военном искусстве, где обобщил свою практику создания ополчения. Его мысли о том, что патриотическое чувство, дух войска — это самое мощное оружие, удивительно перекликаются с идеями, высказанными позже Л. Н. Толстым.

Макиавелли создал ополчение из 5000 человек и сам руководил военными силами. Но в 1512 году его карьера оборвалась. В этот момент на Флоренцию посягали не только французы, но и испанцы. Пьеро Содерини бежал, и в город вернулись Медичи. Они пришли, условно говоря, на штыках Священной лиги — союза, созданного в противовес Франции и объединившего папу Юлия II, испанскую монархию, Венецию,

Швейцарию, а позднее и Англию. В итоге Италию спасло как раз то, что владеть ею оказалось слишком много желающих.

Союз решил восстановить стабильность, вернув власть дому Медичи. Когда власть перешла к Джулиано Медичи, Макиавелли был сейчас же лишен должности и на год выслан за пределы Флоренции.

А через год, в 1513-м, во Флоренции был раскрыт заговор против Медичи, и Макиавелли заподозрили в участии — скорее всего, не без оснований. Он был заключен в тюрьму, где его подвергли пыткам. Шесть раз ему связывали сзади веревкой кисти рук, подтягивали наверх, а потом давали упасть на каменный пол. Кроме того, его били плетьми. Для горделивого, но физически не самого сильного человека это была трагедия.

В камере Макиавелли написал иронический сонет, посвященный Медичи. Там были такие слова: «На стене моего каземата сидят вши размером с бабочек. И Муза, вместо того чтобы служить человеку, дает ему пинка. Вот так у нас обращаются с поэтами». Макиавелли ориентировался на прекрасные образцы. Он знал «Утешение философией», написанное одним из последних римлян Боэцием, когда тот был приговорен к смерти и ожидал казни.

Но Макиавелли был не только поэтом, но и политиком. В письме из тюрьмы он заявлял: «Правительство Медичи лишь ослабит свое влияние, несправедливо атакуя человека, который уже не может принести новому правительству никакого вреда». Имелось в виду преследование Пьеро Содерини.

Художник неизвестен. Боэций с монохордом. Фрагмент книжной миниатюры. Около 1150 г.

Макиавелли внутренне готовился к смерти и, наверное, достойно бы ее принял. Но его амнистировали в связи с избранием римским папой Льва X, из рода Медичи. В те времена строго выполнялось правило: если в город вступал правитель или происходило иное крупное политическое событие, радостное для власть имущих, они были щедры на помилования. Что-то полудетское еще было в этой эпохе: даже смертные приговоры отменялись по случаю праздника.

Макиавелли был выпущен из тюрьмы, но отправлен в изгнание, с окончательным запретом жить во Флоренции. Только в самом конце 15-летнего изгнания он будет изредка получать разрешение побывать в родном городе.

Отрешен Макиавелли и от политической деятельности. Нельзя сказать, что он вообще никому не был нужен. Например, его приглашал кардинал Просперо Колонна. Но это означало переезд в Рим. А Макиавелли хотел приносить пользу Флоренции. Отказался он и от службы французской монархии. Известны его слова, в которых виден острый ироничный ум: «Предпочитаю умереть с голоду во Флоренции, а не от несварения желудка в Фонтенбло».

Несколько лет Макиавелли жил в деревне, занимался сельскохозяйственным трудом. Его видели даже в платье, измазанном навозом. Потом он переодевался в чистое — и обращался к трудам античных авторов. Он признавался: «Я забываю все огорчения, я не страшусь бедности, не пугает меня смерть. Весь целиком я переношусь в них».

Друзьям было запрещено навещать его, но они писали ему письма, не забывая передавать приветы курам. Было понятно, что другого окружения, кроме домашней живности, у Макиавелли нет. Изоляция в поместье означала гражданскую смерть. Но для Макиавелли как мыслителя и писателя она стала временем благодатным.

Для такого деятельного человека, как Макиавелли, тихая деревенская жизнь была мучительна. От тоски он начал писать. Он излагал на бумаге свои мысли, порожденные 15-летним опытом политической деятельности, впечатлениями от поездок по огромной части Европы, от королевских дворов, которые он посетил. В изгнании были написаны «Государь» (1513), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1516), комедия «Мандрагора» (1518), «Трактат о военном искусстве» (1519–1520). В 1520 году начата «История Флоренции» — шедевр, созданный

не на латыни, а на итальянском языке. Но даже несмотря на такой расцвет литературного творчества, Макиавелли страстно желал при первой же возможности вернуться к активной политической деятельности.

В 1526 году Италия находилась под угрозой порабощения Карлом V Испанским, императором Священной Римской империи. Макиавелли предложил проект укрепления стен Флоренции (а ведь он уже был автором трактата о военном искусстве). И его вдруг приняли! Он был назначен руководителем комиссии, которой поручалось укрепить стены Флоренции и при необходимости организовать оборону города.

Но это осталось лишь эпизодом. В 1527 году власть Медичи пала. Флоренция была окружена со всех сторон врагами, народ взбунтовался и восстановил республику. Наверное, Макиавелли подумал, что настал его звездный час. Ему было 58 лет — не молодость, но еще и не старость. Сил и энергии оставалось достаточно.

Даже самые умные люди совершают порой наивные поступки. Так произошло и с Макиавелли. Большой совет Синьории — высший орган городской власти — объявил выборы канцлера республики. И Макиавелли решил баллотироваться. Ему показалось, что Медичи изгнаны окончательно и бесповоротно. Он не учел, как глубоки их флорентийские корни, сколь обширны связи, как существенны финансовые интересы. Да и французская партия не поддержала Макиавелли, который в свое время отказался служить Франции.

Главной же ошибкой было представление о том, что основная масса флорентинцев вспомнит его заслуги. В действительности же народная память коротка. Если и припоминают о былых заслугах, то чаще всего уже после смерти.

Ламберт Сустрис. Портрет Карла V Испанского. 1548 г.

За годы, которые Макиавелли провел в деревне, Флоренция сильно изменилась. В ней быстро развивался капитализм. Разбогатевшие граждане из низов становились новой знатью. Им вовсе не был нужен пламенный республиканец, приверженец идеалов уходящей эпохи. Он был опасен циничному «жирному народу».

Чего только не говорили противники Макиавелли! Спрашивали, кто и когда видел его последний раз на проповеди. Оказывается, в церкви он не появлялся — сидел в трактире. Хуже того — был в библиотеке, читал старые книжонки! Он историк! Он насмешник! Он считает себя выше всех! А отечество нуждается в людях благонадежных! Горе уму…

У Макиавелли не было ни связей, ни капитала. Обвинения же звучали так убедительно для тех, кто боялся его интеллекта и

прямоты. В итоге во время голосования 10 мая 1527 года за его кандидатуру было подано 12 голосов, против — 555. А 21 июня того же года он умер.

Похоронен Макиавелли был весьма торжественно, в церкви Санта-Кроче, рядом с Микеланджело, Галилеем и другими великими итальянцами. После смерти, когда он уже никому не был опасен, современники сочли возможным признать его заслуги.

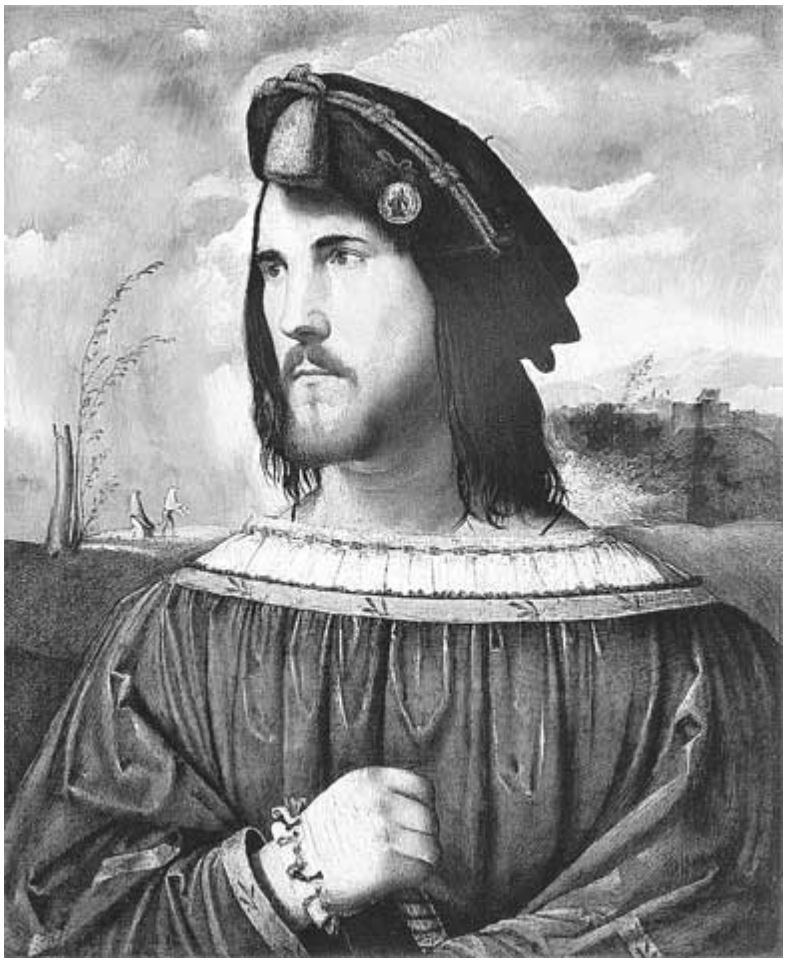
Правда, труды Макиавелли церковь в 1559 году внесла в знаменитый индекс запрещенных книг. Было объявлено, что «Государь» «написан рукой сатаны». Каждая эпоха видела в этой книге что-то свое. Она действительно дерзкая, сложная, острая: Макиавелли говорит в ней то, что думает.

Интересна судьба наследия Макиавелли в России. Во времена Анны Иоанновны его книги были запрещены. И князь Голицын был осужден в 1738 году, потому что у него в библиотеке нашли произведения Макиавелли. С точки зрения тиранов, Макиавелли — пламенный республиканец, к тому же атеист.

В более поздние годы российская историография оказалась более объективной в оценке личности Макиавелли, чем, например, французская и немецкая. А в 1996 году в Москве, во внутреннем дворике Библиотеки иностранной литературы был установлен бюст Макиавелли работы итальянского скульптора Джанпьетро Кудины.

По словам культуролога А. К. Дживелегова, «Ренессанс завещал задачу политического возрождения Италии Risorgimento (движению, направленному на объединение итальянских земель. — *ред*.), а писал его завещание Никколо Макиавелли». Свой пламенный республиканизм, искреннюю любовь к Италии, великую надежду, что она станет независимой и сильной, — все это Никколо Макиавелли вместе со своими литературными трудами передал потомкам.

Цезарь Борджиа. Трагедия баловня судьбы



Альтобелло Мелоне. «Портрет дворянина», предполагаемый портрет Чезаре Борджиа. Между 1500 и 1524 гг.

Испанец по происхождению, живший на рубеже XV–XVI веков, Чезаре Борджиа хотел называться в римских традициях — Цезарем. Почему мы называем его баловнем судьбы и при этом говорим о его трагедии?

Кардинал и полководец — странное сочетание! Современник великих людей: Лоренцо Великолепного из дома Медичи, Никколо Макиавелли, который лично знал Цезаря Борджиа и ценил его весьма высоко. В своей знаменитой книге «Государь» Макиавелли во многом руководствуется впечатлением именно об

этом человеке. Леонардо да Винчи служил у Цезаря Борджиа главным инженером.

Об этой личности ходила противоречивая молва. Говорили, что он великодушен, щедр и обаятелен. Но он же коварен, жесток, беспощаден к врагам, может заточить, казнить, отравить. Сам он тоже был заточен. И, вероятно, отравлен. Судьба Борджиа вполне соответствовала девизу на его гербе: «Aut Caesar, aut nihil» — «Или Цезарь, или ничто».

При жизни Чезаре Борджиа имел титулы герцога валансского и романьольского, принца Андрии и Венафро, графа де Дюа, правителя Пьомбино, Камерино, Урбино и так далее. Он занимал должности кардинала, гонфалоньера в папской армии (руководителя папского войска), капитан-генерала Святой Церкви. Чем не баловень судьбы? Но нельзя забывать, что он погиб в 32 года.

Чезаре родился в 1475 году, видимо, в Риме. Он был сыном кардинала Родриго Борджиа. Вообще-то, у кардиналов — представителей католической церкви — не должно быть детей, но то было совершенно особое время. В эпоху Возрождения все нарушали заветы Церкви. Кардиналу Борджиа родила сыновей и дочерей любовница — Ванноцца деи Каттанеи. Она была замужем за скромным писцом папской канцелярии Джорджио делла Кроче. Он спокойно относился к тому, что дети кардинала жили вместе с ним.

Алонсо Кано. Святой Франциск Борджиа. 1624 г.

Борджиа возводили свое происхождение к XI столетию, к королевской династии Арагона. В XIV веке род сделался заметен. Алонсо Борджиа был приближенным арагонского короля, а затем — короля Неаполя и Сицилии Альфонса I. Позже Алонсо стал кардиналом, затем — римским папой Каликстом III. С течением времени в роду появился даже один святой — Франциск Борджиа, генерал ордена иезуитов.

Чезаре, в отличие от многих других бастардов, не терзали муки незаконного происхождения. Когда ему было пять лет, могучий кардинал Родриго Борджиа добился, чтобы папа Сикст IV выдал документ о законности происхождения его сына. Несмотря на то что это противоречило церковным законам, все было официально оформлено.

В Италии, которая на протяжении всего Средневековья не

представляла собой единого итальянского государства, оставалась мозаикой феодальных княжеств, то и дело вспыхивали военные конфликты. Северный сосед — Франция и западный — Испания мечтали присоединить к себе прекрасные итальянские земли. А римским папам не дает покоя идея объединить Италию под своей эгидой.

Семья Борджиа играла в итальянской политической жизни заметную роль. Известны братья Цезаря, а еще в большей степени — сестра Лукреция Борджиа, отравительница, ставшая героиней страшных мифов. Впрочем, XX век изменил взгляд на нее. Теперь историки склонны видеть в ней не беспощадную злодейку, а скорее жертву трагических обстоятельств.

Подробностей о детстве Чезаре известно немного. Понятно, что материальных проблем мальчик не знал. С шести лет он получал доходы от монастыря в Валенсии, потому что его записали туда папским нотариусом. Вспоминается Петруша Гринев из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом…».

Когда Чезаре исполнилось восемь лет, он был назначен пробстом области Альбы и казначеем картахенской церкви. Это называется «синекура» — должность, на которой человек только числится.

Чезаре Борджиа с детства отличался тягой к знанию. С 15 лет он обучался в университете Перуджи, затем продолжил учебу в Пизе. Будучи 17-летним студентом, он был назначен генеральным нотариусом церкви и епископом крупного города Памплона! Юноша привык к тому, что на него постоянно лился золотой дождь. После каждого очередного назначения он вежливо благодарил отца и продолжал слушать лекции. Он овладел древними языками, ораторским искусством, знал каноническое право.

К сближению с отцом молодой человек не стремился, да это и не удивительно. Жизнелюбивый кардинал Родриго Борджиа в 56 лет бросил многолетнюю любовницу — мать Чезаре — и завел новую, 16-летнюю красавицу Джулию Фарнезе. В ту эпоху подобное поведение даже не считалось развратным.

В 1492-м — в год открытия Америки — совершилось великое событие, к которому кардинал Родриго Борджиа давно стремился: он стал папой римским под именем Александра VI. Ему удалось продвинуться, потому что он был богат, умен, политически ловок. Новому папе предстояло в эпоху Великих географических открытий поделить мир на зоны влияния: испанскую и португальскую.

Александр VI остался в истории как зловещая фигура. Он был в числе римских пап, насаждавших непотизм. Сегодня мы называем подобные явления кумовством. Это стремление пристроить родственников на все возможные выгодные должности. Например, у папы римского Иннокентия III, который, как и все католические священники, должен был соблюдать обет безбрачия, имелось семь сыновей. Все они были хорошо устроены и жили безбедно. Непотизм, как и расцвет индульгенций — отпущения любых грехов за деньги, вызывал возмущение у современников и, значит, приближал неизбежную Реформацию.

Сына — 18-летнего Чезаре — новый папа сделал архиепископом Валенсии. Это приносило 160 000 дукатов в год. Юноша стал одним из богатейших людей своего времени. Его диссертация по каноническому праву была признана в Пизе одной из лучших. Вдобавок ко всему он был очень красив и обладал незаурядной физической силой. Рассказывали, что он мог явиться на праздник к простолюдинам (о, как им это нравилось!), принять участие в соревновании борцов и быть там не последним. Солдаты и горожане любили его. А он мечтал не о таком успехе, и не о кардинальской шапке, которая у него уже была, не о богатствах, которые текли к нему рекой, — а о военной славе — о судьбе Юлия Цезаря.

В роду Борджиа существовала традиция: военная карьера предназначалась старшему сыну, которому давали имя Джованни (или Хуан — на испанский манер). Происхождение несколько затрудняло карьеру Борджиа — в Италии испанцы были не слишком популярны. Но этот род отличался особой энергией, ловкостью, умением обретать и использовать связи.

Итак, должность гонфалоньера, главнокомандующего папским войском, была занята старшим братом Цезаря, Хуаном. Злые языки говорили, что Хуан Борджиа был не очень способен к военному делу, в сражениях побеждали его офицеры, а он после этого красиво въезжал в Рим в торжественном победоносном шествии — это он делал лучше, чем воевал.

В 1494 году начались Итальянские войны. Французский король Карл VIII двинул на Италию крупное войско. Главной его целью было Неаполитанское королевство. Папа Александр VI решил пропустить французов через свои владения на юг. Чтобы Карл VIII поверил в его намерения, в то, что он не ударит в тыл французской армии, папа Александр отдал своего сына Цезаря в заложники.

В том же году, когда политическая ситуация изменилась и Александру VI потребовалось свободно действовать против французов, Цезарь романтически, переодевшись конюхом, бежал

из плена. Ему удалось пройти сквозь ряды французских солдат, и его не опознали в костюме простолюдина. Этот поступок прибавил ему популярности.

Итальянские войны продолжались несколько лет с переменным успехом. Брат Хуан не блистал как полководец. А в 1497 году он был убит при таинственных обстоятельствах. Во время очередного пира (а Хуан любил и умел пировать) за ним пришел человек в маске — его никто не узнал. Хуан последовал за неизвестным — и исчез. Когда развернулись поиски, какой-то рыбак сказал, что он видел, как ночью некие всадники сбросили тело в Тибр. Реку обшарили и нашли тело зарезанного Хуана. В том же году Цезарь отказался от сана кардинала, чтобы возглавить войско римского папы. Его давняя мечта сбылась.

В 1499 году он побывал с визитом во Франции, у молодого короля Людовика XII, который сменил на троне скончавшегося Карла VIII. Это давало надежду на то, что Франция перестанет быть столь враждебна и опасность для Италии с севера будет не так сильна. Цезарю Борджиа было поручено привезти в замок Шинон важное для Людовика XII папское разрешение на развод.

Визит имел несколько целей. Папа Александр VI надеялся перейти от вражды к союзническим отношениям (и это на некоторое время удалось), найти во Франции опору и получить войско (он его получит), а Цезарь должен был обрести жену.

Процессия выглядела эффектно. 24 белых мула, нагруженных дарами королю. Рядом ведут под уздцы 16 чистокровных коней в серебряной сбруе. Толпа пажей и слуг. На Цезаре Борджиа кольчуга из тонких золотых листьев. Он уже надел золотую герцогскую цепь с бриллиантовым украшением, хотя только должен получить титул герцога из рук короля Франции. Ходят разговоры, что у герцогского коня золотые подковы. Все надеются, что хоть одна из них отпадет и ее можно будет подобрать.

Переговоры прошли благополучно. Правда, Итальянские войны завершатся только в 1559 году знаменитым Като-Камбрезийским миром. Но уже сейчас папа получил военную поддержку со стороны Людовика XII для наведения порядка в Папской области и покорения области Романья. Французский король выделил ему 2000 всадников и 6000 пехотинцев. Александр VI стремился создать крепкое ядро в центре Италии и, может быть, потом объединить ее всю под эгидой папства.

Цезарь, как и задумывал, обрел невесту — правда, не ту, что предполагалось. Та, с целью жениться на которой он прибыл, решительно отказалась от этого брака. Невестой Борджиа стала сестра короля Наварры Шарлотта д'Альбре (из этого знаменитого

рода д’Альбре будет происходить Генрих IV Наваррский).

Состоялась пышная свадьба. У супругов, которые провели вместе всего несколько месяцев, родилась дочь Луиза Борджиа. Больше Шарлотта никогда не видела мужа. Но всегда хранила память о нем.

Пурбус Франс Младший. Генрих IV Наваррский. Около 1622 г.

Неизвестный художник. Шарлотта д’Альбре. XVI в.

Цезарь вернулся в Рим, к своей мечте: создать на базе папства сильное итальянское государство. За это надо было воевать.

В 1499 году Борджиа стремительно захватывает города и крепости в Романье. Некоторые сдаются добровольно — и тогда он запрещает их грабить. Он проявляет не только храбрость, но также ум и предусмотрительность. На службу к нему приглашен 47-летний, уже очень знаменитый Леонардо да Винчи. То, что великий художник принял приглашение, говорит о том, что Цезарь Борджиа не был примитивным злодеем. Конечно, гении Возрождения нуждались в покровительстве, должны были работать при чьем-то дворе, чтобы иметь возможность творить. Но Леонардо мог позволить себе выбирать. Он согласился стать у Борджиа главным инженером — возможно, он надеялся воплотить некоторые свои смелые идеи. На этой службе Леонардо познакомился с Никколо Макиавелли, который прибыл ко двору Борджиа как посол Флоренции и пробыл там не менее двух месяцев.

Макиавелли писал о Цезаре Борджиа: «Окидывая мысленным взором все сделанное и достигнутое герцогом, мы видим, что он сумел создать прочную основу для устойчивой власти, и я не знаю лучшего образа действий, который мог бы избрать новый государь, занявший трон не по праву наследования. В тех

случаях, когда его мероприятия не приносили успеха, причина заключалась не в допущенных герцогом ошибках, а в его несчастливой судьбе». О каком же несчастье говорит Макиавелли?

Военные успехи Борджиа 1499–1502 годов привели к тому, что его начали бояться. Окружающие опасались, что он всех подчинит своей власти. Особенно встревожились правители отдельных городов — Милана, Флоренции и других, более мелких. Все это привело к заговору, во главе которого стал Джованни Бентивольо.

Лоренцо Коста. Портрет Джованни II Бентивольо. XVI в.

Как это нередко бывает, о заговоре донесли. Цезарь разоблачил заговорщиков, пошел на переговоры с ними, обещал им прощение, они все покаялись… и после взятия очередного города, прямо во время праздника по случаю одержанной победы были казнены. Одновременно в Риме Александр VI арестовал оппозиционных кардиналов, и многие из них начали таинственно умирать. Подсчитано, что за одиннадцать лет правления папы Александра — с 1492 по 1503-й — умерли более 20 кардиналов. Вот откуда разговоры о Борджиа-отравителях, их таинственном белом порошке, о перстне, из которого тайно подсыпали яд, о смертоносном рукопожатии и прочем. Но это все, конечно, только предания и мифы.

Кажется, что Борджиа восторжествовали: заговор был

разоблачен, зачинщики казнены, недовольные в Риме очень вовремя умирали… Но грянул гром… События августа 1503 года можно назвать «Отравленный отравитель». Александр VI и Цезарь заболели. Некоторые исследователи склонны думать, что это действительно была болезнь. Однако занемогли они одновременно — после общего ужина. Теплым августовским вечером они ужинали в саду, на воздухе, окрыленные своими победами. Бóльшая часть Италии — Романья и Урбино, очень ценные области на севере с центром в Равенне — покорилась им. Казалось, скоро можно будет двинуться на юг — и удастся договориться о единой Италии. Но после этого прекрасного ужина очень быстро, через несколько дней, умер Александр VI и тяжело заболел Цезарь. Ему поставили обычный для той эпохи диагноз — лихорадка.

Он заперся в замке Святого Ангела в Риме, чтобы никто не мог до него добраться. Цезарь успел рассказать Никколо Макиавелли, что у него был план на случай кончины отца. План того, как сохранить папский престол и продолжить объединение Италии. Цезарь предусмотрел все, кроме болезни.

Избрание нового папы состоялось без прямого и активного участия Цезаря. Казалось бы, ему повезло: избран лояльный к роду Борджиа папа Пий III, который был благодарен за что-то Александру VI и дружен с Цезарем. Но этот человек побыл папой только 27 дней — и умер. Видимо, тоже от лихорадки… Его место занял тот, кто ненавидел Борджиа давно и упорно, — Джулиано делла Ровере.

Новый папа Юлий II объявил Цезаря узурпатором и приказал арестовать. Тот вырвался из-под ареста, бежал на юг, в Неаполь, но там, несмотря на охранное письмо от королей Фердинанда и Изабеллы, был снова арестован и в 1504 году отправлен в Испанию, в мрачный замок Вильянуэва-дель-Грао. Он пробыл там почти два года и опять совершил романтический побег: на веревке спустился по стене. Внизу ожидали верные люди с лошадьми. Веревка оказалась коротковата — слуга, который спускался перед ним, упал и сильно разбился, его там и оставили. Цезарь ударился не так сильно — его довели до коней, и он бежал.

Вот что пишет некто Херонимо Зурита, современник этих событий: «Освобождение Цезаря обрушилось на папу, как гром среди ясного неба. Герцог был единственным человеком, способным даже в одиночку взбудоражить и поднять всю Италию. Само упоминание его имени разом нарушило спокойствие в церковном государстве и сопредельных странах, ибо он пользовался горячей любовью множества людей: не только

воинов, но и простонародья. Еще ни один тиран, кроме Юлия Цезаря, не имел подобной популярности».

Но Цезарь находится в тяжелом положении. Что ему делать, куда бежать? Из баловня судьбы он превратился в изгоя. Человеку, который предполагал вот-вот установить сильную власть, которая привлекала даже Макиавелли, не было больше места в Италии.

Он написал письмо Людовику XII, вассалом которого числился. Ответ был таков: «Все владения возвращены под власть французского короля, поскольку ты, Цезарь, изменник, ты изменил с испанской короной». Цезарь бежал в Наварру — маленькое королевство в пиренейском пограничье, между Францией и Испанией. Там правил Жан, брат его жены.

Сначала Цезарь был принят хорошо, потому что король Жан нуждается в сильном полководце. Борджиа возглавил маленькое войско Наварры. После вчерашнего величия и борьбы за грандиозную империю он оказался в почти кукольном государстве, во главе кукольного войска. Правда, пришла помощь из Священной Римской империи германской нации: император Максимилиан добавил войск для наведения порядка в Наварре. Священная Римская империя была заинтересована в том, чтобы Наварра стала более независимой, — это означало некоторое ослабление Франции.

Командуя наваррским войском, Цезарь Борджиа решил навести порядок, пресечь междоусобицы, которые разрывали крошечную Наварру. Он взялся быстро — и все верили, что у него получится, — подавить выступление наваррской знати.

Но в первом же бою, в момент внезапного столкновения войск сепаратистов, которые скакали мимо, и его отрядов, Цезарь Борджиа погиб. Когда он вскочил на коня и ринулся в бой, германские воины не слишком торопились за ним последовать. Есть версия, что его предали, что его воины были подкуплены. Это вполне вероятно. Цезарь оказался чуть ли не один против целого отряда и погиб, изумив всех своей отвагой. По легенде, он получил более 20 смертельных ранений.

Цезаря Борджиа похоронили в церкви Санта-Мария-де-Виана — недалеко от места гибели. Через 200 лет епископ Калаоррский, бывший в тех местах, узнал, кто там похоронен, и приказал удалить из церкви «нечестивые останки». Где они теперь — неизвестно. «Баловень судьбы» не обрел покоя даже после смерти.

Томмазо Кампанелла. Гражданин «Города Солнца»

Франческо Коцца. Портрет Кампанеллы. XVII в.

Томмазо Кампанелла — герой, которого мы изучали на уроках истории. Но он совсем не такой, каким описан в школьных учебниках. Да, он автор маленькой книжки «Город Солнца» — знаменитой социалистической утопии, за которую одни превозносят его до небес (особенно это было распространено в советское время), другие — резко критикуют. Но Кампанелла не только революционер, но и мыслитель, философ, астролог, поэт,

исследователь живой природы, сторонник концепции сенсуализма. Серьезный, вдумчивый самоучка.

Жизнь Томмазо Кампанеллы гораздо интереснее его знаменитого произведения. Он прожил 71 год — с 1568-го по 1639-й. Из них 33 года он провел в застенках испанской монархии и инквизиции. 27 — в непрерывном заточении. Он вынес такие пытки, которых не пережил бы никто другой. Вся система инквизиционного расследования и суда была построена на том, что человек не в состоянии терпеть таких мучений, которым его подвергают, и поэтому обязательно скажет то, чего от него требуют. Кампанелла выдержал. Не случайно в XX веке, в период моды на инопланетян, его называли в числе возможных пришельцев.

Кампанелла (фамилия буквально переводится с итальянского как «колокольчик») родился 5 сентября 1568 года в Калабрии. Это довольно крупная область в южной части Италии, на самом «носике» итальянского сапожка и в центре «подошвы». Центр Калабрии — Неаполь, тогда столица Неаполитанского королевства, существовавшего под контролем испанской монархии. Мальчик, появившийся на свет в маленьком городке Стило, от рождения именовался вовсе не Томмазо, а Джованни Доменико. Когда он вырос и решил стать монахом, обязательным условием было изменение имени. Кампанелла принял имя Томмазо в честь своего героя — Фомы Аквинского, средневекового схоласта, фигуры мрачной и противоречевой. Из противоречий был соткан и сам Томмазо Кампанелла.

Отец Кампанеллы был неграмотным сапожником. А сын в пять лет научился читать. Неизвестно, где он брал книги, но в Италии XVI века их можно было найти, например, в монастырях и монастырских школах.

Образование Кампанеллы — это почти исключительно самообразование. Сохранились и опубликованы его письма. В них упоминается единственный учитель, который два года обучал юношу грамматике, — и это все. Тем не менее Кампанелла прекрасно писал не только по-итальянски, но и на латыни, знал труды античных авторов.

Он вспоминал: «Я изучил всех комментаторов Аристотеля, став взрослым, — греческих, латинских, арабских. Я начал еще более сомневаться в их учении и захотел сам исследовать, являются ли истинными те учения, которые они распространяли по свету и выдавали за божественный закон. И так как мои учителя не могли удовлетворительно ответить на мои вопросы, я решил сам прочесть все книги Платона, Плиния, Галена, Демокрита и Телезио. И, сравнив их с первоначальным законом

мира, с оригиналом, установить, что в них имеется истинного, и что ложного». Типичное рассуждение пытливого самоучки, для которого мерило вещей — природа.

Советский медиевист А. Х. Горфункель, написавший прекрасную биографию Кампанеллы, приводит легенду, которая сохранилась в Калабрии. Рассказывали, что, не имея денег на обучение в школе, юный Джованни Доменико стоял у ее открытого окна и слушал. И когда учитель задавал вопрос, а дети затруднялись с ответом, через окошко раздавался голос: «Можно я скажу?» Мальчик с самого начала проявил свою неординарную натуру. Этого не знали потом инквизиторы, которые так и не смогли его одолеть.

К 14 годам Кампанелла решает уйти в монастырь. Перед этим он очень тяжело болел и едва выжил. Это могло оказать на него влияние: люди, перенесшие очень тяжкое заболевание и выздоровевшие, в те времена точно знали, что это воля Божья и лучше им пойти служить Всевышнему.

Кроме того, монастырь — это единственный путь к расширению познания. Во всех монастырях прекрасные библиотеки. Джованни Доменико увлекся трудами Фомы Аквинского (или Аквината). Этот философ XIII века удивительно ловко строил аргументацию, нанизывал слова одно на другое, предлагал парадоксальные решения сложных вопросов. Джованни Доменико был потрясен этим искусством. Он принял, и принял навсегда, главную идею Фомы Аквинского об абсолютном характере папской власти, о ее незыблемости, о том, что папа римский превыше всего на земле. Критики Кампанеллы называли его за это мракобесом. Но идея типична для эпохи Возрождения и имеет не только духовное, но и политическое объяснение. Ведь и великий гуманист Данте считал, что уж лучше один римский папа, чем сто правителей, которые постоянно дерутся друг с другом.

Джованни Доменико ушел в доминиканский монастырь, и это было очень разумно. Орден доминиканцев выделялся своим огромным состоянием, а значит, в его монастырях хранилось больше всего книг. Правда, и устав у доминиканцев был строже, чем у многих других. Но Кампанелле предстояло стать «неправильным монахом». Над ним не были властны никакие регламенты.

В монастырской школе Томмазо постоянно спорил с педагогами. Один из соучеников писал: «Он все время возражал. Особенно своим учителям». Это красная нить его жизни: этот человек все время возражает всем. Он рожден бунтарем. Даже будучи апологетом папской власти в целом, он готов критиковать

отдельного папу, который его в чем-то не устраивает.

Когда однажды его сравнили с замечательным итальянским гуманистом Пико делла Мирандолой, Кампанелла ответил, что у того был другой старт. Пико делла Мирандола — богатый человек, занимавший видное положение в обществе и получивший изысканное образование. О себе же Кампанелла писал: «Я родился в нищете и всегда подвергался преследованиям и клевете — с тех пор как в 18 лет я выступил против Аристотеля». Средневековая схоластика, несколько подредактировав древнегреческого мыслителя, приписала ему собственное видение устройства мира — поставила Землю в центр Вселенной. Это требовалось принимать как догму. Но Кампанелла был не согласен.

Бунтарство дорого ему стоило. Он говорил: «И столько раз я перебывал в тюрьмах, что не припомню и месяца подлинной свободы, разве что ссылку. Пять раз я в страхе и мучении претерпел неслыханные и ужаснейшие пытки. Я самоучкой изучил все науки». И это не преувеличение. Он утверждал: «Я родился, чтобы бороться с тремя великими проявлениями зла — тиранией, софистикой и лицемерием».

Однажды Кампанелла все-таки нашел себе учителя. Он прослышал, что в городе Козенца живет некий ученый человек Телезио, и прочел его труд «О природе вещей согласно ее собственным началам». Автор критиковал схоластику с близких Кампанелле позиций — исходя из приоритета природы.

Рафаэль Морген. Бернардино Телезио. Гравюра. Дата неизвестна

У Кампанеллы появилась мечта — увидеть этого человека. Он отправился в Козенцу, но попал лишь на похороны Телезио, увидел своего учителя в гробу. С тех пор Кампанелла всегда был предан его взглядам. Это было одной из главных причин преследования Кампанеллы со стороны инквизиции. «Город Солнца» мало интересовал католическую церковь, воспринимался как литературное сочинение, фантазия. А вот защита идей Телезио была страшным грехом.

И все-таки заочная встреча Телезио и Кампанеллы состоялась. Представитель католической церкви Джакомо Марто написал опровержение Телезио и похвалялся этим. По мнению историков А. Х. Горфункеля и А. Э. Штекли, Марто был человеком серым и продажным: за это сочинение ему хорошо заплатили. Он сам с гордостью рассказывал, что трудился над текстом семь лет, чтобы получить побольше денег.

А Кампанелла за семь месяцев написал труд под названием «Философия, доказанная ощущениями». И это была апология взглядов Телезио, апология стихийного, наивного материализма, который в сознании Томмазо органично соединяется с верой в Господа Бога и в римского папу.

Потом Кампанелла начал участвовать в диспутах. Он, самоучка, оказался ярким оратором — и ему удавалось побеждать!

Началось все с того, что Кампанелла явился на официальный богословский диспут по поручению доминиканского ордена, чтобы представлять «псов Господних», стоящих на страже католической веры. Солидный доминиканец, которого ждали, заболел, и вместо него явился 17-летний юноша с пылающим взором и сообщил, что участвовать в семинаре поручили ему.

Сначала это вызвало насмешки, но его речи всех потрясли. Во-первых, у него была феноменальная память. Позже, когда он будет в тюрьме писать свои бесконечные сочинения, ему придется пользоваться собственной головой как библиотекой. Целые пассажи из сочинений отцов церкви, средневековых схоластов, он мог воспроизводить наизусть, и абсолютно точно. Во-вторых, он прекрасно строил аргументацию. Это был человек с живым умом. В диспуте он просто всех напугал… И продолжал пугать всю жизнь — он, бунтарь, не вписывающийся в контекст ситуации.

А что это была за ситуация? Конец XVI века — страшное время в духовном смысле, несмотря на продолжающееся Возрождение. Поздний Ренессанс, противостояние церкви и ее реформаторов — протестантов. Тысячу лет, с V по XV век, церковь была абсолютной властительницей дум, и она не могла легко

сдать позиции.

Появился индекс запрещенных книг. Возник орден иезуитов — специально для защиты от любых нападок на приоритет церкви и на ее духовное владычество. Все энергичнее действовала инквизиция. Вспомним, что и Варфоломеевская ночь — это тоже эпоха Кампанеллы, хотя в момент этого страшного события ему было всего три года.

Кампанелла не был еретиком — он правоверный католик, преданный папской власти. Но он начал бунтовать.

Уже его юношеские стихи доказывают, насколько он «неправильный монах». Ведь это пылкие любовные сонеты, в которых автор кается в том, что увлечен порывами плоти.

А в 1589 году Кампанелла без разрешения монастырских властей отправился в Неаполь. Вслед ему полетели доносы. В них говорилось, что он читает опасные книги и под влиянием некоего ученого еврея Авраама увлекается мистикой, в частности каббалой. Увлечение мистикой и астрологией действительно было, что не мешало Кампанелле оставаться страстным естествоиспытателем и человеком, преданным католической церкви. Во втором доносе было написано, что нормальный человек не может так много знать. Только тогда в Кампанелле подозревали не инопланетянина, а грешника, сговорившегося с дьяволом. Утверждали, что и в диспутах он побеждает с помощью князя тьмы.

Началось первое расследование. Обошлось пока без тюрьмы и суда — состоялось лишь церковное обсуждение поведения Кампанеллы. На вопрос о происхождении своих удивительных знаний он ответил: «Я больше потратил масла для своей лампады, чем вы выпили вина». А ведь любовь служителей церкви к винопитию была хорошо известна. Так что аналогия оказалась весьма яркой.

На первый раз решение церкви было относительно мягким. Кампанеллу сослали в отдаленный монастырь. Но он туда не поехал. Отправился странствовать по Италии. Решил посетить блистательный университет в Падуе, где незадолго до этого читал лекции Джордано Бруно. По дороге Кампанелла ночевал в доминиканском монастыре в Болонье, тоже городе высокого просвещения, и там у него похитили все рукописи. В следующий раз он увидел их через два года, во время следствия и суда. Их исчезновение было предупреждением. Церковь давала Кампанелле понять, что пора испугаться и остановиться. Но нет…

В Падуе Кампанелла познакомился с Галилео Галилеем. У нас нет детальных сведений об этой встрече, но из дальнейших событий ясно, что бóльшая часть их представлений о мире была

очень сходной. Впоследствии Кампанелла напишет два трактата, в которых поддержит Галилея, а также труды в защиту системы Коперника. Отчаянный человек! Время диспутов уже прошло. К тому времени, когда Кампанелла попадает в Падую, уже арестован Джордано Бруно.

Иллюстрация Джордано Бруно, взятая из современной версии «Livre du recteur» Женевского университета

Чтобы передвигаться по Италии, нужны были деньги. Кампанелла зарабатывал уроками, частным репетиторством, которое для образованных людей Возрождения было просто спасением. Он посетил Рим, затем Флоренцию. У него появились друзья, которые восхищались его талантами, работоспособностью, готовностью открыто обсуждать устройство мира. Они попробовали пристроить его — так, как было принято в ту эпоху. Интеллектуалу необходим был высокий покровитель, чтобы обеспечивать содержание и условия для работы.

Кампанеллу рекомендовали герцогу Тосканскому Фердинанду I. Тот воистину любил интеллектуалов и высоко оценил Кампанеллу. Герцог даже подумывал определить его в университет в Пизе, и это было бы замечательно. Но герцог, как верное дитя католической церкви, запросил ее мнение и ответ получил отрицательный: ему не рекомендовали принимать у себя Кампанеллу. Теперь герцог должен был ему отказать. Он сделал очень утонченно: Кампанелла посвятил ему свой очередной труд, а герцог не принял посвящение. Это был знак, и Кампанелла понял, что в Тоскане ему нет места, надо уезжать.

В 1594 году его вместе с двумя друзьями арестовали по обвинению в ереси. Десять месяцев он провел в тюрьме. Одного из его друзей, Франческо Пуччи, казнили в тюремном дворе.

Во время следствия Кампанелла очень ловко, очень умно опровергал все аргументы, которые приводили в пользу того, что он мыслит еретически. Среди обвинений были и довольно нелепые сведения из доносов. Например, один из соучеников сообщал, будто указывал Кампанелле на то, что книги из монастырской библиотеки нельзя присваивать, — за кражу книг полагается отлучение от церкви. А Кампанелла якобы ответил насмешливо: «Отлучение? А что это такое? С чем его едят?» В общем, «позволил себе издевательскую шутку в отношении отлучения от церкви».

Но он отбивал все аргументы. Особенно действовало то, как фундаментально, убежденно он доказывал, что власть папы — это благо. Видя все, что творилось в Италии, — разорение, разброд, конфликты между многочисленными правителями, — он искренне считал, что папская власть лучше, чем этот хаос.

И это помогло. Его освободили, причем не без вмешательства папы, хотя лично они не были знакомы. Папа высказался за то, чтобы наказать Кампанеллу относительно мягко. Его еще раз приговорили к ссылке — на сей раз в Калабрию. Припомним его слова: «Разве что в ссылке я бывал свободен».

Кампанелла приехал в Неаполь, где в 1597 году в последний раз увидел своих друзей. Он занимался астрологией, думал, как улучшить мировое устройство. И пришел к выводу — наивному, безнадежному — о том, что нужен заговор. Сегодня, анализируя многотысячелетнюю историю человечества, мы понимаем, что заговор способен принести успех временный, он может позволить сместить отдельного человека, но не изменить систему, государственное устройство.

В конце XVI века юг Италии, который входил в состав Неаполитанского королевства, был очень недоволен установившимся правлением. Дело в том, что начиная с 1504 года Неаполитанское королевство было владением Испании, и даже имело титул — вице-королевство. Им управлял вице-король от имени испанского короля.

Для юга Италии испанцы — это завоеватели. Такие же, как все остальные, кто владел этой территорией: викинги, Анжуйская династия Франции, Арагонское королевство… В Испании это период контрреформации, мрачное правление Филиппа II Испанского — символа борьбы со всяческим инакомыслием. И потому у Кампанеллы зреет идея заговора против Филиппа II. Это заговор не против церкви, а против испанского короля, который является законным властелином по праву завоевателя.

Основываясь на положении звезд, Кампанелла в 1597 году предсказал, что Калабрию ждет нечто хорошее. Заговор

провалился, но в целом Кампанелла оказался прав: восстание было намечено на сентябрь 1599 года, а в 1598-м умер Филипп II. Видимо, Кампанелла просто неправильно истолковал то, что ему говорили звезды. На смену Филиппу II пришел его сын, Филипп III — слабый, абсолютно безвольный правитель. Казалось, что можно воспользоваться ситуацией.

Кампанелла, этот кабинетный ученый, вступил в контакт с главарями банд, которые наводнили Калабрию. Поддержали движение и крестьяне. Но главную силу составляли дворяне, которые обещали обеспечить военный успех. У заговорщиков был еще один союзник — турецкий султан. Один из друзей Кампанеллы договаривался с османским двором. Юг Италии был важнейшим пунктом торговли на Средиземном море, а это основа благосостояния Османской Турции. Султан готов был поддержать новый режим на юге Италии, если будет свергнута Испания, с которой очень трудно договориться. Османская империя была заинтересована в более мягком режиме.

Поэтому образовался такой союз: группа разбойников, местное дворянство, турки… И Кампанелла — глава политического заговора. Он уверен, что все средства хороши в борьбе за свою родину, за то, чтобы люди жили лучше. Так рождаются его мечты, «Город Солнца» начинается здесь, а вовсе не в тюрьме, потому что он и его друзья, планирующие, что́ они сделают после заговора, предполагают установить на юге Италии республику, где все будут равны, все будут счастливы. Они планируют создать на горе под городом Стило центр всеобщей справедливости. Там все будут ходить в белых одеждах… Замысел напоминает культ высшего существа, который будет поддерживать Робеспьер — один из лидеров Французской революции конца XVIII века.

Заговорщики подумали обо всем, даже о форме одежды, — но только не о предательстве. При всех их выдающихся качествах они были наивны. Заговор был выдан, о чем они не знали до самого трагического конца. У калабрийских берегов появились испанские галеры. На этих галерах уже находились примерно 150 арестованных участников заговора, а лидеры этого не знали. Начались казни прямо на кораблях: бунтовщиков вешали на реях, четвертовали — все крайне жестоко, тень Средневековья еще никуда не ушла, а испанцы были мастерами суровых расправ.

Кампанелла тоже был схвачен. В этой ситуации он — действующий революционер, а вовсе не абстрактный мечтатель. Он два-три дня пытался уходить от врагов, и это ему удавалось, но очень недолго. Но почему его не казнили сразу для устрашения итальянской общественности? Потому что над ним

уже нависало обвинение в ереси. Если человек обвинялся в ереси, то, значит, он находится в юрисдикции церкви. А раз так, его нельзя ни вешать на рее, ни четвертовать. Церковь решит: если он виновен и впал в ересь, то она передаст его светским властям — и его бескровно сожгут на костре.

Кампанелла был предан суду инквизиции. Двадцать семь лет — с 1599 года — он находился в заключении в разных тюрьмах, то испанских, то папских. Режимы тоже были различными. Самый страшный — замок святого Эльма, так называемая крокодилья яма, где узники денно и нощно находились по колено в воде.

Ужасные условия заточения требовались, чтобы получить признание узника в том, что он враг испанской монархии, что он готовил заговор для ее свержения. Но Кампанелла отвечал, что действовал в интересах Испании. Он все время подчеркивал, что любит римского папу и даже испанского короля. Так он решил не позволить себя казнить.

Дело в том, что инквизиционный суд был крайне бюрократическим. Без наличия официального признания вины нельзя было человека осудить на смерть. Но то, что на это уйдет 27 лет, инквизиторы вообразить не могли.

В 1601 году Кампанеллу подвергли самой чудовищной пытке, которая в то время была в арсенале инквизиции, под названием «велья». Это настолько страшное физическое испытание, что без разрешения римского престола проводить эту пытку было нельзя. Но поскольку перед следователями был упорствующий узник, они получили разрешение. Кампанелле было 33 года, когда его вздернули на эту дыбу. Пытка длится сорок часов. Палачи устают, сменяют друг друга, уходят обедать, возвращаются — все зафиксировано в их журналах. Силы Кампанеллы подходили к концу. И у него остался один выход — симулировать безумие.

Не раз в истории революционных движений преследуемые будут прибегать к этому средству. Кампанелла делал это, по-видимому, ярко и талантливо, как всё в своей жизни. Его «бред безумца» все равно был пронизан восторженными откликами о римском папе. Он рассчитывал, что папа его когда-то поддержит. И не ошибся: он выйдет на свободу только благодаря одному из римских пап. В его бреду периодически звучало утверждение, что он никогда не изменял испанской монархии, а хотел только что-то улучшить. То есть это была, конечно, симуляция.

Надо сказать, что папа Павел V Кампанелле симпатизировал и защищал его перед испанской короной и испанской инквизицией. Все папские симпатии вполне понятны: почему симпатизировали не Бруно, не Галилею, а Кампанелле? В связи с его вечными клятвами в верности папскому престолу и любви к

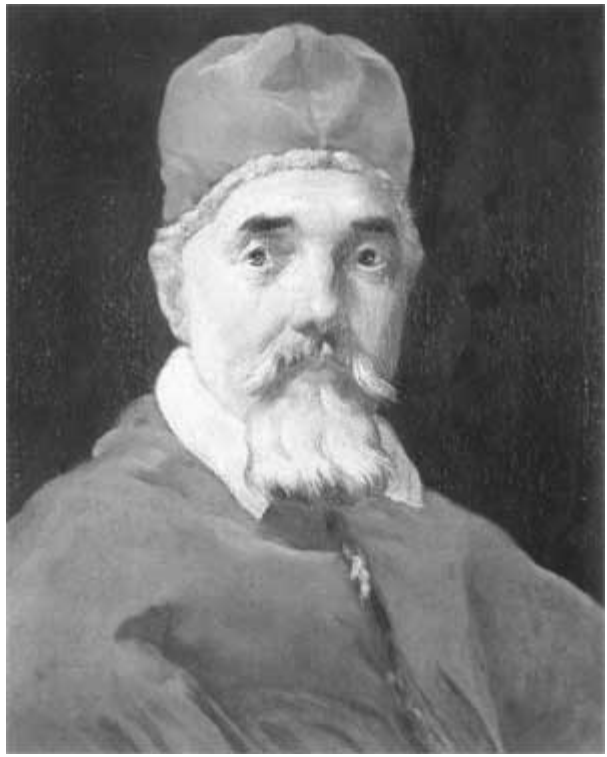
творениям Фомы Аквинского. Он работал под прикрытием этих, наверняка надуманных идей. Ведь в конце жизни он покинет Рим.

А пока была симуляция безумия, в ходе которой он написал в 1602 году знаменитый «Город Солнца» — сочинение-мечту. В книге немало наивных коммунистических мыслей, многие из которых кажутся отталкивающими: общность жен, казарменная дисциплина. Но в «Городе Солнца» надо видеть не только это. В своей книге Кампанелла попрощался с мечтой о счастливом мире, который надеялся создать в случае успеха заговора в Калабрии. Здесь все тоже ходят в белых одеждах, на стенах написаны доказательства научных теорем и размещены изображения животных, которых дети изучают в школе… В «Городе Солнца» много очень милого и очень страшного. Но книгу обязательно надо прочитать. Это страничка мировой литературы, очень характерная для своего времени.

В том же 1602 году Кампанелла был наконец осужден. Инквизиция устала: его не смогли приговорить к смерти, всего лишь к пожизненному заключению — без каких-либо надежд на амнистию, пересмотр дела или что-то в этом роде. Ему следовало мысленно себя похоронить. Но это был не тот человек. Он писал после «вельи»: «Я во время этой страшной пытки, испытывая ужасающие страдания, понял, что есть у человека свобода, что можно свою душу вывести из страдающего тела. Я знаю, что так сделать можно».

Теперь, после приговора, ему предстояло провести в застенках еще 17 лет. В 1616 году он написал, несмотря на запрет заниматься литературной работой, книгу в защиту взглядов Галилея. Друзья находили способы передавать ему со свободы бумагу. Нашлась монахиня, которая лечила его раны после «вельи» и уносила в корзиночке на волю его рукописи (потом в его сонетах будет сказано, что он целует ее локон).

Он написал десятки трудов за долгие годы заточения. В отличие от знаменитого героя романа «Граф Монте-Кристо», который жил жаждой мести, этот узник жил творчеством. В 1622 году он создает «Апологию Галилея». Те, кто находился на свободе, не решились защищать Галилея, а заключенный Кампанелла осмелился. И у него получилась книга о свободе науки.



Джованни Лоренцо Бернини. Портрет Папы Урбана VIII. 1632 г.

Находясь в заточении, Кампанелла стал знаменитым. О нем говорили и правители, и духовные прелаты, о нем шли споры. И наконец случилось поразительное: в 1629 году папа Урбан VIII, который очень верил астрологам, поверил и Кампанелле, заявлявшему, что он способен не только предсказать смерть, но и повлиять на положение светил. По решению папы Кампанелла был освобожден. Несколько лет он жил в Риме, причем не в самых дурных условиях: он читал лекции, у него появились ученики.

Надо сказать, что иезуиты его не оставили в покое. Они говорили папе: «Какой смысл негодовать на Лютера, когда Рим питает из своих уст гораздо более страшную змею?» Его все время предлагали снова арестовать. Он осознал опасность и бежал. За время, проведенное в Риме, он успел подружиться с французским посланником, и тот наверняка осведомил всесильного кардинала Ришелье о таком великом интеллектуале, который живет в Италии. В сентябре 1634 года Кампанелла с помощью посла бежал во Францию, опираясь на вражду Испании и Франции и, видимо, на желание Ришелье видеть вокруг себя интеллектуалов.

Прибыв во Францию, Кампанелла, как ни удивительно, вновь вступил в доминиканский орден. Впрочем, он никогда ему и не

изменял — он ведь не еретик. Он бунтарь и мыслитель. Личность космического масштаба. И мудрый человек Ришелье дал ему еще пять лет жизни во Франции.

Кампанелла умер 21 мая 1639 года на рассвете — как раз тогда, когда вставало солнце.